2.50
632

82
10

О Ф

Могучей и несравненной художнице — чародейке могучих сердец и душ Марии Гавриловне Савиной от искренно благодарного автора на сохранительную память.

Стремянный

12, 3, 12

НИЛОВА ПУСТЫНЬ.

(по тетрадь Мерянский)

(Осташковскаго уѣзда, Тверск. губ.)

„Буди печальнымъ утѣшитель, недугующимъ врачъ, напутствуемымъ помощникъ, нагимъ покровитель, вдовицамъ заступникъ, сирымъ защитникъ, младенцемъ питатель, старымъ укрѣпитель, странствующимъ путевождь, плавающимъ кормчій, и исходатайствуй всѣмъ крѣпкія помощи твоея усерднѣ требующимъ вся яже ко спасенію полезная“.

(Молитва преподобному отцу нашему Нилу столобенскому чудотворцу).

— —

(Изъ записной книжки).

По данному обѣщанію, во время недавней болѣзни, я посѣтилъ Нилову пустынь въ день обрѣтенія мощей преподобнаго, 27-го мая.

Въ Бологое поѣздъ прибылъ около полуночи.

На платформѣ и въ буфетномъ залѣ, масса народа—богомольцевъ.

Духовныя „особы“, монахини солидной

58838
1037
Ленинградская Театральная
БИБЛИОТЕКА

упитанности и съ жизнерадостными лицами, купчихи и чиновники, взапуски брали свободные стулья... Каждый искалъ отдыха...

Одинъ изъ святыхъ отцовъ, съ папиросой во рту, за бутылкой пива, невольно выдавался своимъ эксцентричнымъ поведеніемъ „на глазахъ почтеннѣйшей публики“...

— „Должно быть изъ современныхъ думцевъ, ишь какъ форситъ въ своей рясѣ... грѣхи!.. искушеніе“!., иные язвили „отца“...

Въ третьемъ классѣ пассажиры копошились какъ пчелиный рой...

Среди толпы случайно встрѣтился бывшій начальникъ станціи Любани, къ которому намъ пришлось обратиться съ просьбой оказать любезное содѣйствіе куда либо „преклонить главу въ ожиданіи осташковскаго поѣзда“.

Предстояло бодрствовать до семи часовъ утра среди переполненнаго зала.

Наше знакомство сослужило службу. Меня „заперли на ключъ“ въ залѣ перваго класса, гдѣ стоялъ диванъ, нѣсколько креселъ и безцѣльно горѣла на стѣнѣ керосиновая лампа, среди бѣлой майской ночи...

Температура въ залѣ чисто могильная... сырость, если не плесень, влыхалась вмѣстѣ съ копотью лампы... напоминало казематъ...

Вѣроятно первоклассное помѣщеніе никогда не провѣтривалось...

Пришлось благодарить судьбу и добрыхъ людей за отдѣльное помѣщеніе... На диванѣ можно было протянуть больную ногу.

Съ дебаркадера неслись звуки сигнальныхъ рожковъ, свистки маневрировавшихъ локомотивовъ и приходъ поѣздовъ, вызывавшихъ дрожаніе стѣнъ, судя по дребезгу ламповаго стекла...

Тряска стѣнъ и стеколъ въ рамахъ производило не совсѣмъ отрадное впечатлѣніе...

Тѣмъ не менѣе сонъ взялъ свое.

Около четырехъ часовъ я проснулся отъ холода...

Страшно хотѣлось пить...

На долгій и довольно энергичный стукъ въ дверь слышались возгласы по моему адресу кого то: „какъ ты сюда попалъ? кто пустилъ? Можетъ тебя засадили подъ замокъ, —самъ что ли забрался!.. и т. д...

Допросъ длился до прихода сторожа... Слава Богу!..

Ключъ щелкнулъ и я, какъ узникъ одиночнаго заключенія, вырвался на свободу. Однако съ первыхъ двухъ шаговъ чуть не кувыркнулся „плашмя“.

На полу лежали тѣла въ самыхъ страдальческихъ позахъ и группахъ.

Необходимо было шагать чрезъ сонныхъ женщинъ и дѣтей... Баррикады!..

Тяжелая скачка съ препятствіями, что для меня съ больной ногой было непосильно, да, пожалуй, и рискованно... Однако, съ божьею помощью, кое какъ я выбрался въ зало буфета... народу еще больше... стулья, диваны взяты „на ура“...

На столахъ лежатъ обезсиленныя головы изнемогшихъ пассажировъ.

Слышится на весь залъ могучій храпъ богатырской груди...

За буфетомъ усиленное возліяніе „алкоголя“ въ бездонную утробу потребителей спиртныхъ напитковъ.

Нѣкоторые, осоловѣвши, точно отравленные, сидятъ за пивомъ...

Группа спящихъ монахинь плотно слиплась на полу, такъ что невозможно было различить ни ногъ, ни головы... Какой-то холмъ подъ чернымъ покрываломъ... égalité...

За однимъ изъ столовъ выдѣлялся добродушнымъ лицемъ и чисто дѣтскимъ выраженіемъ свѣтящихся глазъ, съ жизнерадостной улыбкой, монахъ, бесѣдовавшій съ однимъ

изъ священниковъ, державшимъ себя „подобострастно и заискивающе“.

Оказалось, что первый былъ викарный епископъ Евсевій изъ Ярославля, пріѣхавшій спеціально къ празднику преподобнаго и, сверхъ того, повидаться съ родными, такъ какъ „владыка“ уроженецъ осташковскаго уѣзда.

И, дѣйствительно, мы были очевидцами чисто восторженной встрѣчи осташковцами „земляка“, при выходѣ его преосвященства изъ вагона.

Владыку встрѣчалъ его „зять“, священникъ о. Петръ Пенкинъ, съ семьей.

Архипастырь благословлялъ на платформѣ, какъ юношей, такъ и очень красивыхъ дѣвицъ, вѣроятно своихъ родныхъ племянницъ и каждаго и каждую „троекратно“ облобызалъ „по родственному“.

Конечно такое „цѣлованіе“ вызвало „критику“ свободомыслящихъ.

„Ишъ, святой-святой, а красавицъ цѣлуетъ безъ фальши... Впрочемъ при нынѣшней „слободѣ“,—на чужей ротокъ не накинешъ платокъ...

Мы въ Осташковъ прибыли около девяти часовъ утра.

Солнечный блескъ и общее движеніе бого-

мольцевъ вселяли самое трогательное чувство при видѣ городскихъ церквей, окруженныхъ зеленью и свѣтлоголубымъ горизонтомъ озера Селигера.

Впрочемъ не долго намъ пришлось любоваться живописной картиной.

Носильщики торопили къ монастырскому пароходу за „не достачей“ извощиковъ.

Торгуемся.

Запрашиваютъ полтора рубля до станціи.

Жандармъ предупредилъ насъ, что „надоть“ торговаться, такъ какъ „такцы“ нѣтъ и „они дерутъ какъ угодно... Безъ торга „не садитесь. Оскандалятъ“, говорилъ синій мундиръ дружески, если не слаще...

Поѣхали на дрожкахъ, съ висячими рессорами, „съ музыкой“; по булыжникамъ трясетъ, какъ въ лихорадушкѣ, а песками колесо идетъ „по ступицу“, особенно близъ „Ильинскаго“ кладбища, съ замѣчательно красивой оградой кирпичной кладки и весьма эффектнымъ видомъ...

Предъ нами мелькаютъ полуразвалившіяся избы, сараи, „бакалейныя“ торговли, газетный кіоскъ, наподобіе собачьей будки, съ двумя висячими замками; знаменскій женскій монастырь, съ богатымъ храмомъ и пятиглавной колокольней...

Стѣны св. обители слѣпятъ бѣлизной, крыши покрыты зеленью, чувствуется „благодать“, хозяйскій глазъ и солидный карманъ храмостроителей во имя Христа.

Далѣе невольно бросилась въ глаза разношерстная толпа предъ раскрытымъ окномъ двухъэтажнаго каменнаго дома.

Всѣ напряженно смотрятъ внутрь и машутъ усиленно руками.

Несутся отрывочные крики: „скоро-ли? Я давно стою!.. Опоздаемъ къ угоднику“!..

— Что здѣсь такое, спрашиваю возницу...

— Почта...

— А народъ зачѣмъ на улицѣ?

— Въ нутро не пущаютъ. Боятся грабежу. Вотъ значитъ отсюда, въ окнѣ, чиновники принимаютъ и выдаютъ письма и деньги, ну и приходится ждать „черяды“...

И тутъ же, на длинной скамеечкѣ, сидятъ два почтово-телеграфныхъ чиновника, въ форменныхъ тужуркахъ, бокъ о бокъ съ дѣвицами и щелкаютъ семячки „подсолнуха“. Пріятное времяпровожденіе...

Жанровая картинка производитъ впечатлѣніе домостроевской патріархальности „ждущихъ отпуска“ и наслаждающихся „отдохновеніемъ“.

По главной улицѣ деревья, съ боку лѣт-

ній садъ, соборъ, а при поворотѣ къ пристани кричащая вывѣска „съ восклицательнымъ знакомъ“, надъ воротами деревяннаго дома:

„Полицейская стража!!!

Конное отдѣленіе № 6“ и т. д.

Тутъ же стояли „охранители“ въ мундирахъ, съ аксельбантами ранжеваго цвѣта, растегнутыя, чуть не съ обнаженной грудью, безъ шапокъ и усиленно дымятъ „носогрѣйками“.

Побѣдоносцы!..

На насъ устремляется „недремлющее око“ весьма подозрительнаго характера, но возница повернулъ направо и мы предъ сходнями на пристань...

„Тпрру“!.. „Пжалте, готово“!

Едва мы вынули кошелекъ для расплаты съ извощикомъ, какъ зазвенѣли голоса „подайте, Христа ради!.. Купите билетикъ на пароходъ“!..

Оборванцы, мальчишки, дѣвченки и горьковскіе герои нахально хватали насъ за пальто.

На поручняхъ, „съ цыгарками въ зубахъ“, флегматично сидѣли два городовыхъ № 2 и № 6 и безучастно смотрѣли на эту дикую сцену, какъ на заурядное явленіе...

Нашъ багажъ принялъ старичекъ, назвавшійся „дворникомъ“ Ниловскаго подворья,

со словами: „Куда прикажете ѣсти?..

—На параходъ...

—Никакъ невозможно... Ѣнъ ушелъ и теперича вернется въ пять часовъ, пска отдохните въ нумерочкѣ. Очинно пользительно соснуть послѣ машины...

Спрашиваемъ городового съ бляхой №2... „правда ли это“?.

„Стражъ“, не слезая съ перилъ, неохотно отвѣчаетъ, „коли говоритъ значитъ правда— не скоро пароходъ придетъ. Сегодня онъ ходитъ безъ росписанія“.

—Не желаете-ли въ лодочкѣ, довеземъ за рупь въ самомъ лучшемъ видѣ. Садитесь, безъ опаски, слышатся женскіе голоса визгливаго тембра.

Мы рѣшили остаться въ монастырскомъ подворьѣ, чѣмъ рисковать на утломъ челнокѣ среди семиверстнаго плаванія по озеру, тѣмъ болѣе, что оно „шевелилось“ при свѣжемъ вѣтеркѣ.

Лишь только вошли въ дверь подворья, какъ послышался издалека пароходный свистокъ

Одинъ „изъ горьковцевъ“, съ рыжей бородой и багровато одутловатымъ лицемъ, кричитъ намъ: „вернитесь, господа,—катитъ „Ильова

пустынь. Скорѣе торопитесь занять мѣсто“!..

Вернулись назадъ...

—„За труды позвольте, пристаютъ къ намъ носильщикъ и золоторотцы...

Пришлось безропотно вносить „дань—контрибуцію“.

Въ утѣшеніе, или въ благодарность, золоторотецъ насъ предупреждаетъ: “карманъ берегите, баринъ, а то жуликовъ въ монастырѣ видимо не видимо, особливо монахи насмерть ограбятъ “...

Въ толпѣ хохотъ, а некоторые, преимущественно женщины, начинаютъ ощупывать свою грудь и бока...

—Испугалась, тетка, за кошелекъ, видно запила въ юбку—ничаго! они выпотрошатъ, а то и совсѣмъ отрѣжутъ... Прахтики“!..

Разукрашенный флагами пароходъ „Нилова Пустынь“ очень ловко присталъ къ пристани.

Еще издали на капитанскомъ мостикѣ выдѣлялся молодой монахъ въ скуфьѣ и рясѣ, съ кожаной сумкой черезъ плечо и видимо командовавшій рулевымъ колесомъ.

Пароходъ бросилъ сходню.

Богомольцы ринулись сплошной толпой къ борту.

Гнилой помостъ пристани и боковыя

поручни затрещали подъ тяжестью... Угрожало опасностью...

Раздался громкій крикъ монаха:

„Не спѣшите, рабы Божіи, всѣмъ будетъ мѣсто... Обождите маленько! Не ровенъ часъ—упадете“!.

Однако разумное предостереженіе не сдерживало людскаго потока.

Пассажиры другъ предъ другомъ рвались скорѣе попасть на палубу,

Въ числѣ послѣднихъ и мы вошли.

Слава богу—добрались!..

Юный монахъ „почему-то“ сразу оказалъ намъ самое предупредительное и любезное вниманіе, скромно спросивъ: „вѣроятно вы изъ Петербурга? пожалуста садитесь вотъ здѣсь, васъ не будутъ безпокоить, а то отдавятъ ногу, все больше народъ сѣрый“!..

Въ свою очередь, мы поинтересовались его именемъ: „грѣшный Василій“, произнесъ застѣнчиво “рясоносецъ—капитанъ“, состоящій при св. обители „указнымъ“ послушникомъ и оказавшійся нашимъ землякомъ по рожденію въ смоленской губерніи...

II.

О, умъ мой холодный!
Зачѣмъ уклоняясь
Отъ кроткого свѣта
Божественной вѣры,
Ты гордо блуждаешь
Во мракѣ сомнѣнья?..
И. С. Никитинъ.

Ниловскій пароходъ въ ожиданіи епископа Евсевія простоялъ у пристани около часа.

„Грѣшный Василій“ скрылся въ монастырскомъ подворьѣ...

Пришлось сезерцать окружающихъ.

Богомольцы прибывали группами, запыленные, вспотѣвшіе, съ котомками на плечахъ, —видимо, еле—еле, они добрели до пароходной палубы...

Большинство женщинъ и дѣтей..

Вздохи и писки грудныхъ младенцевъ...

Съ желѣзной дороги, около двухъ верстъ, имъ пришлось идти бѣглымъ шагомъ въ чаяніи поскорѣе „сподобиться“ къ преподобному.

Среди путешественниковъ, забитыхъ нуждою и горемъ, выдѣлялись упитанныя, даже красивыя, монастырскія „бѣлички “дальнихъ обителей; ихъ лучезарные лики празднично сіяли „изъ худобы и рвани“своей миловидностью, породностью; рѣзко проглядывало „ску-

шеніе“ въ округленности формъ подъ сквозной суганой... Вотъ такъ подвижницы!..
„О, родъ людской, достойный слезъ и смѣха...“

На наши вопросы скоро ли отвалимъ, матросъ отвѣчалъ, что „все“ зависитъ отъ отца Василія и его благословенія, при чемъ указывалъ для чего то на „росписаніе“ подъ стекломъ въ рамкѣ. Отъ бездѣлья мы принялись за чтеніе и узнали, что „при особой надобности въ пароходѣ „Нилова Пустынь“, или по требованію особо важныхъ лицъ Нилова пустынь (понимай—монастырь!) оставляетъ за собой право отпустить пароходъ Нилова Пустынь“, а его, по мѣрѣ надобности, если свободенъ малый пароходъ „Нилъ“, замѣнитъ онымъ; равно какъ пароходъ „Нилъ“ будетъ замѣнять большой при случаѣ небольшого количества богомольцевъ“. Послѣ „онаго“ росписанія намъ запомнился „пунктъ третій“, изъ правилъ для пассажировъ, отъ 25 мая 1857 года (полвѣка назадъ) за № 5682, гдѣ строго вмѣняется завѣдующимъ 1-ой судоходной дистанціей, титулярнымъ совѣтникомъ И. Тапровымъ, что „никто изъ пассажировъ, не взирая на чинъ и званіе, не можетъ развлекать разговорами лицъ, занятыхъ управленіемъ, ниже входить машинную камеру“.

Обошли мы эту самую „камеру“ кругомъ.

Смотримъ грозная надпись: „входъ воспрещается“.

Значитъ все по уставу и по правиламъ.

Приглядываемся въ стекла задняго окна. „Камера“ на подобіе фонаря

Веселая картинка. Интересно.

Двѣ дѣвицы въ платочкахъ „животики надрываютъ“ отъ смѣха, слушая разказы, съ сильной жестикуляціей, мужчины среднихъ лѣтъ, въ очкахъ и форменной фуражкѣ...

—Барышнямъ дозволяется, спрашиваемъ матроса, сидѣть въ машинной камерѣ?..

—Ничаго. Это обнаковенно Ома Михалычъ балуетъ отъ скуки... Это нашъ машинистъ... Ничаго, пущай его“...

Нашъ собесѣдникъ оказался словоохотливымъ...

—А большая ваша команда здѣсь на пароходѣ?

—Шесть человѣкъ. Значитъ машинистъ, смазчикъ, кочагаръ, два матроса и рулевой Михалъ Ляксѣичъ служитъ чуть не 20 лѣтъ...

—Много получаете?

—Да Михалъ Ляксѣичъ должно быть 100 руб. за все лѣто, матросъ Иванъ Ивановъ (онъ тоже 18 лѣтъ здѣся) 53 руб., а другой безплатно, значитъ яво одѣваютъ и обува-

ютъ отъ монастыря и три восьмушки чаю... Про машинныхъ незнаю. Харчъ монастырскій готовый, ѣшь до отвала, только безъ мяса, значитъ постное.

—Ну, а отцу Василію сколько даютъ жалованья?

—Не знаю, батюшка, да что вы распрашиваете про все? ужъ не хотите ли пустить новый пароходъ.

— И не думаю, голубчикъ!

— То то... монахи не дадутъ ходить и приставать не токма къ пристани, а и къ берегу. Пробовалъ Михаилъ Сафонычъ, такъ его чуть не стягами употчивали...

—Кто это Михаилъ Сафонычъ?

—Уткинъ, значитъ, у него нѣсколько пароходовъ... „Касатка“, „Соколъ“,„Селигеръ“... „Богатей“,..Изъ всѣхъ нашихъ осташковцевъ человѣкъ сильный и то отсталъ воевать съ монахами, какъ его употчивли стягами.

—Это какъ стягами?

- Значитъ кольями, жердями отпихиваютъ. Пасажиры хоть въ воду кидайся отъ страха, если покажутся наши жеребцы—дармоѣды.

—Зачѣмъ вы такъ ихъ ругаете?..

—Эхъ, баринъ, правду говорю— больно ужъ они прожорливы. только бы себѣ загребать, увидите сами!

— Ну, а отецъ Василій каковъ?

— Это божій человѣкъ, его суютъ на затычку къ каждой бочкѣ. Ничаго терпитъ; наплу его „пріуказили“. Нашъ скаредъ экономъ, Никаноръ, значитъ, кровь сосетъ изъ него. Чуть кого Василій пуститъ Христа ради безъ билета, ну и бѣда. Какъ, дескать, смѣетъ? Если денегъ нѣтъ, бери холстъ, нитки, кудель, хоть крестъ съ шеи... А чѣмъ Василій виноватъ, коли у другого не токма двугривеннаго, а и гроша нѣтъ за душой. Но совѣсти надо сказать, что зачастую Василій свои платитъ, лишь бы не грызся экономъ —ехида! Однако вонъ бѣжитъ Василій —скоро значитъ пойдемъ!.. Прощевайте... Я донесу чемоданъ до гостиницы. Никому не давайте.“

Мой собесѣдникъ отошелъ.

Пассажиры прибывали казалось даже сверхъ комплекта „по табели“.

На берегу замѣчалось усиленное движеніе городовыхъ и стражниковъ.

Какъ будто ждали начальство!

Въ толпѣ часто слышались глубокіе вздохи съ крестнымъ знаменіемъ во всю грудь.

„Эхъ, скорѣе бы сподобиться къ преподобному, ужъ больно притомились—ноженьки гудутъ“...

Наконецъ о. Василій крикнулъ „отваливай“, Свистокъ и пароходъ двинулся въ путь. Снова всеобщее крестное знаменіе.

Особенно усердствовали, видимо „въ назиданіе“, мягкотѣлыя подвижницы плоти въ черныхъ рясахъ.

Онѣ широко крестились, ударяя гулко въ лобъ, плечи и животъ.

Дескать смотрите и поучайтесь!

Слѣва въ густой зелени виднѣлся Житный монастырь, будто получившій свое наименованіе отъ существованія на этомъ мѣстѣ два вѣка тому назадъ патріаршихъ житницъ хлѣба, рыбы и другихъ продуктовъ „снѣди“...

За нимъ, еще красивѣе, островъ Кречно, принадлежащій городу Осташкову.

Горизонтъ озера начинаетъ показываться въ своей чарующей красѣ.

„Какая ширь! Какой просторъ!“

Въ груди чувствуется что-то новое, свѣжее, возбуждающее, бальзамическое... Глазъ не можетъ оторваться отъ густой листвы, красующейся по горамъ, необыкновенно величественныхъ, чарующихъ...

58838

БИБЛИОТЕКА
В. В. ЛУНАЧАРСКО

И серебристыми волнами,
Подъ дуновеньемъ вѣтерка,
Надъ благовонными лучами
Паровъ вставали облака!
Съ какою дѣтскою отрадой
Глядѣлъ я на кудрявый лѣсъ,
Весенней дышащій прохладой,
На сводъ сіяющій небесъ...

Правый берегъ, низменная плоскость, унизанъ деревнями Заселье, Погорѣлое (на горкѣ), Уницы, нижнее и верхнее Голутье, Начково.

Здѣсь пашня исказista и всходы озимыхъ критикуются землепашцами черноземныхъ губерній.

„Сразу видать бабья работа“?

— Какъ бабья? спрашиваю я.

— Здѣся все женщины обрабатываютъ землю. Мужики въ отъѣзжихъ промыслахъ до зимы. Когда вернутся, то занимаются рыболовствомъ, а весной бѣгутъ изъ дома. Куда-жъ бабѣ все справить? Несподручно, да и не подъ силу.

Вдругъ послышались голоса: „вона предсталъ! показался! отче преподобне!.. Яко свѣтильникъ“...

Изъ за острова, который врѣзался клиномъ далеко въ озеро, монастырскіе храмы предстали во всей красѣ, особенно выдѣлялся великолѣпный соборъ о пяти куполахъ, съ трехъярусной колокольней, построенной, какъ

говорятъ, архитекторомъ Шарлеманемъ на щедрыя пожертвованія благоукрасителей св. обители въ двадцатыхъ годахъ.

Картина изумительная при солнечномъ сіяніи и роскошной зелени. Храмы, съ высокими куполами, братскія кельи, окруженныя каменной стѣной, достойны кисти художника.

Мое старческое перо безсильно изобразить сотую часть волшебнаго ландшафта, вызвавшаго у многихъ восторженныя слезы...

Иные стояли на колѣняхъ и благоговѣйно шептали молитву преподобному, точно видя его передъ собой, какъ живого... Дивныя минуты истинно вѣрующихъ!..

Слышу повѣствованіе: „онъ лично мнѣ говорилъ, что угодникъ изцѣлилъ его отъ болѣсти; онъ горячо молился, а сначала все смѣялся, не вѣрилъ, а потомъ припалъ ко гробу преподобнаго и изцѣлился. Два раза онъ видѣлъ его во снѣ и слышалъ: пріѣзжай ко мнѣ, ты боленъ. Тотъ пошелъ и получилъ изцѣленіе отъ помѣшательства ума. Вотъ оно чудо“!

„А зимой 7 декабря богомольцы идутъ босыми по замершему озеру всѣ въ поту, точно въ банѣ и никто не простужается. Особливо силенъ изгонять бѣса отъ порченныхъ.

„Великій чудотворче, все упованіе на тебя и т. п.

Невольно я вспомнилъ одного моего товарища, всегда говорившаго, что русскій человѣкъ умѣетъ ругаться, но еще болѣе молиться, когда онъ обречетъ себя на богомолье „по обѣщанію“.

„Пламя молитвы“, сквозило въ каждомъ мускулѣ лица.

Невольно проникаешься умиленіемъ при видѣ такого „подвижничества“, твердо вѣрующаго въ эту святую минуту въ „общеніе съ Богомъ и его преподобнымъ“ и готоваго на все доброе до полнаго самозабвенія житейскаго...

Особенно мнѣ памятно лицо одной исхудалой женщины „въ лапоткахъ“, казавшейся „нелюдимкой“ до отхода парохода изъ Осташкова, но когда показалась св. обитель, то надо было видѣть эти фосфорическіе черные глаза, съ выраженіемъ чего то неземного, неподдающагося оцѣнкѣ, чтобы убѣдиться наглядно въ духовной красотѣ, чисто евангельской, способной съ вѣрой идти „по морю, яко по суху“...

Такъ великъ и очаровательенъ былъ образъ „дурнушки“ въ лапоткахъ и съ холщевой котомкой на плечахъ.

При отъѣздѣ изъ Осташкова, я узналъ, что эта красавица-дурнушка была очень бо-

гатая дѣвушка, давшая обѣтъ пѣшей дойти до пустыни и выплакать свое горе по убитомъ на войнѣ братѣ у гроба преподобнаго. Трогательный фактъ!

Изъ Москвы шла она около трехъ недѣль, безропотно испытывая дорожныя лишенія, наравнѣ съ другими товарками, чуть не нищими, питаясь мірскимъ подаяніемъ.

Немудрено возрожденіе духомъ и тѣломъ, когда желанная цѣль достигнута путемъ лишеній и мукъ...

Мои скромныя наблюденія прервалъ „грѣшный Василій“, вопросомъ: „вы все любуетесь“!..

— Да хорошо здѣсь у васъ!..

— А вотъ посмотрите внутри нашу обитель такъ совсѣмъ умилитесь. Невозможно представить, есть ли гдѣ такъ видимо и невидимо благодать Божія окрыляетъ обитель и ея обитателей, какъ здѣсь у насъ,—это вѣрный ключъ въ царствіе Божіе, это самыя врата рая.

— Каждый купецъ свой товаръ хвалитъ, слышится голосъ изъ толпы.

Отецъ Василій сконфуженно вдругъ тихо говоритъ: „Я попрошу гостинника дать вамъ хорошій нумерочекъ. Пока можно, къ вечеру, пожалуй, всѣ займутся, ради пріѣзда двухъ владыкъ и губернатора... Только скажите

пожалуста это зачѣмъ вы пишите все въ книжечку...

— Васъ интересуетъ?..

— Конечно, если для газетъ, то пожалуста пасъ не обезсудьте—мало ли что покажется, со стороны легче видѣть прорѣхи!..

Пароходъ остановился у „галдыреи“ деревяннаго дома, гдѣ обыкновенно зимуетъ пароходъ.

Нѣсколько монаховъ явились контролерами билетовъ при выходѣ пассажировъ.

О. Василій свелъ меня „къ гостиннику“ и при встрѣчѣ съ нимъ что то шепнулъ на ухо.

Мнѣ отвели третій нумеръ, прекрасный, свѣтлый и съ восхитительнымъ видомъ на озеро и ярмарку, съ хлищевыми балаганами торговцевъ сластями.

— Прикажите самоварчикъ, или послѣ литургіи, сегодня служитъ самъ настоятель, спрашиваетъ гостинникъ о. Михаилъ.

Я рѣшилъ итти въ храмъ.

Въ святыхъ воротахъ цѣлая фаланга сборщицъ монахинь и монаховъ, съ образами, разноцвѣтными поясками, кружками, тарелками...

Нищіе, слѣпые, хромые рвутъ за рукава, прося подать „убогонькому“.

Большинство калеки.

Въ храмѣ сле можно дышать отъ страшнаго запаха, чуть не вони...

Съ трудомъ мы прошли къ ракѣ угодника.

Мы исполнили свое обѣщаніе...

Теперь скажемъ summa summarum за три дня нашей жизни въ стѣнахъ первокласной обители, гдѣ святой подвижникъ питался „дубовымъ вершіемъ“ и проводилъ дни и ночи въ молитвѣ, не позваляя себѣ и на малое время ложиться на ребрахъ и только, при крайнемъ изнеможеніи, стоя, облегался пазухами на деревянные крюки, вбитые въ стѣны его келліи, и въ такомъ положеніи пользовался краткимъ отдыхомъ“...

Посмотримъ насколько нынѣ подвизающіеся страстотерпцы плоти идутъ по святымъ стопамъ великаго молитвенника „за странствующихъ Бога ради братіи“?!..

III

„Успеніе нравственнаго закона есть не только главное, но единственное дѣло человѣчества“.

А. ТОЛСТОЙ.

Намъ посчастливилось присутствовать въ алтарѣ на всѣхъ соборныхъ богослуженіяхъ епископовъ Александра и Евсевія, архимандритовъ Пахомія и Игнатія, съ монастырски-

ми иноками, при участіи діакона Ѳеодора Тихвинскаго, спеціально приглашеннаго изъ Твери, и іеродіакона Василія.

Къ духу времени не безъинтересно отмѣтить, что при взаимномъ представленіи другъ другу, тверской о. діаконъ, крѣпко пожимая мою руку, выразился такъ: „я Ѳеодоръ Тихвинскій, только, къ счастью, не членъ Государственной Думы“.

Развѣ такая рекомендація не характерна для записной книжки?

Ели же нѣтъ, то благоволите забыть такую мелочь, чисто культурнаго свойства...

Всѣ богослуженія, преимущественно всенощныя, исполнялись по древнему уставу святой обители, безъ пропусковъ, съ кононархомъ и припѣвомъ пророческихъ пѣсней; открытіе царскихъ вратъ, при возгласѣ „свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ“, совпадало съ первыми лучами восходящаго солнца...

Необыкновенной торжественностью отличалась установка и перенесеніе раки съ мощами преподобнаго на средину храма.

Потрясающая картина!

Въ день праздника во время литургіи, совершенной двумя епископами, участвовалъ прекрасный хоръ осташковскихъ пѣвчихъ, подъ управленіемъ даровитаго регента Кон.

Алекс. Эклундъ, окончившаго курсъ въ с.-петербургской капеллѣ. Свѣжіе голоса и замѣчательная нюансировка въ передачѣ Херувимской, Бортнянскаго и другихъ пѣснопѣній, безъ традиціоннаго писка дискантовъ и оранья басовъ,очаровывали слухъ и умиляли сердца.

Трудно слышать что либо лучшее не только въ захудаломъ городкѣ, но и въ столицахъ...

Г. Эклундъ въ полномъ смыслѣ maestro —чародѣй. Изъ ничего дѣлаетъ все...

Всеобщее вниманіе, особенно женскаго персонала г. Осташкова, заслужилъ очень юный (всего 30 лѣтъ)и необыкновенно красивой наружности архимандритъ Игнатій (сиро-арабъ), представитель антіохійскаго патріарха, спеціально прибывшій для поклоненія преподобному изъ Москвы, гдѣ онъ состоитъ настоятелемъ патріаршаго подворья.

Архимандритъ Игнатій участвовалъ почти во всѣхъ богослуженіяхъ и своимъ мелодичнобархатистымъ голосомъ,съотчетливоясной дикціей, прямо таки „потрясалъ сердца“ сестеръ о Христѣ...

Дамы рвались взапуски, одна передъ другой, „удостоиться“ получить благословеніе и „облобызать“ соблазнительную ручку благообразнаго „умертвителя“ плоти...

Suum cuique...

Сему юному подвижнику предсказываютъ блестящую карьеру въ церковной іерархіи на своей родинѣ, гдѣ онъ, какъ кандидатъ московской духовной академіи, имѣетъ большіе шансы къ патріаршему престолу, какъ мнѣ сказалъ о. діаконъ березовскаго погоста о. Михаилъ Рязанцевъ.

„И дамъ имъ отроковъ въ начальники, и дѣти будутъ господствовать надъ ними“.

Цвѣтущая жизнь сулитъ не менѣе лучезарную будущность „аможе не хощеши“...

Въ темныхъ глазахъ, съ поволокой, о. архимандрита Игнатія есть что-то à soi, позволяющее восхищаться имъ, какъ Божьимъ созданіемъ дивной красоты...

Его взглядъ изъ подъ черныхъ бровей выражалъ „тѣнь невидимой печали, терзающей измученную грудь“. Очень увлекателенъ...

Тѣмъ болѣе о. Игнатій „сиро-арабъ“...

„Повѣрьте, душевной (такой) чистоты
Не стоитъ сей свѣтъ ненавистный;
Блаженъ, кто мѣняетъ его суеты
На подвигъ любви безкорыстный“!

. . . . . .

Нельзя обойти молчаніемъ крайне непригляднный пріемъ монастырской братіи „писанія заздравныхъ и заупокойныхъ поминаній“ на бумажныхъ лоскуткахъ.

Въ храмѣ, на правой сторонѣ, гдѣ престолъ во имя Благовѣщенія Пресвятой Богородицы, недалеко отъ свѣчной „выручки“, гдѣ и безъ того идетъ довольно своеобразная торговля образками, крестиками, свѣчами, съ лязгомъ звонкой монеты при размѣнѣ депозитокъ и вообще сдачи, выдѣляется убогій столъ довольно солидныхъ размѣровъ, съ двумя деревянными скамейками, на которыхъ возсѣдаютъ „косматые“ послушники, подъ наблюденіемъ рясофорнаго монаха Никона.

Внѣшній видъ „писаки“ напоминаетъ, что „стальнымъ перомъ онъ бестія, прямо тебѣ въ требуху колетъ“...

„Писатели“ сидятъ „шестиголовой“ коллегіей точно столоначальники въ духовной консисторіи и „зазываютъ“ поминальщиковъ, преимущественно женскаго пола, болѣе нѣжнаго къ поминовенію усопшихъ.

Вотъ подходитъ деревенская богомолка,въ рукахъ она крѣпко держитъ „узелокъ“ края груднаго платка.

Начинается „комерція“, съ присказкой длинноволосыхъ “борзописцевъ“, во имя „обышедше —обыдоша“,—ну говори, кого писать?..

— А сколько возьмете за труды?

— Ладно, говори скорѣй, сколько дашь,

нечего торговаться, не на базарѣ. Тебѣ простой, или соборный молебенъ?..

— Желаю соборный!..

— Пятьдесятъ копѣекъ...

— Дешевле нельзя ли, родименькій, вѣдь я издалека, тоже копеечка дается кровью?..

— Торгуйся еще... тебѣ дадутъ образокъ въ придачу. Тоже стоитъ денегъ. Въ добавокъ освященный...

— Ну, говори скорѣе, видишь дожидаютъ другіе“...

Богомолка диктуетъ: „Миколу, Ховру, Ляксандру, Мила“...

Писака пишетъ печатными каракулями подъ диктовку, безъ исправленія имянъ, по слуху и выговору.

Въ концѣ записки онъ добавляетъ съ росчеркомъ „соборный 50 к.“.

“Ордеръ “, вѣрнѣе, „обгрызокъ бумажный“ вручается поминальщицѣ, съ указаніемъ „перстомъ“ на деревянную чашку съ „медюками“...

Баба нерѣшительно протягиваетъ руку „за грамоткой“...

— Ну, а намъ за труды, слышится сиплый голосъ писаки...

— Сколько, родный?..

— „По усердію къ преподобному сколько

можешь... клади чего не жаль“... Баба глубоко-болѣзненно вздыхаетъ и, растянувъ зубами крѣпко завязанный узелокъ, вынимаетъ мѣдный двухкопеечникъ,который и опускаетъ дрожащей рукой въ чашку...

Монахъ Никонъ безстрастно смотритъ на всю эту „операцію“...

Въ это время тутъ же появляется „грѣшный Василій“ съ парохода и вручаетъ о. Никону массу проѣздныхъ билетовъ...

— Это зачѣмъ вы сдаете, спрашиваю я?.

— “Для контроля! отецъ экономъ поручилъ ревизовать отцу Никону продажу билетовъ и поминальныя записки... Вотъ я и ношу имъ послѣ кажнаго рейца“...

Отецъ Никонъ билеты суетъ въ свои уемистые карманы...

Невольно становилось жутко на сердцѣ отъ созерцанія въ святомъ храмѣ людей, олицетворяющихъ патентованный принципъ консисторскихъ подъячихъ: „*Поелику возможно, мы со всѣмъ нашимъ полнымъ удовольствіемъ*“...

„Въ рай пресвѣтлый порывается, а въ преисподнюю угождаетъ“.

———

„Странныхъ, убогихъ, калѣкъ, старцевъ и старицъ, ради Господа, привѣчаютъ и милостынею одѣляютъ отъ щедротъ благочестія своихъ елико вмѣстимо“.

— —

„Горе напоящему подруга твоего развращеніемъ мутнымъ. Сіе тебѣ вѣдомо?“

———

Паисій (изъ Чародѣйки, И. Шпажинскаго).

———

Послѣ литургіи, въ день празднованія Владимірской Б. М. (наканунѣ обрѣтенія мощей преподобнаго Нила), мы замѣтили громадную толпу предъ дверью „трапезы“, гдѣ входъ оберегался здоровеннымъ парнемъ въ кумачевой рубахѣ..

Слышались голоса: „легче! ой! задавили! Не напирай, чего лезите всѣмъ хвостомъ! Ишь подвели животы... Свой бы припасали хлѣбъ, а то наровятъ къ монастырскому на шермака... Обжоры“!. и т. д.

Въ общемъ хаосѣ тискотни, визга и шума трудно было разобраться кто съ кѣмъ споритъ и кто кого упрекаетъ въ апетитѣ на чужіе хлѣба. Голодная вакханалія!

Всѣ „напирали“ скорѣе пробраться въ завѣтную дверь усѣсться „за первый столъ“, такъ какъ, по словамъ бывалыхъ людей, въ

другія „череды“ кормятъ остатками, объѣдками и помоями, которыхъ не станутъ ѣсть даже собаки, тѣмъ болѣе коровы...

Намъ удалось безъ особаго труда проникнуть въ столовую, хотя придворный стражъ, довольно сурово предложилъ вопросъ: „нияжто, баринъ, и вы польстились на ихнюю жратву? пожалуйте, коли хотите“!.

Тѣмъ не менѣе мы вошли въ середину трапезной (келарьской).

Познакомились съ монахомъ Евгеніемъ, проживающимъ въ обители, какъ онъ выразился, „даже можно сказать, что 14 лѣтъ сверхъ ожиданія. Нелегко „въ послушаніи“.

Зачастую „братія“ перекочевываетъ изъ пустыни въ другіе монастыри, при „немоготѣ“ воздержаться отъ суроваго правила „трезвы будьте, ибо супостатъ вашъ діаволъ ищетъ пьяныхъ да пожретъ ихъ... Воздержись!!!“

Большею частью „не указные“ послушники живутъ „сряду не болѣе трехъ—четырехъ лѣтъ.

Имъ „надоѣдаетъ“ ежедневная „каинтель“ нести послушаніе безъ особой мзды и „указа“.

Бурливымъ натурамъ любо испытать суетнаго житія „вся злая въ піанственномъ недугѣ“...

По крайней мѣрѣ „келарь“ Евгеній, такъ сказать, „втянулся“ въ свой искусъ, который несетъ „на своихъ ременахъ“ безропотно и, пожалуй, любовно ..

Когда я въ чайной указалъ одному изъ „послушниковъ“ на праведные труды о. Евгенія, то мой собесѣдникъ выразился такъ: „не только ему доходно, а даже монастырскія крысы жирѣютъ около его... не всякому такое счастье“...

Большая комната, съ грязными стѣнами, связанными желѣзными скрѣпами, и каменнымъ поломъ, установлена бѣлыми, длинными подозрительной чистоты 16-ю столами и скамьями; деревянныя чашки и ложки разложены были по числу „ѣдаковъ“, за каждымъ столомъ помѣщалось 20 человѣкъ.

Мы зашли въ поварню, гдѣ стоитъ котелъ, съ приваркомъ „хлѣбовомъ“.

На полкахъ и на полу валялись грязныя чашки и ложки...

— Неужели въ этомъ котлѣ варится пища, съ ужасомъ спросилъ я, при взглядѣ на давнолуженыя стѣнки его, а можетъ быть и никогда со дня ихъ выдѣлки.

— Варятъ въ другихъ, а сюда сливаютъ готовое для подачи на столъ, отвѣтилъ завѣдующій трапезой „не указной“ послуш-

никъ Александръ Песковъ, весьма симпатичной наружности, „сынъ каторжника“.

Нѣсколько изъ прошлаго о. Александра я скажу въ свое время.

Изъ двери усиленные стуки и крики: „Скоро-ли? больно напираютъ!.. Пора пущать народъ“...

„Отецъ„ Александръ „благословилъ“. „Алчущіе и жаждущіе“ рванулись волной... Поднялся шумъ.

— Охъ, православные, придавили, отпустите душу на покаяніе, неистово слышится женскій визгъ...

— „Не жадничай, могла-бы и подождать... Ишь обрадовалась“...

Черезъ пять—шесть минутъ заполнились всѣ скамьи...

Тутъ старики, старухи, парни, ребятишки и у каждаго сквозило пріятное довольство усладить свою утробу „святой трапезой“.

Малолѣтніе „служки“ въ синихъ набойныхъ подрясникахъ начали обносить нарѣзанный хлѣбъ...

Инымъ давали два куска, а другимъ по одному...

— Отчего не поровну, спросилъ я?

— Много „затыриваютъ“.

— Что это значитъ?..

— Народъ все алчный и зря мнутъ хлѣбъ, безъ пользы, объяснялъ отецъ Александръ,—если онъ съѣстъ порцію, то попросить и ему дадутъ еще—ѣшь во здравіе, а „не затыривай“ дарма, по напрасну...

Многіе „съ охоткой“ набросились на холодное съ квасомъ- вродѣ ботвиньи, гдѣ „мѣсиво“ состояло изъ лука, свеклы и еще чего-то темнаго, гадливаго..

Видимо жажда одолѣвала всѣхъ послѣ солнопека на дворѣ.

Слышалось усиленное причмокиваніе и облизываніе ложекъ.'.

Отъ ѣды, какъ говорится, „за ушами трещало“...

„Кваску хорошо похлѣбали, теперь надоть попробовать монастырскихъ щтецъ“, слышалось среди стола... Служки унесли чашки.

Дырявой „бадьей“, вѣрнѣе, черпакомъ, употребляемымъ обыкновенно въ выгребныхъ ямахъ и сдѣланнымъ не то изъ жести, или проржавленнаго желѣза и укрѣпленной на длинной палкѣ, разливалась какая-то бурда, съ сильнымъ запахомъ вонючей прѣлости, или трупа...

На поверхности грязно-мутной жидкости отсутствовали блестки какого-либо масла.

При устоѣ налитаго въ чашкѣ, рѣзко отдѣлялась вода отъ сѣрой капусты. Щи варились безъ мучной „подболтки“.

На мой вопросъ: „отчего это“? отецъ Александръ сумрачно, почти неохотно, сказалъ, какъ бы совѣстясь за свои слова: „нашъ отецъ Никаноръ, экономъ, очень скупъ, а настоятель здѣся никогда не бываетъ и потому заправки нѣтъ никакой, маненько сыпятъ житной муки... Кабы положить рыбешки, да приправочки изъ бѣлой мучки съ маслицемъ, то совсѣмъ былъ бы другой скусъ, а теперь сами видите все несутъ назадъ... Попробуютъ ложку—другую, ну и претитъ“...

Народъ сталъ подниматься съ мѣстъ не въ радостномъ настроеніи, а съ обидой. Кто осѣнялъ себя крестнымъ знаменіемъ, а кто безъ церемоніи выкрикивалъ: „отъ вашихъ помой брюхо подведетъ; собака не всякая станетъ лакать такіе щи, какими насъ угостили... надо бы испраьника накормить, а еще святые отцы, чтобы вамъ провалиться съ настоятелемъ и экономомъ...

— Ну, ступайте, съ Богомъ, нечего лаяться, коли нехорошо, такъ и не приходили бы...Даровому коню не смотрятъ въ зубы...

Всѣ направлялись въ другія двери „на

выходъ", чтобы не мѣшать входить другой партіи...

„Служки" усердно снимали со стола почти полныя чашки „штей" и „остатки" опять выливали въ желѣзный чанъ, куда въ торопяхъ одинъ изъ болѣе не по разуму усердныхъ, опрокинулъ чашку съ остатками холодного „ботвинья".

— Что ты очумѣлъ, невидишь куда льешь?

— Ничего „помѣшай Господи" люди не свиньи—съѣдятъ за милую душу.

Общій смѣхъ наградой остроумію.

Снова заполнены столы, снова подается хлѣбъ, холодное и „шти".

Деревянныя чашки не смываются, а также и ложки... Не до чистоты...

Опять „бадья" въ рукахъ отца Александра усиленно разливаетъ „купоросные" шти... Ботвиньи не хватило для всѣхъ.

Отецъ Евгеній, по просьбѣ моей, показалъ свою кухню, гдѣ варятъ „хлѣбово" для богомольцевъ...

Пришлось спускаться, съ рискомъ сломать ногу, по вѣтхой и довольно крутой лѣстницѣ въ какое-то подземелье...

Ощущается сильнѣйшее зловоніе „сногсшибательнаго" свойства до головокруженія и тошноты.

— Это что же такое у васъ?..

— Здѣсь за перегородкой хлѣбная кладовая, гдѣ хранится печеный хлѣбъ и откуда завтра въ праздникъ будемъ его раздавать богомольцамъ нарѣзанными ломтями.

— Отчего такой скверный запахъ?..

— Да рядомъ тутъ вотъ отхожее мѣсто; такъ маненько и отдастъ... ничего мы привыкли, обнюхались...

— А кухня гдѣ?

—Тутъ же, вотъ спускайтесь сюда... только осторожнѣе... больно плоховатъ полъ, того и гляди попадешь въ дыру“...

Вошли... Ужасъ!..

Подземельная кухня, гдѣ работаетъ о. Евгеній“, одно изъ чистилищъ ада... зловонная клоака.

Котлы въ грязи и копоти...

Изъ тусклыхъ стеколъ еле врывается „свѣтъ Христовъ“!!.

—Нельзя ли какъ нибудь выйти на свѣжій воздухъ?

— Съ превеликимъ удовольствіемъ, пожалуйте за мной, я проведу другимъ выходомъ, любезно сказалъ о. Евгеній и мнѣ показалось даже съ радостью скорѣе избавиться „отъ непрошеннаго гостя“...

Онъ провелъ меня черезъ какой-то чу-

ланчикъ, съ дровами, мимо вонючаго мѣ-ста", въ длинную катакомбу съ каменнымъ сводомъ, или стѣнами... хорошенько не помню.

Моя голова полъжительно кружилась и страшно тошнило...

— Здѣсь завтра будутъ кормить богомольцевъ, а трапезная назначена для стражниковъ, полицейскихъ и сельскихъ старостъ, которымъ приготовятъ другую пищу... Да и нельзя иначе—все таки начальство, они насъ оберегаютъ; ихъ надоть угостить какъ слѣдуетъ... ну, вотъ-съ, пожалуйте сюда на чистый воздухъ... Будьте здоровы"!

За воротами, близъ садовой рѣшетки, я вздохнулъ полной грудью свѣжимъ воздухомъ.

Солнышко ярко блестѣло надъ зеркальной поверхностью красавца Селигера... Лодка съ богомольцами причаливала къ берегу,

Слышался колокольный звонъ...

Я, точно узникъ, вышелъ изъ мрачнаго царства Вельзевула...

Смотрю кругомъ и вспоминаются недавно читанные гдѣ-то рифмованныя строки.

„Прибрежные храмы вѣщаютъ
Землѣ утонувшей въ крови
О мирѣ; людей призываютъ

Къ молитвѣ и братской любви...
То пѣсня хвалебная льется
Съ земли ко Владыкѣ небесъ...
И въ звукахъ ея раздается:
„Во истину Богъ нашъ воскресъ“!..

И тутъ же, какъ „подъяремное“ искушеніе, паралельно—голодные рты за грязной чашкой вонючихъ „щтей“, съ рискомъ заразы...

Развѣ это не дьявольское наваожденіе?!

Алчущаго накорми, жаждущаго напои...

Иду по ярмаркѣ, среди балагановъ, мимо „каликъ“, поющихъ „про Миколу милостиваго и страшныхъ „анделовъ“ погребальной мелодіей...

Толпа... Два стражника...

Одинъ изъ нихъ грозно выкрикиваетъ торговцу пряниками: „если ты не внесешь впередъ деньги, то составлю протоколъ и не позволю торговать“ ни сегодня, ни завтра. „Слушай что приказываютъ“...

Купецъ оправдывается „передъ начальствомъ“, но оно „непреклонно“.

„Говорятъ тебѣ плати, уговоръ лучше денегъ“!

Пришлось остановиться.

— Вотъ, баринъ, какъ жмутъ нашего брата „отцы скворцы“, заговорилъ торговецъ,

обращаясь ко мнѣ: „эфто, значитъ, требуетъ арендныя деньги Житинъ Иванъ Степанычъ за землю по 1 рублю съ аршина.

— Развѣ не монастырю вы платите?..

— Никакъ—нѣтъ, все арендателю, вонъ его лавка... Онъ полный хозяинъ таперича... Монахи берутъ съ него 1110 руб. въ годъ, а Житинъ за одинъ сегодняшній праздникъ соберетъ больше 600 руб., а затѣмъ безъ „канкаренціи“ торгуетъ на славу по вольной цѣнѣ, что хочетъ, то и беретъ, особливо великимъ постомъ.

— Зачѣмъ же вы пріѣзжаете?..

— Помилуйте, мы этимъ кормимся значитъ по ярмаркамъ, вотъ Іануаріи Николаевичъ Демидовъ болѣе 35 лѣтъ блыкается, тоже привычка-съ .. Работаемъ своими руками, сыты, одѣты и слава тебѣ Господи...

„Изъ шиповъ они сплели
Вѣнокъ колючій для Него...
И капли крови вмѣсто розъ
Чело украсили Его“...
(Изъ легенды П. Чайковскаго).

———

„Научи, Господи, писать, дай же ми разумъ и отверзи ми очи сердечніи“. (Изъ житія Христофорова).

———

Три моихъ собесѣдника, съ горечью и болью въ сердцѣ, передавали, что въ святой обители совершаются болѣе чѣмъ некрасивые пріемы къ обогащенію за счетъ темнаго люда, идущаго съ вѣрой поклониться великому чудотворцу, безъ подозрѣнія въ нѣкахъ жестокосердыхъ „торгашей—маклаковъ“, способныхъ драть три шкуры...

Не разъ слышалось такое выраженіе: „эхъ, сударь—это не святая пустынь, а коммерческая контора“...

— Да согласитесь сами, развѣ подобаетъ въ ангельскомъ чинѣ таскаться по судамъ и съ кѣмъ же? съ мѣщанствомъ, съ крестьянствомъ, непокрытой голытьбой, которую нужда гонитъ на заработокъ ради семьи, а они-то, прости Господи, дармоѣды, извините за выраженіе, только брюхо ростятъ, да паровятъ послѣднюю рубаху снять съ

нищаго, лишь бы не доставалась другому... Вотъ они святые сподвижники!..

— Какъ такъ?

— Да очинно просто... Возьмемъ ихъ пароходную монополію, къ примѣру... Каково нищему богомольцу,—я не говорю про попрошекъ,—они тоже, нашъ братъ торговецъ, приходятъ сюда для наживы,—а вы посмотрите на настоящихъ молитвенниковъ, по обѣщанію, у которыхъ послѣдній грошикъ припасенъ на свѣчку Преподобному, которые идутъ голые и голодные, чуть не Христовымъ именемъ, помолиться и выплакать свое горе,—и вдругъ давай за пароходъ 20 копѣекъ. Въ другой ребутъ иные...

— Такъ они пусть ѣдутъ въ лодкѣ, говорю я, въ утѣшеніе...

— Никакъ невозможно... Монахи запрещаютъ... У нихъ даже было судьбище въ правительствующемъ сенатѣ... Не пущаютъ къ берегу... Прежде ходили савинскіе пароходы, гдѣ цѣна была куда дешевле,—можетъ слышали про Федора Кондратьевича?—человѣкъ именитый, да и племянники его Иванъ и кажется Степанъ, кожевники, живутъ въ Петербургѣ, тоже воевали, да отстали, потому что съ монахами не связы-

вайся... Загрызутъ... Всюду рука... Другъ друга тянутъ.

Они чужой пароходъ не допустятъ къ пристани... Въ прошломъ году пассажировъ изъ Полнова чуть не потопили при пересадкѣ въ лодку... одно слово разбойничье гнѣздо, произволъ, закончилъ гнѣвно мой взволнованный спутникъ...

— Вы слишкомъ преувеличиваете, замѣтилъ я... Грѣшно чернить св. иноковъ.

— Напротивъ, уменьшаю... А если бы все вамъ разсказать, то у васъ волосы станутъ дыбомъ; осмотритесь кругомъ, значитъ, провѣрьте мои слова и на каждомъ шагу увидите камерцію... Вотъ два свидѣтеля... Петръ Александровичъ, они торговецъ изъ Торжка, развѣ я неправду говорю?.. Подкрѣпите, по совѣсти, безъ фальши,

— Двиствительно точно-съ.,. Въ святомъ мѣстѣ слѣдовало бы сократить алчность. „Черный попъ“ долженъ получать „свыше исходящее“, а не съ прижимкой и безъ обману, подъ видомъ благочестія и смиренія. А то за ренду земли плати по рублю, за тесъ шесть рублей, за жерди 1 руб. 50 коп. и все Ванькѣ Житину, рендателю... вотъ тоже спросите Илью Степановича Гусева, они изъ торопецкаго уѣзда, села Сопки,

деревни Савченки, 37 лѣтъ, ѣздятъ сюда третій годъ съ невѣсткой—подтвердятъ все въ подлинности какъ тяжело путаться тутко, среди отцовъ—скворцовъ...

Да, сверхъ того, смѣю доложить, бывшіе св. подвижники Германъ и Нектарій, особенно послѣдній, высокочтимый старецъ, можно сказать благоукраситель здѣшней обители, всегда назидалъ братію „не пріобрѣтать никакой собственности, ничего не считать своимъ и гнать изъ монастыря тѣхъ, кои не будутъ исполнять этой заповѣди послѣ его смерти“... Тогда не гнались за рецидателями, какъ таперича... А что же мы видимъ отъ нихъ, наслѣдниковъ нашихъ святыхъ отцовъ?.. Заправскую каммерческую контору, только безъ выправки торговыхъ документовъ, и на томъ мѣстѣ, гдѣ святитель голодалъ, холодалъ и дѣлился со всѣми послѣдней коркой хлѣба... Кощунство и святотатство!..

Извините, я говорю правду потому, что довольно повидалъ свѣтъ“.

Нашъ частный разговоръ принималъ острый характеръ публичнаго обличенія.

Видимо обиженные собесѣдники сочли меня какого-то другого, чутьнеоффиціознаго чина. Не радъ и бесѣдѣ!

По счастью мы подошли къ церкви По-

крова Пресвятыя Богородицы, построенной на томъ мѣстѣ, гдѣ преподобный Нилъ жилъ и спасался въ земляной пещерѣ.

На чугунной плитѣ гласитъ надпись, что „въ пещерѣ была печь, горѣлая глина въ песку и другіе признаки настоящаго жилища великаго чудотворца“.

Церковь маленькая, но весьма изящная!

Въ сѣверо-западномъ углу, гдѣ находилась пещера, оставлено углубленіе, въ которомъ помѣщена рѣзная фигура въ человѣческій ростъ Преподобнаго, облеченнаго въ схиму, и производящаго на слабонервныхъ потрясающее впечатлѣніе—„точно живой старецъ, чуть не говоритъ“...

Какой-то богомолецъ стоялъ въ умиленіи на колѣняхъ передъ фигурой и сильно билъ лбомъ объ полъ.

На глазахъ искрились слезы; изъ груди глубокіе вздохи, лицо вдохновенное.

Жутко было смотрѣть на фигуру Преподобнаго, точно онъ прислушивается къ исповѣди кающагося и готовъ поднять свою эпитрахиль на голову грѣшника для разрѣшительной молитвы.

Рясофорный монахъ Филиппъ, замѣтивъ мое смущеніе, тихо шепчетъ: „можетъ угодно вамъ песочку“?..

— Зачѣмъ, батюшка?..

— Для изцѣленія... Многіе берутъ въ болѣсти, особливо „при трясовинѣ“ пользительно испить водицы съ святымъ песочкомъ, или смыть заболѣвшее мѣсто, вотъ у васъ нога... Прикажите насыпать въ платочекъ?

— А вы, батюшка, давно здѣсь?..

— Да, слава Преподобному, 13 лѣтъ спасаюсь... Поступилъ при настоятелѣ Арсеніи и казначеѣ Никандрѣ. При тѣхъ лучше жилось,—Никандра былъ хозяйственный мужъ... всѣмъ заправлялъ. Нашему-то, теперешнему Пахомію не понравился и онъ не сталъ ему давать воли. Самъ отецъ архимандритъ любитъ властвовать и хозяйничать. Видали какой онъ мостъ устроилъ, школу въ два этажа?.. Благолѣпіе очень любитъ— мудрый старецъ, только оченно строгъ и взыскателенъ... подъ часъ не подъ силу. Многихъ не указитъ и потому слышится ропотъ.

Тогда такъ о. Никандръ былъ великатнѣе и ушелъ самъ въ Казань къ архіепископу Дмитрію... Тоже былъ великій нашъ архипастырь, умѣлъ цѣнить людей... Говорятъ, что Никандра гдѣ-то настоятельствуетъ, а другіе поминаютъ его за упокой... будто померъ... Онъ изъ москвичей и заправлялъ

тогда всей пустыней; порядокъ былъ куда лучше теперяшняго, а таперича многіе изъ братіи здѣсь долго не живутъ“...

Опять послышались „искушенія“ продолжать бесѣду на мотивъ „житейское море, воздвизаемое зря напастей“...

Пришлось откланяться съ отцемъ Филиппомъ, какъ будто желавшимъ сказать словами поэта А. Майкова:

„Да вспомянешь про старину!...
Былъ складъ, да ладъ“...

Мы пошли дальше по прекрасной аллеѣ не то сада, не то рощи...

Снова „торговцы“ подчеркнули „песчаную камерцію“, сказавъ саркастически: „и тутъ оброчная статья, жаль дѣтвору, вѣдь иныя дуры чуть не давятъ ребятъ этимъ пескомъ, полонъ ротъ насыпятъ, да и заставляютъ ихъ глотать для изцѣленія отъ болѣсти... огалтѣлые, пра“...„

Вотъ восмигранная церковь Воздвиженія Честнаго Креста Господня, съ замѣчательной живописью и лѣпными украшеніями, которыя, по описанію монастыря, обратили на себя милостивое вниманіе императора Александра I въ 1820 году, когда въ Бозѣ усопшій Монархъ посѣтилъ Нилову пустынь и

высказалъ, что „мастера заслуживаютъ вниманія“.

Въ оградѣ помѣщена большая плита съ такой надписью: „воздвигли сей камень изъ усердія къ дяде своему родному въ знакъ его милости племянника ево ржевскіе купцы Кондратей и Михайло Образцовы. На семъ месте погребено тело ржевскаго купца при открытіи высочайшаго учрежденія перваго бургомистра Илье Иванова сына Образцова позволенія отъ общества служилъ при петергофскомъ дворцѣ кампсаромъ после онаго всей святой обители трудникомъ и копархомъ, житія ево было около 90 лѣтъ преставился 1803 году сентября 16 числа по полунощи во второмъ часу, а погребенъ 17 дня архимандритомъ Павломъ съ братіею всей святой пустыни“.

— Это, сударь, къ чему вы списываете въ книжечку, спрашиваютъ меня спутники, отъ которыхъ никакъ мнѣ не отдѣлаться.

— На память, отвѣчаю я...

— Да-съ антиресно; а можетъ въ газеты? такъ запишите нашу претензію на монаховъ, авось владыка Алексѣй маненько ихъ обремизитъ, тоже, говорятъ, архипастырь строгій, поблажки не даетъ, только значитъ все скрываютъ отъ него... Тверская консисторія

за Пахомія,—значитъ шито-крыто... Ужь на что страшный былъ случаї съ Преподобнымъ, когда его баба вывалила на полъ изъ раки послѣ раннеї обѣдни и то ловко замазали, дескать, нечаянно, не нарокомъ...

— Что вы вздоръ говорите, невольно вкрикнулъ я, въ изумленіи

— Нѣтъ-съ, баринъ, сущую правду. Слѣдствіе производилъ викарныї епископъ Александръ, вотъ что сегодня пріѣхалъ сюда изъ Твери и раскрылъ, какъ есть, всю подноготную, и дѣло было въ судѣ... Вотъ я вамъ разскажу...

— Нѣтъ, ужъ избавьте пожалуста, боюсь слушать... Видите народъ собирается, могутъ вывести совсѣмъ другое изъ нашей бесѣды... по нынѣшнимъ временамъ...

— Это, двиствительно по нынѣшней слободѣ лучше молчать... А всетаки совѣтую разспросить іеродіакона Василія и іеромонаха Кирилла, они не скроютъ сущую истину... Очень трогательно!...“

Наконецъ мы на берегу озера.

Величественная картина цвѣтущей весны-Солнышко золотитъ густую зелень сосѣднихъ острововъ. Глазъ не отрывается отъ синей дали... чувствуется восторгъ, очарованіе... Это, дѣйствительно, святое мѣсто,

гдѣ не должно быть ни плача, ни воздыханія, но жизнь безконечная въ самоуглубленіи и покаяніи предъ величіемъ подвижничества духа и плоти. Немудрено, что Преподобный выбралъ для своего спасенія этотъ чарующій уголокъ дивной красоты живописной природы и водрузилъ здѣсь крестъ.

Я стоялъ въ благоговѣйномъ созерцаніи и восторгѣ..

Снова торговцы искушаютъ „блаженство“... Слышится горькое чувство...

— Вотъ не угодно ли? Посмотрите на дармоѣдовъ, ишь развалились и ржутъ какъ жеребцы...

Оборачиваюсь. Картина.

Группа длинноволосыхъ послушниковъ въ рваныхъ подрясникахъ, лежатъ на травѣ въ самыхъ непринужденныхъ позахъ, „съ цыгарками“ въ зубахъ... Громко смѣются...

Съ соборной колокольни слышится звонъ „къ достойному“...

Многіе изъ народа осѣняютъ себя крестнымъ знаменіемъ...

— Это что-же вы, братія, тутъ валяетесь когда всѣ въ храмѣ, спрашиваетъ одинъ изъ спутниковъ.

— Отдыхаемъ, мы хлѣбопеки... вамъ какое дѣло?..

— Ну, спасайтесь о Христѣ,..

Я поторопился скорѣе пробраться къ народу, лишь бы оставить „компанію“.

Не тутъ то было. Настигаютъ „товарищи“ и просятъ обождать.

Волей не волей приходится поддерживать бесѣду.

— „Посмотрите въ монастырскій садъ, баринъ, слышу голосъ позади себя, — тоже заслуживаетъ вниманія... большихъ денегъ стоитъ, а работаютъ даромъ изъ послушанія, чистый барышъ... Цвѣтникъ, парники“...

Наконецъ, повернувъ къ монастырю за уголъ, на лѣво, мы вошли въ людскую толчею. Ярмарка

Балаганы съ мануфактурными и галантерейными товарами.

Торгуютъ татары, съ хищническими лицами... „Глазищами слопать хочетъ“...

Пароходъ „Нилова пустынь“ привалилъ къ пристани съ массой богомольцевъ. „Грѣшный Василій“, съ кожанной сумочкой черезъ плечо, бѣжитъ, запыхавшись, къ отцу Никону „сдавать билеты“.

Этого труженика въ потѣ лица намъ приходилось видѣть „на ногахъ“ съ самаго ранняго утра до глубокой ночи; при каждомъ

приходѣ и уходѣ парохода бѣдняга маялся „на побѣгушкахъ“...

Спутники порекомендовали посмотрѣть дубъ, въ дуплѣ котораго молился Преподобный Нилъ. Рядъ горящихъ съ копотью лампадокъ.

Снаружи входъ напоминаетъ часовню. Виднѣются иконы древней живописи...

Толпятся бабы, дѣти и „золоторотцы“.

Послѣдніе храбро просятъ „копеечку“, чуть не съ угрозой.

Старецъ сурового вида, въ подрясникѣ, докторальнымъ тономъ заунывно „поясняетъ“ чудодѣйственную силу „святого древа“.

Бабы вздыхаютъ и охаютъ.

Издали видѣнъ ящикъ съ нѣсколькими подраздѣленіями, гдѣ лежатъ дубовые жолуди, стружки, кусочки обрѣзки и тутъ же „чашка“ съ пятаками и грошами!!!

„Лепта“... „Поусердствуйте!!!“

Я пробрался сквозь толпу на скамеечку позади дупла; спутники остались снаружи. Видимо ждутъ меня.

Слышу діалогъ:

— Какъ-же, батюшка, намъ потреблять?.. Научите.

— Съ молитвою. Обнакавенно натощакъ... по усердію. Сначала кожу снять, а потомъ

растолочь въ порошокъ и принимать его въ водѣ...

— А сколько жъ надоть жулудей, — довольно одного?

— Отъ одного толку мало... Надо два-три заразъ, да съ вѣрой, тогда получишь облегченіе...

— Ну, а для зубовъ, допрашиваетъ женщина?

— Надоть погрызть святыхъ стружечекъ, да кусочковъ, вотъ и испопнлется изцѣленіе...

— Такъ дайте, батюшка...

— Насколько тебѣ?..

— На три копеечки больше нѣтути... Прибавьте, Христа ради, стружечекъ... Издалека пришла...

Мѣдная монета съ лязгомъ бросается старцемъ въ чашку съ деньгами...

Старецъ, что то нашептываетъ, вѣрнѣе, отсчитываетъ въ руку женщины нѣсколько дубовыхъ желудей и разныхъ кусочковъ.

Баба, крестясь, беретъ и завязываетъ въ уголъ грудного платка драгоцѣнную святыню... торжество вѣры...

Другой голосъ: „батюшка, позволь по-

грызть святого дубка, ужъ больно маюсь зубами“...

— Ну, грызи, да только немного...

Старецъ, повернувшись, замѣтилъ меня, съ книжкой въ рукахъ и карандашемъ:

— Это что-жъ вы тутъ пишите?, сурово онъ спросилъ.

— Записываю ваши совѣты отъ болѣзни, да, если благословите, скажите и ваше святое имя для памяти... Буду благодаренъ...

— Меня зовутъ Алексѣй Качановъ и живу я здѣся семь лѣтъ, сердитымъ голосомъ послѣдовалъ отвѣтъ.

Видимо наше присутствіе омрачило душу „дубоваго цѣлителя“.

По выходѣ, опять спутники осаждаютъ меня вопросами:

— Нѣтъ, скажите, баринъ, развѣ это не камерція?.

Я, молча, невольно вспомнилъ молитву Преподобному:

„Избави же всѣхъ вѣрою не сумнѣнною къ Богу приходящихъ и многоцѣлебныя мощи Твоя благоговѣйно почитающихъ, отъ всякихъ бѣдъ душевныхъ и тѣлесныхъ, отъ всѣхъ томленій и прилоговъ діавольскихъ“...

А „прилоговъ“ здѣсь въ обители много и очень много...

„Отче Преподобне, спаси, заступи и просвѣти!!!“

Развѣ всѣ эти отцы Филиппы, Алексіи не олицетвореніе иноческой простоты, голубиной чистоты и мудрости змія?

„Преподобне отче Ниле: ее бо толикъ даръ имѣлъ еси во плоти отъ Бога, яко еже и втайнѣ содѣянное отъ человѣкъ разумѣлъ еси, и окаянна грѣховною нечистотою абіе обличилъ еси, поучая не творите того болѣе".

(Акафистъ Преподобному, кондакъ 8-й).

Ровно въ полдень въ дверь моего номера, (я проживалъ въ третьемъ), послышался легкій стукъ.

— Войдите.

Предо мною стоялъ о. Михаилъ, очень симпатичный и предупредительный „гостинникъ", совсѣмъ еще юный послушникъ.

Былъ ли я обязанъ лестной рекомендаціи „грѣшнаго Василія", шепнувшаго что-то на ухо о. Михаилу, при первомъ моемъ входѣ на крыльце монастырской гостиницы, или врожденной его привѣтливости, среди окружающей „братіи" болѣе сурового вида. но, во имя справедливости и сердечной благодарности, слѣдуетъ отмѣтить, что всѣ „служки при номерахъ", Ильюша, Миша, Федя, олицетвореніе вѣжливости, ласки и готовности не только исполнить просьбу, но и предугадать ваше желаніе.

Если бы остальная братія св. обители слѣдовала примѣру этихъ „послушниковъ", въ полномъ значеніи этого слова, то многія

отрицательныя стороны улетучились „яко дымъ отъ лица огня“...

— Что скажете новенькаго, о. Михаилъ?

— Не пожелаете-ли покушать?

— Развѣ время?

— Какъ прикажите... можно и послѣ подать... только теперь погорячѣе, прямо съ кухни,.

— Чѣмъ будете угощать?..

— Холодное, уха и жареное... Не угодно-ли монастырскаго пивца, или медку... Многіе одобряютъ изъ гостей. Если угодно, то могу подать и то и другое...

— Ну, благословите и того, и другого во славу Божію, сказалъ я, улыбаясь...

О. Михаилъ, поклонившись, быстро зашагалъ по корридору, откуда слышался звонъ посуды...

Насталъ обѣденный часъ, хотя въ соборѣ еще шла поздняя литургія.

Ильюша сразу подалъ холодную щуку, съ горчицей, новенькій мѣдный судокъ, прекрасно вылуженный, съ ухой и зажареннаго „линя“.

Затѣмъ на подносѣ о. Михаилъ принесъ два графина съ пивомъ и медомъ, сказавъ: „кушайте во здравіе“.

Напитки оказались самаго лучшаго каче-

ства и специально приготовленныя къ празднику „для почетныхъ гостей“.

Я откровенно высказалъ свое удовольствіе.

— Нѣтъ-съ, если бъ вы попробовали у отца настоятеля „травничку“, говорилъ Ильюша, такъ узнали бы, что это за напитокъ, они угощаютъ травникомъ только начальство, да кто къ нимъ вхожъ изъ почитателей. Цѣлебность.. а на сторону не даютъ... развѣ исправнику...

— Травникъ тоже на водѣ, или на водкѣ?

— На самомъ крѣпкомъ винѣ, чуть не на спиртѣ. Немощныхъ веселитъ и бодритъ.... Чудодѣйно. Нашъ фельдшеръ каждую весну по полямъ и лѣсамъ собираетъ разныя травы и наставляетъ ихъ по своему рецепту... Очень пользительный напитокъ отъ всѣхъ недуговъ.

— Нельзя ли получить рецептъ?

— Многіе спрашивали, да не даетъ никому. Секретъ изобрѣтателя.

— Жаль...

— А вы побезпокойтесь побывать у отца архимандрита на закускѣ послѣ обѣдни, передъ трапезой и васъ угостятъ... Конечно въ хлопотахъ имъ теперь не до того... Ждутъ двухъ владыкъ, губернатора съ губернаторшей... Совсѣмъ голову потеряли... Надо по-

обчиститься, чтобы не замѣтили чего въ обсужденіе...

— Боятся?

— Нѣтъ, не страха ради, а чтобы не было конфузу—все таки начальство... добра не дѣлаетъ, а маралъ какую угодно пустятъ по свѣту. У насъ завистниковъ много, долго ли взвести поклепъ на обитель и безъ того много болтаютъ про наши порядки... да что же вы не кушаете? Послѣ обѣда совѣтую посмотрѣть встрѣчу владыкъ, прогуляйтесь къ святой пристани, антиресно"!..

Ильюша ушелъ.

Я принялся за обѣдъ.

Хлѣбъ прекрасный, рыба свѣжая, бульонъ ухи своеобразнаго вкуса, напоминающій больничный „габеръ-супъ", жареный „линь" сильно былъ пропитанъ подсолнечнымъ масломъ,—во всякомъ случаѣ можно благодарить Бога за подобныя „харчи", вспомнивъ пословицу, что „даровому коню въ зубы не смотрятъ" и особливо трапезу для богомольцевъ съ купоросными „штями" изъ проржавленной бадьи...

Со двора, въ раскрытое окно несся гулъ ярмарки и заунывное пѣніе въ минорномъ тонѣ слѣпцовъ „съ поводырями-малышами".

Народъ прибываетъ, точно весенняя вода,

съ каждымъ пароходомъ... По озеру замелькали лодки...

Это былъ канунъ праздника...

На монастырскомъ дворѣ бабы съ ребятами „покоткомъ“ лежали за перилами на рыхлой землѣ, приготовленной для цвѣточныхъ клумбъ, которыя, по словамъ гостинника о. Михаила, предназначены „для лѣтняка, съ благоуханіемъ“...

— А теперь цвѣты сажать опасно, добавилъ онъ, все сомнутъ, видите богомольцамъ негдѣ преклонить главу, они должны валяться подъ открытымъ небомъ, всюду занято... Нѣтъ угла свободнаго... стеченіе народа свыше 20 тысячъ.

— А гдѣ же помѣщенія для ночлега?..

— Вотъ насупротивъ въ томъ домѣ: вверху и внизу... Полюбопытствуйте...

Прохожу „привратницкую“ въ главныхъ воротахъ.

Шеренга сборщицъ, съ блюдами, кружками, образами... У всѣхъ жизнерадостныя лица. Нѣкоторыя пересмѣиваются съ монастырскимъ свѣчникомъ Лешей Зельцовымъ.

Одинъ изъ братій въ синемъ набивномъ подрясникѣ усердно краситъ наружную стѣну.

— Помогай Богъ, говорю я труженику кисти.

— Чувствительно благодарю, слышится отвѣтъ въ довольно веселомъ тонѣ.

Раньше не было времени работать?

— На охоту ѣхать—собаку кормить, еще веселѣе, чуть не со смѣхомъ, объясняетъ „братъ о Христѣ“; сначала отецъ Никаноръ возжелалъ съэкономить ремонтъ, дескать, все равно богомольцы замажутъ спинами, а теперь когда узналъ, что посѣтятъ ихъ преосвященства и превосходительства, то и разщедрился... Ступай, Михаилъ Васильевичъ подцвѣти колеркомъ... грить, подкраситься надо для виду, чтобы товаръ показать лицемъ... Грѣхи!

— Это васъ зовутъ Михаилъ Васильевичъ?

— Такъ точно... имѣю честь рекомендоваться Михаилъ Васильевичъ Савинъ-Поповъ по малярному послушанію и вообче куда прикажите, къ услугамъ вашимъ...

Дальнѣйшей бесѣдѣ помѣшала нахлынувшая масса богомольцевъ, спѣшившихъ къ пристани встрѣчать „святителей“.

На соборной колокольнѣ послышался торжественный перезвонъ... „ѣдутъ, ѣдутъ“...

Изъ храма чуть не бѣгомъ понесли хоругви и образа.

Видимо братія боялась опоздать.

Среди духовенства шелъ „сиръ-арабъ“, архимандритъ Игнатій.

Въ толпѣ слышалось: „ахъ, какой красавецъ! совсѣмъ юноша... одно искушеніе, прости Господи“!..

По озеру быстро приближался пароходъ съ флагами.

Стражники принялись за возстановленіе порядка... „Ой, больно, чего толкаешься, не-што я причина, когда сзади напираютъ...

— А ты не лезь куда не приказано.., Осади назадъ!..

Все въ напряженномъ ожиданіи.

Торжественная минута...

Замѣтка VII.

„Радуйся, послушанія намъ образъ оставивый: радуйся, любве ради Христовы вся красная міра сего за уметы вмѣнивый".

(**Изъ акафиста преподобному Нилу**).

„Се бо мы—въ безмѣрныхъ согрѣшеніяхъ неверніівшіися и въ тинѣ страстей присно валяющіися, праведный гнѣвъ божій на себѣ наведохомъ и веякія милости недостоины сотворихомся".

(**Молитва тому же Преподобному**).

Чѣмъ ближе подходилъ пароходъ тѣмъ болѣе къ пристани стекалась масса богомольцевъ...

— Вонъ, вонъ, мотри, въ очкахъ, съ сѣдой бородой, это тверской Александръ, а другой ярославскій Евсевій, нашъ землякъ, осташковскій, съ погоста Сонскаго, на границѣ торжковскаго уѣзда, шуриномъ приводится нашему благочинному о. Петру Игнатьевичу Пѣнкину.

— Будетъ вамъ звонить околесицу, кто то замѣчаетъ знатоку родословной святителя, снимай шапку, да становись на колѣни...

Послышалось хоровое пѣніе.

Зашевелились хоругви.

Богомольцы, давя другъ друга, ринулись удостоиться архипастырскаго благословенія.

Безпомощные стражники въ толпѣ затерялись, какъ капля въ морѣ...

Владыки еле—еле шли среди хоругвеносцевъ, одѣтыхъ въ парадные мундиры.

Каждый рвался облобызать святую десницу, не дожидаясь архипастырскаго благословенія.

Прямо св. руки рвались со всѣхъ сторонъ.

Громкое чмоканье сопровождалось крестнымъ знаменіемъ и возгласами „сподобилась!.. слава Создателю“.

Царило что-то стихійное, восторженное, не поддающееся описанію, особливо подъ аркой святыхъ воротъ, откуда неслись душу раздирающіе крики... Многихъ сдавили...

Строгохарактерное лицо епископа Александра напоминало библейскаго пророка, (не будь только очковъ!), оно какъ бы олицетворяло собою, по громко высказанному мнѣнію однимъ изъ странниковъ: „образъ добродѣтели, крѣпкой вѣры въ свою душевную мощь, праведнаго житія, трудолюбія и усерднаго тщателя загробной жизни“, у ярославскаго владыки, напротивъ, сіяющее лицо цвѣтущимъ здоровьемъ и жизнерадостной улыбкой, дышало земнымъ блаженствомъ, если не ликованіемъ, что онъ здѣсь на родинѣ „владыкой“, среди своихъ кровныхъ родичей.

Грѣшу можетъ быть въ своихъ наблюденіяхъ, но скрыть ихъ считаю преступленіемъ.

Близъ архимандрита сиръ-араба Игнатія, рой молодыхъ богомолокъ, несчетно разъ цѣ-

лующихъ его красивую руку и тѣснымъ кольцемъ сжавшихъ его, точно въ тискахъ.

Юный подвижникъ плоти, съ крестомъ въ рукахъ, рвался впередъ отъ бѣсовскаго навожденія правнучекъ прародительницы Евы.

Наконецъ владыки чрезъ боковую паперть вошли въ храмъ для поклоненія Преподобному и перенесенія на средину храма его св. раки.

Бравые стражники съумѣли во время остановить потокъ толпы.

Порядокъ началъ устанавливаться во дворѣ...

Большинство благоговѣйно пало на колѣни въ тихой молитвѣ.

Въ соборъ недопускали никого; оттуда неслось громогласное пѣніе тропаря „яко свѣтильникъ“...

Одинъ изъ послушниковъ провелъ меня чрезъ стеклянную боковую дверь, съ восточной стороны, въ проходную комнатку, служащую соединеніемъ главнаго алтаря, съ правымъ боковымъ.

Здѣсь много стояло духовенства, въ ожиданіи владыкъ, когда они пойдутъ чаи кушать предъ всенощной въ „архіерейскіе хоромы“ чрезъ ту же дверь, въ которую я прошелъ, чтобы удостоиться особаго благословенія.

Посредиѣ храма стоялъ возвышенный балдахинъ для св. раки Преподобнаго.

Народъ сдерживался цѣпью сотскихъ, десятскихъ и стражниковъ.

Монастырскій хоръ усиленъ былъ двумя басами изъ Осташкова.

Особенно выдѣлялись голоса іеромонаха Макарія и „опальнаго“ священника Андрея Ивановича Голикова изъ шестаковскаго женскаго монастыря, кашинскаго уѣзда. Послѣдній сосланъ епархіальнымъ начальствомъ на шестимѣсячное послушаніе за „политическія убѣжденія“.

Этотъ узникъ проживаетъ въ монастырской гостинницѣ, подъ строгимъ наблюденіемъ и неукоснительнымъ послушаніемъ каждую службу въ храмахъ пѣть на клиросѣ.

По отзыву гостинника послушника Михаила: „отецъ Андрей очень хорошій и душевный священникъ, „настоящій“ братъ о Христѣ.

За время заключенія, съ благословенія о. настоятеля, дозволялся пріѣздъ супруги о. Андрея на короткій срокъ, дабы не вводить въ соблазнъ братію совмѣстной жизнью и „семейнымъ блаженствомъ“.

Срокъ выпуска о. Андрея изъ монастыря 25 іюля, если не воспослѣдуютъ „осложненія“.

Всѣ эти и другія свѣдѣнія передавались мнѣ устно въ боковомъ алтарѣ откровенными не въ мѣру послушниками, каждый разъ дѣлавшими стереотипный вопросъ: „къ чему вы записываете все въ книжку“.

— На память, обыкновенно я отвѣчалъ любопытнымъ.

Затѣмъ указали мнѣ на „знаменитаго“ іеромонаха Леонида съ двумя золотыми наперстными крестами, которыми онъ награжденъ за 16-ти лѣтнее служеніе на „Полярной звѣздѣ“.

Прежде онъ былъ въ Ниловой пустыни казначеемъ, а затѣмъ „посчастливилось“ попасть еще въ царствованіе Императора Александра III на почетное мѣсто и пользуется монаршими милостынями „на зависть другимъ“, какъ лично извѣстный Августѣйшей Семьѣ.

Тутъ же указали еще „не менѣе знаменитаго“ героя японской войны игумена Виталія, съ наперстнымъ крестомъ, на широкой георгіевской лентѣ. Онъ смотрѣлъ безъ актерскаго притворства „совсѣмъ“ не монахомъ, а по военному, молодцовато, чѣмъ и выдѣлялся среди иноческихъ лицъ, съ яркимъ выраженіемъ „ангельскаго чина“, либо фарисеевъ.

Его глаза свѣтились улыбкой вполнѣ счастливаго человѣка, сознававшаго, что онъ пріятное исключеніе, если не первенствующій, на право общественнаго вниманія.

Отецъ Виталій служилъ во 2-й эскадрѣ Рождественскаго на „Нахимовѣ“ и пережилъ много горькихъ минутъ смерти и ужаса неповинныхъ жертвъ людского безумія.

Теперь высокопреосвященный Алексій назначилъ его для устройства „общины“ въ Николо-Столпинской пустыни, близъ Вышняго Волочка.

Видимо, энергичный воякa-игуменъ съ любовью принялъ свою миссію, въ полной надеждѣ ее выполнить во славу Божію.

По крайней мѣрѣ о. Виталій твердо убѣжденъ въ успѣхѣ, если Господь спасетъ его жизнь также, какъ и отъ вражьихъ пуль въ морской пучинѣ.

Въ правомъ алтарѣ стоялъ колѣнопреклоненный и жаркомолившійся „вольный человѣкъ“ и крѣпко билъ лбомъ въ чугунныя плиты на полу.

Тутъ же рядомъ, около богомольца, стоялъ „блаженъ мужъ“—монахъ не монахъ, а своимъ лицемъ „безъ кровинки“, напоминавшій человѣка „не отъ міра сего“.

Я тихо бесѣдовалъ съ діакономъ Березов-

скаго Рядка (погоста) отцемъ Румянцевымъ, который видимо зналъ всѣхъ въ алтарѣ и любезно сообщилъ, что „вольный“ богомолецъ —нашъ валдайскій купецъ Василій Васильевичъ Митрофановъ, членъ валдайской пожарной дружины—значитъ новгородецъ — землякъ, а „блаженъ мужъ“ по имени рабъ Божій Степанъ (Степа).

Мы поздакомились.

Оба они пріѣхали въ пустынь, конечно, „Степу“ привезъ на свой счетъ г. Митрофановъ, такъ какъ онъ хотѣлъ идти пѣшкомъ „по обѣту“.

Изъ словъ г. Митрофанова я узналъ, что юный подвижникъ, 22-хъ лѣтъ отъ роду, съ измальства посвятилъ себя душеспасенію и теперь живетъ въ густомъ лѣсу, близъ села Кожецкаго, родины чудотворца св. Тихона Задонскаго, и постоянно путешествуетъ по святымъ мѣстамъ, и въ томъ числѣ въ валдайскій Иверскій монастырь каждое воскресенье.

Степа очень популяренъ въ народѣ, какъ великій постникъ, и безъ пищи бываетъ недѣлями до изнеможенія... онъ никого и никогда не проситъ о подаяніи, напротивъ старается какъ можно больше уединяться отъ людей,—словомъ „пріуготовляетъ“ себя къ

вѣчной жизни. Степа лѣтъ пять тому назадъ пришелъ въ Валдай изъ Олонецкой губерніи, но кто онъ „никому не вѣдомо“.

Я долго всматривался въ безстрастное лицо изможденнаго юноши и казалось, что это тургеневскій типъ „Живыя мощи“...

Его глаза устремлены были въ небесную высь, точно онъ съ кѣмъ бесѣдовалъ... его губы шевелились...

Такъ живо запечатлѣлся „блаженный“ Степа; въ его устахъ слышался шопотъ: „призри на мое лютое тѣлесѣ озлобленіе и изцѣли души моея болѣзнь“...

Даже и теперь Степа стоитъ передо мной какъ вопросъ будущаго?!.

Замѣтка VIII.

„О, великій угодниче Христовъ, преподобне отче Ипле! во многихъ потребныхъ намъ недостаточны есмы, обаче многая и нужная оставивши, о единомъ тебѣ нынѣ молимъ и просимъ: ходатайствуй и моли о насъ...

(Кондакъ, 13),

„Великая любовь неразлучна съ глубокимъ умомъ, широта ума равняется глубинѣ сердца, оттого крайнихъ вершинъ гуманности достигаютъ великія сердца, они же и великіе умы".

Н. А. Гончаровъ.

Въ храмѣ послышалось усиленное движеніе богомольцевъ.

Духовенство, съ пѣніемъ, подошло къ ракѣ св. Угодника.

Владыки стали у изголовья Преподобнаго и, послѣ кажденія, благословили взять раку съ нетлѣнными мощами, которая была высоко поднята десятью—двѣнадцатью священно-служителями...

Большинство женщинъ въ умилительныхъ слезахъ пали на колѣни...

Благоговѣйныя минуты!..

Процессія направилась въ торжественномъ шествіи къ срединѣ храма.

Всѣ въ единеніи сердецъ!..

Деревенскій людъ, да и другіе, близко стоявшіе по другой сторонѣ св. раки, въ при-

дѣлѣ Благовѣщенія Пресвятой Богородицы, стремительно бросились, давя другъ друга голыми руками взять изъ углубленія пьедестала, на которыхъ стояли металлическія ножки раки, капли св. воды.

Нѣкоторыя протирали глаза, а иныя облизывали пальцы...

Каждому хотѣлось „омыть тѣлеса“ чудодѣйственной водой, оставшейся послѣ окропленія владыками св. раки, и, по словамъ монашествующихъ, достающейся „оросить себя“ немногимъ богоугоднымъ молитвенникамъ и подвижникамъ плоти

Немудрено, что масса, не жалѣя своихъ боковъ, буквально ринулась „сподобиться благодати“.

Стражникамъ досталось поработать „направо и налѣво“ для водворенія надлежащаго порядка!

Слышались болевыя воскицанія: „ой, родной! какъ ты звѣзданулъ подъ самое сердце, видно въ глазахъ потемнѣло... Ну, да Богъ проститъ видно за грѣхи“? и т. д.

Вечерня закончилась.

Опять толпа осаждаетъ св. раку, подымаясь по ступенькамъ высокаго катафалка приложиться „къ лобику“ св. угодника.

Снова усиленная работа стражниковъ „въ потѣ лица“.

Иную старушку, случайно втиснутую не по ранжиру" прямо выбрасывали „изъ строя" легче пуха; только взвизгнетъ несчастная: „охъ, какъ больно сгребъ зазагривокъ" и т.д. Значитъ „не въ очередь"!..

Другихъ-же „барынь" въ шляпкахъ почтенный приставъ, или, какъ послѣ мнѣ называли, „командиръ стражниковъ", нѣкто г. Оглоблинъ (развѣ не характерна фамилія по существу?!) „любезно провожалъ" къ св. ракѣ сквозь ряды богомольцевъ, властно крикнувъ магическое слово: „смирно, раздайся по сторонамъ".

„Повелѣ и создашеся".

Ну, развѣ можно не ликовать за покорность и смиреніе обывателей къ начальству?!

Очень назидательно для строптивыхъ либераловъ!

По окончаніи вечерни и чтенія акаѳиста, владыкъ повели чрезъ восточную дверь алтаря.

Здѣсь при выходѣ невольно обратила мое вниманіе такая сцена.

Какой-то юноша „въ спинжакѣ", точно сраженный электрическимъ токомъ, быстро палъ на колѣни, съ земнымъ поклономъ, предъ архипастырскими стопами епископа Александра.

Владыка сурово благословилъ его.

Началась бесѣда довольно тихая, какъ будто шло внушеніе, либо „распеканція“ начальства.

Наконецъ слышу выраженіе преосвященнаго, „зачѣмъ ты ходишь лохматый? ты стригись коротко, или отпусти волосы какъ у меня, а то лохматый! Ну, ладно, отправляйся— Богъ благословитъ“.

На святительскомъ лицѣ показалась милостивая улыбка.

Голова псаломщика снова на полу у ногъ его преосвященства.

Дверь широко раскрылась на обѣ половинки и владыки направились въ архіерейскіе „хоромы“, изъ оконъ которыхъ выглядывалъ, лежа на подоконникѣ, хорошо упитанный поваръ въ бѣлой курткѣ и какой то интендантскій чиновникъ въ мундирѣ.

Я спросилъ сконфуженнаго псаломщика причину его земныхъ поклоновъ.

— Такъ нужно... онъ любитъ когда пресмыкаются у его ногъ. А вамъ что за дѣло, вдругъ огрызнулся „лохматый спинджакъ“?

Пришлось извиниться за излишнее любопытство.

Лишь только народъ увидѣлъ „святителей“ на площади, какъ снова бросился потокомъ подъ благословеніе.

Опять энергичная работа стражниковъ закипѣла. У кого платки летѣли съ головы, а кого и на отмашь, черезъ лобъ.

Молодцы восхищали многихъ своимъ усердіемъ „тащить и не пущать“.

Не подвертывайся подъ руку.

Владыки скрылись, осѣнивъ трижды съ крыльца богомольцевъ.

Наступило „междучасіе“ отдыха до всенощного бдѣнія.

Большинство толпилось передъ трапезой попасть къ ужину.

Я пошелъ въ просфорную.

Знакомлюсь съ „указнымъ“ послушникомъ Василіемъ, очень предупредительнымъ, но съ оттѣнкомъ „себѣ на умѣ“... Каждый отвѣтъ онъ даетъ „по зрѣломъ обсужденіи“, уклончиво.

На мой вопросъ почему онъ медлитъ, слышится: „страшусь сказать лишнее“, у насъ „дѣдушка Пахомъ“ взыскателенъ, чуть проштрафишься, или „сбалуешься языкомъ“, выгонитъ на всѣ четыре стороны, или „доведетъ“ до того, что самъ уйдешь куда глаза глядятъ... вдосталь „дошкуритъ“...

— Много выпекаете просфорокъ къ празднику...

— До 10 тысячъ, больше трехкопейныхъ.

а пяти и десяти менѣе и совсѣмъ немного по 20 к. Народъ сѣрый неимущій... каждый дрожитъ надъ грошемъ въ дорогѣ.

— Гдѣ вы ихъ храните?

— На ледникѣ.

— Горячія ставите туда?

— Никакъ невозможно! туда умѣючи нести надоть... остывши...

Сколько выручите за эти дни?

— Трудно сказать, не менѣе 2000 р.

Входитъ группа бабъ,

— Батюшка, дай просвирочекъ на 15 к.

„Отецъ“ Василій быстро вынимаетъ изъ подъ прилавка совѣмъ черствыя просфоры

Отсчитываются медяки, больше копейками, по нѣсколько разъ...

— А грамотки завернуть нѣтути?..

— Бумажки нѣтъ... Положи въ платокъ. Лучше сохранишь.

Богомолки, вздохнувши, уходятъ.

— Неужели вамъ не отпускаютъ оберточной бумаги, спрашиваю я?

— Излишне.. У насъ порядочной публики нѣтъ... больше простой народъ... А на бумагу расходъ значительный; нашъ о. настоятель и отецъ экономъ Никаноръ очень скупы, крѣпко блюдутъ монастырскую кружку.

— Сами вы откуда?..

— Изъ старорусскаго уѣзда, деревни Боровой, поддорской волости.

— Ахъ, землякъ, очень пріятно.

Общее рукопожатіе.

— Вы изъ Новгорода?

— Такъ точно.

Видимо землячество придало нашей бесѣдѣ болѣе интимный характеръ.

— Нельзя ли, землячекъ, показать гдѣ хранятся ваши просфорки?..

— Некого тутъ оставить, заговорилъ сначала недовѣрчиво Василій, но потомъ точно, спохватившись, быстро сказалъ: „ничего для земляка можно... теперича всѣ ужинаютъ передъ всенощной, такъ на минутку я замкну дверь. Чужимъ мы не показываемъ... Могутъ навести критику, или маралъ... Пожалуйте за мной, только осторожнѣе“...

Мы спустились по темному корридору въ присподнюю.

Висячій замокъ щелкнулъ, скорѣе захрипѣлъ отъ ржавчины.

Мы вошли, послѣ тропической жары солнечнаго дня, въ царство холода и сырости не то ледника, не то погреба, подъ кирпичными сводами.

Масса корзинъ съ просфорами, ничѣмъ не покрытыми... Грязь всюду.

По землѣ разбросаны куски просфорокъ. Пришлось на нихъ ступать.

— Это зачѣмъ набросано, любопытствую я?

— Отъ крысъ... ихъ тоже надо питать... а если не бросить имъ, то попортятъ весь товаръ... Такъ приказано.., сытыя онѣ не пойдутъ на грабежъ... Прежде „казенщикъ“ давалъ сѣмена такія противъ крысъ...

— Что это значитъ казенщикъ?

— Такъ мы зовемъ того, кто выдаетъ провизію... Ну вотъ-съ и бросали сѣмена, только безъ толку, а просфирку онѣ, подлыя, любятъ... ихъ тутъ мирріады и вотъ какія, больше кошки... страшенныя.

„У насъ очень много просфоръ раскупаются „говельщиками“, преимущественно на 2-й и 3-й недѣли великаго поста, когда пріѣзжаютъ „каяться въ прегрѣшеніяхъ“ именитые купцы, и тутъ ужъ больше заготовляются 20-ти копѣечныя“.

На вкусъ просфоры горьковаты и отдаютъ плесенью, видимо подземная атмосфера имѣетъ свое вліяніе.

Экономные „дѣдушка Пахомъ“, вкупѣ съ излюбленнымъ о. Никаноромъ, не могутъ устроить лучшаго помѣщенія для хлѣбныхъ запасовъ, особливо для только что испеченныхъ булокъ и просфоръ нѣтъ ничего, кро-

мѣ сырыхъ подваловъ въ сосѣдствѣ съ вонючими ретирадами.

Отсюда я зашелъ попути на братскую кухню и въ квасоварню.

Въ первой поваръ, въ подрясникѣ, Василій Іоновъ Ковалевъ, бывшій рядовой 110пѣхотнаго камскаго полка и мобилизир. 248 осташков. полка, очень развязно вступилъ въ бесѣду, совсѣмъ „по товарищески“.

Съ лица у него шелъ „седьмой потъ“.

Отпускался ужинъ въ металическіе судки, по кельямъ, или въ гостинницу.

— Что у васъ сегодня готовилось?

— Холодное изъ щуки, свекла, огурцы, каша пшеная, съ подсолнечнымъ масломъ и жаренымъ лукомъ, очинно скусно. Хотите попробовать?

— Благодарю васъ. Много работы?

— Втянумшись. У меня два помощника. Живу около года (двухъ недѣль не хватаетъ!). Одинъ помощникъ работаетъ 3 мѣсяца, а другой 4—народъ слабый. Самому приходится все дѣлать. Жалованья даютъ 5 руб. въ четыре мѣсяца, а помощникамъ $^3/_8$ чаю и $1^1/_2$ ф. сахару.

— Часто у васъ лудятъ котлы?

— Чрезъ каждые два мѣсяца, ну, а для богомольцевъ —не взыщите, оттого у нихъ

животы и пучитъ, добавилъ Вася, громко смѣясь.

— Часто посѣщаетъ братскую трапезу о. архимандритъ?

— Почти никогда. Только въ Пасху, да въ Рождество они кушаютъ съ братіей „для блезиру“; а въ остальное время у „нихъ“ своя кухня „по скусу“. Простого имъ не полагается. А что вы записываете въ книжку, вдругъ спросилъ Вася?

— Для памяти о святой вашей обители.

— Это пользительно... видно память слабовата? Не желаете-ли испить братскаго кваску, это не то, что у богомольцевъ—тамъ больше водица святая, при этомъ Вася залился хохотомъ добродушія, или „зелена вина“...

На квасоварнѣ новое знакомство съ послушникомъ, „степеннаго“ вида, оказавшимся нашимъ землякомъ смольяниномъ —Яковомъ Игнатьевымъ изъ деревни Самосоли, сычевскаго уѣзда, смоленской губерніи.

Квасоваръ еще „не пріуказенъ“, такъ какъ послѣ четырехлѣтняго житья въ Ниловой пустыни онъ ушелъ въ другой монастырь, если память мнѣ не измѣняетъ, въ Николо-Бермоковскій, расположенный въ богородскомъ уѣздѣ, московской губерніи.

Въ подвалахъ хранятся стройными рядами большія дубовыя бочки съ квасомъ, пивомъ и медомъ.

Порядокъ и чистота образцовые.

Варка кваса производится ежемѣсячно по 50 горшковъ, для которыхъ расходуется семь мѣшковъ солоду, кромѣ муки др. продуктовъ и „спецій“.

„Для пива и меда обыкновенно приглашается другой спеціалистъ за особую плату, ради праздника, „для почетныхъ гостей“,— „мелкотъ“ не даютъ даже за деньги, „пожалуй не хватитъ“, говорилъ послушникъ. съ явнымъ сокрушеніемъ.

Въ заключеніе своей рѣчи онъ добавилъ, многознаменательныя слова: „хотя сказать надо, по правдѣ, всякій бѣдный себя оправдаетъ, а богатые убытокъ. Вотъ теперича архіереевъ, да губернатора надо угостить по крайности на 500 рублей не менѣе, что вина одного выпьютъ за закуской—страсть. Привозятъ съ собой незванныхъ гостей, свиту... всѣхъ надо ублажить! Очинно тяжело для обители“.

Замѣтка IX.

„Не бѣда, что потерпитъ мужикъ...
Такъ велущее насъ Провидѣнье
Указало... да онъ же привыкъ“?..
Н. Некрасовъ.

Близъ группы монахинь, внутри двора, у наружной стѣны настоятельской кухни, изъ окна которой то и дѣло подается ковшикъ съ квасомъ, стоитъ „костлявый“ мальчикъ лѣтъ 10-ти, много 12-ти, въ синемъ холщевомъ подрясникѣ и ваточной скуфьѣ, пропитанной деревяннымъ масломъ...

Жалкая фигура „заморыша“ со дня рожденія.

На ногахъ старые сапоги, съ изодранными и широкими голенищами.

„Монашекъ“ хочетъ купить святой поясочекъ, который онъ разглядываетъ болѣе чѣмъ любовно и по складамъ громко читаетъ: „преподобне отче нашъ Ниле моли Бога о насъ“.

— Матушка нельзя-ли дешевле?..

— Охъ, болѣзный, никакъ невозможно. Сами живемъ въ скорбяхъ и немощахъ, тоже отчетъ съ насъ требуютъ въ каждой копейкѣ,—для тебя только гривеничекъ, а другимъ не уступлю съ цѣны. Игуменья у насъ строгая, тараторила мягкотѣлая монашка — торговка, съ явною цѣлью обратить вниманіе покупателей.

— А ты вѣрно говоришь, спрашиваетъ „заморышъ“ монашенку, не выпуская изъ рукъ лиловую ленточку съ надписью,—что она пользительна отъ болѣсти?

— Няужто, отроче, стану брать грѣхъ на душу?.. Никогда не заболитъ животъ, только подвязывай ее съ вѣрой и вотъ какъ поправишься тѣломъ. Мы постоянно ихъ носимъ и вотъ видишь живемъ во славу божію—утробой не тяготимся.

Видимо мальчикъ колеблется отъ неимѣнія денегъ и довѣрія къ продавщицѣ.

Вступаемъ въ бесѣду.

— Ты кто такой?

— Монастырскій пастухъ Вася изъ Сухой Нивы.

— А сколько лѣтъ отъ роду?

— Двѣнадцатый.

— Давно въ обители?

— Третій годъ, съ десяти лѣтъ взятъ на пастьбу.

— Большое стадо на твоихъ рукахъ.

— 10 коровъ и 6 телятъ за Свѣтлицей. Мы съ братомъ Иваномъ, онъ старше меня. Помогаетъ когда захвораю животомъ лѣтомъ послѣ водицы, али кваску...

— Сколько получаешь жалованья?

— Ничаго... даютъ одежу, сапоги, во!.. а

въ награду три восьмушки чая и фунтъ сахару. Таперича надо въ лавочкѣ продать чашку за пятнадцать коп., да и купить поясочекъ... а то животъ болитъ... вотъ матушка и говоритъ, что онъ полегчаетъ коли подвяжешься съ молитвой.

— А зимой что дѣлаешь, спрашиваю я?

— Въ рѣзной дѣлаю фигурки преподобнаго... даромъ не ѣмъ монастырскій хлѣбъ... работаемъ во всю... На совѣсть...

Я уплатилъ монашенкѣ 15 коп. за святой поясочекъ и передалъ Васи.

Мальчикъ видимо былъ тронутъ драгоцѣннымъ подаркомъ.

Монашка „взалкала“ барышей: „не желаете-ли, добрый господинъ, образковъ, кошелечковъ бисерныхъ для поддержанія святой нашей обители... Очинно нуждаемся“...

Я направился посмотрѣть „помѣщеніе пріѣзжающихъ и приходящихъ богомольцевъ“ въ 3-хъ этажный кирпичный корпусъ, расположенный перпендикулярно къ монастырской стѣнѣ.

Входная лѣстница въ четыре ступеньки расползлась по швамъ плитъ.

Легко было оступиться.

Въ нижнемъ этажѣ помѣщается „странная“, гдѣ полъ въ щеляхъ и нары сколоче-

ны изъ старыхъ досокъ, чуть не гнилья, кирпичная лежанка съ тряпьемъ и мусоромъ.

Въ воздухѣ угаръ и злокачественная вонь. Подоконники изрѣзаны разными надписями, среди которыхъ выдѣляются такія фамиліи „А. Фаворскій, послушникъ М. Бондаренко, Помпей Воробьевъ и др.

По лавкамъ, у оконъ, сидѣли „странники“ и перекручивали на ногахъ прѣлыя онучи.

Отъ зловонія трудно было дышать. На нарахъ два—три человѣка сладко храпѣли „во всѣ посовыя заверткн“.

Умаялись бѣдняки...

Мы поднялись во второй этажъ по скрипучей лѣстницѣ, съ гнилыми ступеньками въ № 53 и № 54.

Таже вонь и мерзость.

Наружныя стѣнки вымазаны известью „для форса“, а внутри грязь и тряпье.

На площадкѣ, противъ номеровъ 59 и 60, идетъ пріемка „котомокъ“ для храненія въ чуланѣ.

Послушникъ Семенъ Никандровъ, бывшій рядовой нашего Нейшлотскаго полка, по профессіи молотобоецъ, быстро навязываетъ деревяшки съ нумерами на узелки богомолокъ.

— Это зачѣмъ, спрашиваю я?

— Для правильности, чтобы не спутать-

ся. Одна косточка выдается на руки ей,— Никандровъ пальцемъ тычетъ въ грудь богомолки,—а другая привязывается къ вещамъ для обратнаго полученія... иначе выйдетъ каша, вавилонское столпотвореніе—не разберіха“...

— Скажите пожалуста, отчего у васъ такъ сильно пахнетъ?

— Это все отъ вертоклозета, али вѣтерклозета, смѣясь отвѣтилъ послушникъ Семенъ, туда все валятъ, какъ въ морскую пучину и оттого не въ моготу, особливо предъ дождемъ. Какъ только мы живы? Многократно докладывали отцу эконому, а онъ грить „ничего—живетъ во славу Божію, святые отцы и не то видѣли“... Ну и нюхаемъ... конечно, не привыкши сильно отшибаетъ, а какъ пріобнюхаешься, то и совсѣмъ не слышно благоуханія“.

Особенно грязно было въ женской половинѣ, гдѣ „за порядками“ наблюдаетъ „дѣдушка“, покоющійся на кровати въ чуланчикѣ, отдѣленномъ досчатой перегородкой отъ общей комнаты.

Богомолки спятъ „лежма“ на полу, лишь бы укрыться отъ стужи и хлябей небесныхъ.

Большинство почуютъ у храма, во дворѣ, въ саду, прямо на землѣ, точно мертвыя тѣ-

на полѣ сраженія, неимущія гдѣ главу преклонити... Идемъ дальше.

Въ монастырской чайной масса народу. Торговля на славу.

Три большихъ комнаты, въ каждой 10—15 столовъ. Въ буфетной, гдѣ вмазанъ громадный кубъ для кипятку, за прилавкомъ, въ подрясникѣ послушникъ Алексѣй „въ потѣ лица“ размѣриваетъ „по припорціи“ чаи не ложечкой, или какой-либо мѣркой, а прямо „на глазъ“ своей потной рукой и бережно всыпаетъ въ чайникъ китайскую травку, точно отсчитывая каждую „чаинку“, какъ въ аптекѣ, съ боязнью не прокипуться лишнимъ лепесткомъ.

Въ толпѣ слышатся восклицанія „съ пріѣздомъ, съ приходомъ“, „еще кипяточку, сахарцу на копеечку“ и т. п. чисто дружескимъ тономъ.

Среди послушниковъ „на побѣгушкахъ“ служатъ добровольцы, „по обѣщанію“, спеціально приходящіе въ обитель поусердствовать „преподобному“ вмѣсто стуканья лбомъ по чугуннымъ плитамъ въ храмѣ...

Мнѣ подавалъ чаи Андреянъ Матвѣевъ, обыкновенно торгующій мясомъ по зимамъ въ розницу.

Цѣлую недѣлю онъ таскалъ монастырскій тесъ, убиралъ мусоръ и другую „пакость“

а въ награду получитъ послѣ праздника „на выходъ“ 40 коп.

Чаепитіе практикуется, съ выходомъ „маненько отдышаться“, до двадцатаго пота. Предъ каждымъ „гостемъ“ свертокъ съ ситникомъ, рыбой и другой снѣдью. Пьютъ въ одиночку и цѣлыми группами. Каждому дается за шесть коп. три куска сахару и чай „съ колеромъ“.

Многія оставляютъ куски ситника, со словами: „съ насъ довольно... угобзились... пущай кто нибудь съѣстъ нашу хлѣбъ соль во имя преподобдаго... мы ухлѣбились“...

И, дѣйствительно, голодные не оставляютъ долго залеживаться остаткамъ на подоконникѣ,—„кусочники“ ѣдятъ ихъ съ волчьимъ апетитомъ, набожно крестясь.

Изъ чайной прямо дверь въ контору „для прописки паспортовъ“, гдѣ, къ нашему изумленію, имѣли ночлегъ за перегородкой юныя монахини дальнихъ монастырей, прибывшія къ празднику; среди послѣднихъ мы узнали подвижницъ изъ косинской обители старорусскаго уѣзда.

При нашемъ входѣ „бѣличка“ быстро накинула платокъ на открытую голову съ распущенными волосами.

— Ахъ, простите, Христа ради, вскрик-

нула она, видимо отъ неожиданнаго визитера,—я причесывалась и вдругъ такой конфузъ...

— Вы здѣсь ночуете одинѣ?

— Какъ можно? насъ здѣсь много изъ разныхъ обителей со старшими... покоткомъ здѣсь и лежимъ на полу... Сестры пошли въ храмъ, а я замѣшкалась... поди жъ ты какое искушеніе!

— А гдѣ же прописываютъ здѣсь паспорта?

— Это я не знаю. Здѣся изъ братіи никто не бываетъ, какъ можно...

Юная подвижница охотно говорила и собой представляла „діавольское искушеніе“ для старческаго ока, тѣмъ болѣе молодому.

Съ колокольни послышался благовѣстъ ко всенощному... Толпа заволновалась. Сящіе быстро поднялись. Каждый торопился...

Конные стражники загарцовали съ нагайками предъ святыми воротами.

Богомольцы сплошной лентой тянулись въ соборъ; предъ главнымъ входомъ, во дворѣ, подъ окнами настоятельскихъ покоевъ, устроены были мостки и стоялъ большой чанъ, кто говорилъ съ водой, а кто съ квасомъ, будто бы для питья, но онъ былъ покрытъ не то ковромъ, не то одѣяломъ, крѣпко при-

вязанными веревками вокругъ стѣнокъ по обручамъ.

Впослѣдствіи оказалось, что чанъ предназначался для освѣщенія воды, которую штурмовали приступомъ въ день праздника, во время обнесенія св. мощей, бутылками, кувшинами, а нѣкоторые прямо руками, пригоршнями, лишь бы „прикоснуться“ устами къ святой водицѣ и получить изцѣленіе отъ недуговъ, хотя нѣкоторые здоровые выскочили изъ общей давки и тискотни близъ чана еле живыми.

Одного ребенка задавили чуть не на смерть въ разъяренной толпѣ.

А сколько было разбито посуды, взаимной ругани и толчковъ въ бока...

Ты, Господи, вѣси!

Мы снова вошли въ алтарь чрезъ восточную дверь.

Оба епископа и масса духовенства облачались къ литіи.

Въ храмѣ широкая полоса свободна и охранялась цѣпью сотскихъ и десятскихъ.

Паникадилы освѣщены не полностью, а черезъ рядъ.

На эту экономію обратилъ вниманіе одинъ изъ богомольцевъ такими словами: „И тутъ-то скаредность Пахомія кидается въ глаза...

Для такого можно сказать торжественнаго праздника грошевая выгода".

„Развѣ это не возмутительно?.."

„Сами загребаютъ тысячи, а на благолѣпіе жадничаютъ... Искушеніе!.."

Упрекъ „пахомоникандровской" жадности вполнѣ былъ справедливъ.

Не только за всенощной, но и среди поздней литургіи въ день праздника, не всѣ свѣчи горѣли въ паникадилахъ, дескать, „въ коммерціи излишняя свѣчка имѣетъ свое назначеніе"!.. Назидательно...

Литія и освѣщеніе хлѣбовъ совершены были епископами во дворѣ, на помостѣ, всенародно.

Какъ говорятъ этотъ древній обычай ввелъ въ тверской епархіи усопшій въ Казани незабвенный архипастырь Дмитрій, къ общему молитвенному назиданію богомольцевъ, особенно простонародья, или, по ихъ выраженію, за недостиженіемъ счастья попасть въ средину храма изъ боязни стражническихъ тумаковъ на храмовыхъ торжествахъ, тогда какъ на дворѣ всѣ могутъ молиться...

Такой пріемъ всенародной молитвы слѣдовало бы всюду примѣнять.

Замѣтка X.

„Видѣвши показанное ти Богомъ мѣсто, преподобне отче Ниле, возрадовался еси о красотѣ его... даруй мнѣ до конца жизни моея на семъ мѣстѣ выну воспѣвати тебѣ пѣснь“.

(Кондакъ 2 изъ акафиста св. Нилу).

По окончаніи всенародной литіи началось чтеніе шестипсалмовъ. Мы снова въ боковомъ алтарѣ. Епископы разоблачались, а, по примѣру владыкъ, съ необычайной торопливостью, сбрасывали съ себя стихари отцы діаконы, спѣша поскорѣе „освѣжиться и маненько курнуть на слободѣ,—больно взопрѣли отъ трудовъ праведныхъ“...

О. Федоръ Тихвинскій, тверской „гастролеръ“ за протодіакона, тяжко вздыхая, усиленно утиралъ свою красивую бороду и лысину чуть не во всю голову; его подрясникъ буквально насквозь былъ пропиганъ потомъ, съ своеобразнымъ запахомъ прѣлости роснаго ладона...

Каюсь, что въ душѣ почему-то витало „бѣсовское искушеніе“, невольнаго сравненія этой братіи съ актерами лѣтнихъ театровъ, бѣгущихъ изъ душныхъ уборныхъ на свѣжій воздухъ... Таже торопливость въ движеніяхъ, рѣчи, боязнь за каждую минуту поте-

рять ее зря и полное игнорированіе совершающагося чего-то „тамъ“ другими, обязанными ихъ замѣнять до новаго выхода...

Согрѣшилъ я, окаянный, въ моихъ дерзновенныхъ помыслахъ!..

Но развѣ можно, говоря по совѣсти, винить человѣческій глазъ и языкъ, если они отражаютъ видѣнное и слышанное...

Другое дѣло душевное чувство, которое можно и должно иногда скрыть отъ людского пересуда и соблазна.

Въ главномъ алтарѣ и въ боковыхъ присутствующими велась оживленная бесѣда. Никто здѣсь не интересовался прекраснымъ чтеніемъ шестипсалмовъ „тамъ“, въ храмѣ, переполненномъ благоговѣйно настроенными богомольцами...

Поразительный контрастъ между пастырями и пасомыми!..

„Бѣсовскія“ мысли смѣняли одна другую въ невольномъ зрителѣ.

Я разговорился съ старшимъ іеродіакономъ Василіемъ, весьма словоохотливымъ собесѣдникомъ..

— Скажите, батюшка, вѣдь вы были свидѣтелемъ паденія св. мощей изъ раки.

— Изволите ли видѣть непосредственно при самомъ дерзновенномъ святотатствѣ я не былъ, ибо другой правилъ череду... но я

прибѣгъ когда святитель уже возлежалъ на полу...

— Какъ это на полу?..

— Да очинно просто... мощи вывалились изъ раки... всѣ оцѣпенѣли отъ обуявшаго ужа ... можно сказать, ни чаянно, ни гадано совершившійся въ храмѣ божіемъ... даже іеромонахъ Кириллъ остолбенѣлъ... никто не дерзнулъ прикоснуться къ преподобному, тѣло коего было плотно зашито въ царскомъ халатѣ особыми шнурками и закрѣплено государственной печатью... всегда такъ дѣлается... и вотъ значитъ самое тѣло осталось нетронутымъ... одинъ вѣдь нетлѣнныя косточки покоятся, все равно какъ въ мѣшкѣ... имъ ничего не сдѣлалось по благодати угодника...

— Позвольте... это я знаю... Вы лучше разскажите ваше впечатлѣніе когда вы увидѣли эту картину?..

— Да, ничаго особливаго, проговорилъ, улыбаясь, о. Василій,—оторопь взяла маненько, вельми потрясся на равнѣ со всѣми православными, даже прослезился горько, но однако мы немедленія съ отцомъ благочиннымъ Николаемъ подняли тѣло... при помощи іеромонаха Кирилла и раку водрузили на старое мѣсто... тяжести не чувствовали, точно перышко. Конечно смятеніе обуяло всѣхъ

насъ противъ кощунственной старовѣрки, посягнувшей на цѣлебоносную святыню... живую бы ее сжечь надоть!.. на медленномъ огнѣ...

— А кто эта женщина?

— Докладываю—старовѣрка и продѣлала ради надсмѣшки надъ православіемъ... Имъ бы свое чудачество прославлять, а насъ, никоновцевъ, на костеръ... Анафемы! Ироды!

— Что же сдѣлали съ виновницей?

— А ей тотчасъ лопатки назадъ, да въ арестантскую. Отца архимандрита не было въ обители... уѣзжали въ отпускъ по дѣламъ обители.., При немъ справились бы у насъ по своему... Полиція отвезла бабу въ Осташково, а черезъ пять день и выпустили... Изъ Твери пріѣзжалъ вотъ этотъ самый владыка Александръ для слѣдствія... Всѣхъ значитъ опрашивалъ. Конечно дѣло замяли отъ излишняго искушенія... баба и теперь гуляетъ на волѣ, да похвалястся своей безумной удалью... Еретичка одно слово...

— Можетъ быть она нечаянно опрокинула раку?..

— Николды! нарочито—доподлинно знаю... готовъ присягнуть.

— Желѣзные прутья тогда стояли по бокамъ св. раки, спросилъ а?

— Нѣтъ, это устроено опосля, на всякій

случай... бережёнаго и Богъ бережетъ... Нынѣ постоянно во время богослуженія дежуритъ при мощахъ рясофорный монахъ Герасимъ (въ мірѣ Григорій Мачковъ)... Надежный отецъ... теперича смотримъ въ оба за безбожниками... нельзя опрокинуть... рака стоитъ промежъ подпоръ... сегодня видѣли сами какъ трудно было поднять св. мощи... Однако простите надо облекаться“...

О. Василій ловко накинулъ стихарь черезъ голову и, бросивъ орарь на плечо, направился въ главный алтарь...

Всенощное закончилось около полуночи...

Замѣтка XI.

„Ты же вся его коварства, аки паучинныя сѣти, бодренною молитвою разгналъ еси: яко не смѣти ему и издалеча на тя взирати“...

(Изъ акафиста Преподобному).

Всѣ дали: по копеечкѣ,
По грошу, на тарелочкахъ
Рублишко набрался...

Н. Некрасовъ.

Въ продолженіи всей ночи, послѣ торжественной всенощной, мнѣ пришлось убѣдиться насколько невнимательна монастырская братія къ паломникамъ, несущимъ во имя св. угодника послѣдніе гроши и неимѣющимъ гдѣ преклонити главу для отдохновенія.

Очень прискорбно...

Старый и малый валялись „покоткомъ“ прямо на сырой землѣ монастырскаго двора.

Номера заняты были платной и почетной публикой. Братскія келіи тоже переполнены, оттуда слышался хохотъ и женскіе голоса.

Балаганы торговали и „рулетка“ привлекала азартныхъ игроковъ вполнѣ открыто всю ночь...

Сильный храпъ измученныхъ богомольцевъ и ухарская ругань „проигравшихся“ рулетчиковъ слышались кругомъ. Торжество ажіотажа предъ молитвеннымъ шопотомъ сѣдовласаго старца, стоявшаго на колѣняхъ

предъ святыми воротами главнаго входа, рѣзко и грубо оскорбляло религіозное чувство...

„Преподобне отче Нило! призри на мое лютое тѣлесе озлобленіе и изцѣли души моея болѣзнь... что творимъ?.. спаси насъ, окаянныхъ блудниковъ“!..

Первые лучи восходящаго солнца заблестѣли изъ за сосѣдняго острова съ густой зеленью...

Зеркальное озеро какъ бы встрепенулось радугой цвѣтовъ... Подулъ свѣжій вѣтерокъ. Гдѣ то защелкалъ раскатистой трелью соловей, въ отвѣтъ понеслись еще сильнѣе тысячи откликовъ, одинъ другого увлекательнѣе.

„Чу! коростель прозвенѣлъ и погасъ!..
Майскаго утра плѣнителенъ часъ!..“

Съ колокольни прозвучалъ колоколъ. Всѣ поднялись на ноги... Настала давно жданный „Ниловъ“ праздникъ... Народная вереница потянулась приложиться „натощакъ“, съ чистымъ сердцемъ „къ угодничку“..

Загарцовалъ на лошади неизвѣстно откуда явившійся верховой стражникъ, съ аксельбантами... Рулетка прикончила игру...

Каждый спѣшилъ къ храму, гдѣ снова усиленная запись поминальныхъ записокъ алчными „борзописцами“ и нестовое тол-

канье, если не давка, при поклоненіи свят. мощамъ.

Зашевелились у „катафалокъ“ во дворѣ. Бабы молятся, иныя плачутъ.

Катафалкой я называю подобіе погребальнаго балдахина, съ крытымъ верхомъ и четырьмя стойками, окрашенными и позолоченными, среди которыхъ лежитъ аляповато написанное изображеніе угодника, кисти плохого живописца, на подобіе плащаницы, на которой стоитъ тарелка съ мѣдными деньгами; груда мотковъ холста, питокъ, кудели льна, куриныхъ яицъ и др. „жертвоприношеній“...

О, поношеніе!..

Запечатанная шкатулка съ сургучной печатью, предназначена видимо для болѣе крупныхъ денегъ и депозитокъ.

Первый балдахинъ стоялъ во дворѣ, подъ наблюденіемъ нѣкоего суроваго вида послушника.

— Много собираете, спросилъ я?

— А вамъ что за дѣло?

— Простите, Христа ради!

— Иванъ Сергѣевичъ, слышится женскій голосъ, къ сердитому старцу, куда положить холстинку, научи, родной?..

— Бросай прямо, коли отъ усердія, то попадетъ прямо на сердце...

Баба бросаетъ свертокъ... Общее вниманіе... „Эхъ, угодила, прямо въ ручки!.. Счастливица... Талантъ тебѣ будетъ“! .

Снова говоръ среди богомолокъ по адресу жертвовательницы, просіявшей отъ сознанія что она „сподобилась“ счастливо бросить холстинку...

Какъ потомъ я узналъ, что въ вскидываніи жертвъ на пелену и даже въ самую раку св. мощей, среди крестнаго хода, зиждется, по толкованію монашествующей братіи, „особая благодать и мзда за усердіе“.

Мотки обязательно надо бросать, а не класть... И, дѣйствительно, цѣлый ворохъ полотенецъ, ниткъ и другихъ холщевыхъ концовъ красовался вокругъ суроваго Ивана Сергѣевича, видимо недовольнаго моимъ присутствіемъ, какъ излишнимъ свидѣтелемъ не совсѣмъ удобныхъ „жертвъ“.

Я направился къ собору.

Тамъ стоялъ другой, весьма изящный, балдахинъ, предназначенный для установки св. раки во время крестнаго хода. Дежурный послушникъ, болѣе мягкій и разговорчивый. Каждому жертвователю онъ ласково говоритъ „спаси Господи“!, при чемъ кланяясь въ поясъ, истово крестился широкимъ размахомъ руки.

— Какъ васъ зовутъ?

— Рабъ божій Іоаннъ...

— Нѣтъ вы скажите попросту...

— Извольте-съ: Иванъ Александровъ Сафроновъ.

— Много собираете?

— Не считаю, а сдаю прямо „чохомъ“ отцу эконому, „шкатулка“ опечатана. Всякая копейка на виду...

Вдругъ мимо меня, чуть не опрометью, пробѣжали шумно по плитнымъ ступенямъ и деревянному помосту, гдѣ стоялъ чанъ, покрытый сукномъ для святой воды, нѣсколько стражниковъ, точно на пожаръ...

Спрашиваю одного, что такое? Куда вы летите?..

— Эхъ, отстаньте, губернаторъ пріѣхалъ, надоть встрѣчать...

Теперь только я понялъ что значитъ надлежащее подобострастіе подчиненныхъ къ начальству.

Невольно пошелъ полюбоваться на трогательное зрѣлище.

Съ пароходной пристани поднималась въ гору группа „губернскаго начальства“. Впереди шелъ твердой походкой очень представительный и совсѣмъ еще юный на видъ, съ военной выправкой, „самъ“ губернаторъ,

въ высокихъ сапогахъ, тужуркѣ; вокругъ „его превосходительства“ свита чиновниковъ, исправникъ, который шелъ безъ шапки, въ мундирѣ а по бокамъ урядники, стражники. Помпезная картина!.. Мужички смиренно снимали шапки. Губернаторъ, съ благосклонной, не то съ сіяющей улыбкой, козырялъ очень эффектно...

„Преданность и уваженіе — уваженіе и преданность“! Невольно позавидуетъ слабый смертный земному величію!..

Теперь и другая картина.

Торжественный перезвонъ во всѣ колокола возвѣстилъ о приближеніи изъ Осташкова крестнаго хода.

Вдали по озеру показалась разукрашенная сотнями флаговъ большая баржа, съ хоругвями, образами и духовенствомъ, вокругъ которой масса челноковъ, съ гребцами въ кумачевыхъ рубашкахъ, дружно взмахивающими веслами.

Каждый челнокъ прикрѣпленъ былъ веревкой къ боковому крюку баржи и такимъ способомъ гребцы изображали собою буксиръ. Всѣ работаютъ „по обѣщанію“ изъ благоговѣйнаго чувства къ св. угоднику.

Солнечные лучи на блестящей плоскости Селигера, „съ синей далью“, роскошные берега, съ густой листвой, и[illegible] чецъ многоты-

сячная толпа, павшая на колѣни въ молитвенномъ умиленіи, издали несущееся по вѣтру гармоничное пѣніе праздничнаго тропаря, невольно вызывали слезы душевнаго восторга. Я давно не видывалъ такой дивной картины. Совѣтую, читатель, побывать и провѣрить мое скромное описаніе... До гроба не забудете встрѣчу осташковской святыни въ Ниловой пустыни... Это что-то волшебное, неземное, не поддающееся слабому перу!..

На встрѣчу осташковской святыни вышла монастырская братія, въ золотыхъ облаченіяхъ, при пѣніи усиленнаго хора и торжественная процессія направилась въ соборъ къ поздней литургіи, которую совершали два архіерея.

Многотысячная толпа заняла каждый свободный уголокъ близъ храма, откуда доносились лишь діаконскіе возгласы.

Колѣнопреклоненные богомольцы, съ обнаженной головой на солнопекѣ, со слезами на глазахъ, несчетно разъ били лбомъ въ землю, только и слышалось: „отче, преподобне, моли Бога о насъ!“.

Чувствовалось и видѣлось что-то стихійное, вдохновенное твердой вѣрой, что онъ „угодничекъ“ услышитъ и поможетъ людскому горю...

Невольно самому хотѣлось плакать и пасть ницъ, съ покаяніемъ на устахъ.

„Старца великаго тѣнь чую смущенной душой:“

— Что, господинъ, видно тронуло и васъ, замѣтилъ мнѣ одинъ старичекъ благообразнаго вида, всюду почему то слѣдовавшій за мной чуть не по пятамъ?,.

— А васъ это заинтересовало?.

— Какъ-же-съ! Вижу, значитъ, и понимаю вашъ антиресъ, все записываете въ книжечку, это на пользу. Прочтемъ, коли будемъ живы, продолжалъ мой собесѣдникъ, тоже покупаемъ газетки. Только хорошо бы вамъ пожаловать сюда зимой къ 7 декабря, тоже Ниловъ праздникъ. Больше бы васъ потрясло, когда бъ увидѣли, какъ богомольцы по замершему озеру идутъ голыми ногами по озерному льду и снѣгу! Идутъ и поютъ тропари, точно лѣтомъ. И вѣрите, не только зябнутъ, либо мерзнутъ, а прямо въ поту, словно, въ банѣ. Вотъ какова сила нашего угодничка, не было случая, чтобы кто простудился, либо закашлялъ...

— Неужели это правда?..

— Не по годамъ мнѣ врать — постарше васъ—готовлюсь къ смерти, значитъ не буду зря бить языкомъ. Вѣрно говорю. Самъ на себѣ испыталъ и провѣрилъ.

— Какъ же это такъ вы рисковѣли здоровьемъ.

— Ничуть не бывало. До озера идемъ обутые, какъ слѣдъ, а тутотка долой валенки и запоемъ „отче преподобне“ и пойдемъ, глядя на обитель, шидо паръ идетъ отъ насъ. Такъ угодникъ согрѣваетъ своихъ гостей. Чудеса во истину! Пріѣзжайте шестого декабря—сами пойдете. Эхъ, сударь, все въ рущъ божіей. Отъ смерти не уйдешь...

Нашу бесѣду прервала нахлынувшая толпа изъ собора, гдѣ кончилась литургія и приближался выносъ святыхъ мощей. По теченію людской волны меня потянуло къ мостикамъ съ чаномъ, вокругъ котораго стояла живая цѣпь сотскихъ, полицейскихъ, крѣпко сцѣпившихся руками и такимъ звеномъ сдерживался натискъ народа... Каждый стиснутъ былъ со всѣхъ сторонъ и представлялъ собою одну плотную компактную массу. Глаза всѣхъ устремлены были въ средину храма, откуда все ближе и громче неслось хоровое пѣснопѣніе.

Лишь только показалась св. рака съ нетлѣнными мощами, какъ раздался душу раздирающій крикъ женскихъ голосовъ, скорѣе похожихъ на визгъ придавленныхъ собакъ, или бѣшеныхъ кошекъ. Въ воздухѣ неслись

дикіе, страшные звуки. „Порченые, порченые“, заговорили, испуганно крестясь, мои сосѣдки по плечу,—„шшь у ней изъ утробы пошелъ зеленый дымъ, значитъ, бѣсъ не вытерпѣлъ угодничка, какъ ихъ карежитъ... Смотри, смотри, рвутъ платки на головѣ... ахъ, Ниле угодниче, спаси и защити!“...

Настала какая-то зловѣщая тишина въ толпѣ... „Нечистый духъ!“...

Еще громче визжать „бѣсноватые“, „не надо... не надо... охъ, пустите!.. слушки нѣтъ.. кукуреку!.. ай, больно!.. умираю!.. Не страшенъ ты... тащите его мимо, скорѣе... Не пойду къ нему!.. не хочу!..“ и т. д.

Богомольцы чуть не волокомъ тащатъ двухъ женщинъ къ балдахину, чтобы надъ ними пронесли св. раку для изгнанія „духа“.

Снова неистовый визгъ, писк, лай...

Мнѣ привелось видѣть потрясающую сцену первый разъ въ жизни... Ничего подобнаго не представлялось при самой пылкой фантазіи.

Двухъ женщинъ буквально протащили съ неимовѣрными усиліями подъ носилками св. мощей, и вдругъ „бѣсноватыя“ стихли...

По словамъ близкихъ очевидцевъ, сначала они захрипѣли, потомъ духъ пошелъ совсѣмъ зеленый и замерли...

Значитъ бѣсъ вылетѣлъ... изцѣлились! Сотворилось чудо!..

Замѣтка XII.

„Да не смущается сердце ваше, вѣруйте въ Бога“.
Іоаннъ, гл. XIV, ст. 1.

„Надежды, молодости грезы,
Міръ сердца—это рай земной—
Все унесло, умчало горе...“
И. С. Никитинъ.

Процессія тронулась. Народъ рванулся „подъ мощи“. Катафалкъ зашатался... того и гляди св. раку опрокинутъ. Въ воздухѣ полетѣли свертки холста, нитокъ, кудели, мѣдныхъ денегъ прямо на истлѣвшее тѣло Преподобнаго.

Ручная цѣпь стражниковъ и сотскихъ давно разорвалась подъ напоромъ толпы...

„Святыя“ ворота оказались запертыми на замокъ...

— Это зачѣмъ же, спрашиваю я?

— Такъ приказано. Отъ народа, сердито отвѣтилъ полицейскій,—вотъ пройдутъ эти, тогда пущать будутъ другихъ...

Св. рака около часа стояла на одномъ мѣстѣ, пока богомольцы тянулись сплошной лентой... Солнце жгло непокрытыя головы.

Нѣкоторыя „ныряли“ по нѣскольку разъ, громко высказывая такъ: „я, дорогая, сподобилась шесть разъ протискаться за всѣхъ своихъ домашнихъ... Тоже просили ихъ помянуть. Ажно взопрѣла, да и бокамъ досталось, ну для угодничка можно претерпѣть... во спасенье!..“

Я направился „къ бѣсноватымъ“.

На площади предъ главнымъ храмомъ стало свободнѣе...

Ворота открылись на монастырскій дворъ. Толпа хлынула волной...

Вокругъ прилично одѣтыхъ женщинъ стояли бабы, жадно слушавшія ихъ бесѣду, а нѣкоторыя размашисто осѣняли себя крестнымъ знаменіемъ, точно изъ боязни „воспріять“ въ себя бѣса...

— Откуда вы приплыли, спросилъ я одну изъ бѣсноватыхъ.

— Мы, значитъ, изъ Царскаго... Наши мужья служатъ при дворцѣ.

— А какъ васъ зовутъ?

— Евдокія Трофимовна Гаврилова.

— Имѣете дѣтей?

— Какъ же пятеро, малъ мала меньше... вѣдь мнѣ только 35 годъ отъ рожденія... мужья въ дворникахъ... вотъ и другая товарка тоже одержимая.

— Ваше имя позвольте узнать?

— Александра Павловна Ефимова.

— Въ первый разъ здѣсь?

— Нѣтъ была и въ прошломъ...

— И не изцѣлились?

— Какъ сказать? Спачала полегчаетъ, апосля и накатитъ, —утробой чувствуемъ, что какъ будто сичасъ выгнали врага вонъ, а ему, значитъ, не хочется выходить, ну и маемся...

— Давно вы сюда прибыли?

— Второй день... Пристанили въ кельѣ отца Іосифа, спасибо ему пріютилъ насъ на ночь...Маненько отдохнули...Теперича легче...

— Это вашъ старый знакомый?

— Мы и въ прошломъ году тоже у него ночевали... Хоть нашему врагу больно тяжко, да о. Іосифъ умѣетъ вычитывать... Вотъ и сичасъ пойдемъ къ нему обѣдать...

Двѣ женщины видимо чувствовали себя „героинями“ дня; кокетливо оправивъ платки на головѣ, онѣ направились твердой поступью въ іосифовскую келью...

Кто-то изъ толпы крикнулъ имъ въ догонку „опять пошли къ бѣсу“!.

Ч[illegible]алось что то фальшивое, напускное въ словах[illegible]новатыхъ.

Ко мнѣ подошелъ благообразный „отецъ“, съ довольно типичнымъ лицемъ и, точно

боясь даже самого себя, спросилъ вкрадчивымъ голосомъ; „могу съ вами побесѣдовать“?

— Что прикажите?..

— Вотъ-съ, я давно примѣчаю, что вы нѣтъ—нѣтъ, да и пишете въ книжечку, значитъ возжелали вописать про нашу обитель?..

— Вы очень любопытны...

— Немощствуетъ тѣло и не мощствуетъ и душа моя, продолжалъ тихо подрясникъ, — я самъ когда то близокъ былъ къ газетному дѣлу, да пришелъ къ горькому выводу, что стѣны не прошибить лбомъ... Когда то лично зналъ Аскоченскаго... теперь состою въ числѣ послѣднихъ среди св. обители—желательно, чтобы ваши строки освѣтили бы неприглядныя стороны нашего житія. Конечно о. архимандритъ по старости ничего не видитъ, другіе орудуютъ всѣмъ, а враги его, вѣроятно изъ зависти, со всѣхъ сторонъ уязвляютъ его, но что будетъ дальше—Богъ вѣсть... Хотѣлъ я описать всѣ порядки нашему добрѣйшему владыкѣ Алексію въ Тверь, да боюсь быть изгнаннымъ отсюда; здѣшнимъ монахамъ зело красно жить изъ за немощи настоятеля...

— Я не понимаю цѣли вашихъ словъ?

— Говорю убѣжденно, что вы запишите мои

слова на потребу другихъ... Если нашъ архипастырь прочтетъ, то навѣрное къ будущему празднику 27 мая маненько подтянутъ нашу братію и возстановятъ порядки въ обители, чтобы благодать Божія видимо окрыляла ея обитателей...Здѣсь вѣрный ключъ въ царствіе Божіе, къ вратамъ рая... Хотя и сказано, что въ немощахъ свершается сила Божія, но противъ попустительства хищной алчности святыхъ отцовъ, по слѣпотѣ или лѣни нашего престарѣлаго архимандрита, которому давно пора на покой, грѣшно бездѣйствовать и, по моему, онъ главная причина сему бремени... Нашъ владыка пока не тепель, не студенъ... Пожалуста напишите... Начальство пойметъ на что я намекаю...Будьте здоровы... Спасайтесь о Христѣ"!..

Мой собесѣдникъ низко поклонился, коснувшись пальцами земли и быстро скрылся по ступенькамъ въ храмѣ...

Прошло уже два часа, а св. рака съ иконами все еще стояла передъ вторыми воротами, запертыми на замокъ, между тѣмъ крестному ходу предстояло идти вокругъ всей монастырской стѣны около версты.

Духовенство терпѣливо стояло на солнцепекѣ. Слышалось хоровое пѣніе.

Съ колокольни несся торжественный звонъ.

Колѣнопреклоненный народъ за воротами стоялъ широкой лентой въ ожиданіи подойти подъ святыя мощи. Грудные ребята неистово пищали... Общее возбужденіе ..

Стражники и чины полиціи окончательно выбились изъ силъ, казалось, въ сознаніи, что запертыя двери и тщетное выжиданіе блестящаго порядка и благочинія въ толпѣ не оправдало пріятной надежды „выказать распорядительность передъ начальствомъ“.

Широкія ворота распахнулись „къ балаганамъ“ и, наконецъ, крестный ходъ направился по берегу.

Масса благоговѣйно стояла безъ взаимной толкотни, плотно прижавшись другъ къ другу, когда носилки со святыми мощами проносились надъ наклоненными головами. Всѣ богомольцы сознавали торжественность минуты и явно доказали всю нецѣлесообразность полицейскаго режима...

Послѣ дефилированія подъ св. мощами народъ „повалилъ по домамъ“.

На озерѣ замелькали переполненныя лодки.

Послышались гармоника и пѣсни. Торговцы балаганщики стали укладываться...

— Что закопошились, слышатся замѣчанія изъ толпы.

— Надоть убираться пока еще братія въ

здравомъ умѣ, а какъ хлобыснутъ зелена вина, то дѣло будетъ плохо, особливо послѣ трапезы.

Масса бросилась къ пароходной пристани.

Любезный гостинникъ Миша предлагаетъ мнѣ идти „на закуску“ къ о. настоятелю, говоря, что тамъ „будутъ кушать“ ихъ преосвященства, ихъ превосходительства, со всѣми почетными гостями и наготовлено всего „за первый сортъ“... Усердно рекомендовалъ покушать пива и меда монастырскаго приготовленія.

— А что это носятъ въ узелкахъ,спросилъ я Мишу, указывая на юныхъ послушниковъ, суетливо бѣгавшихъ въ гостиницу съ тарелками, судками и бутылками...

— Это для семейства и супругъ господъ исправника и станового, значитъ прямо съ настоятельскаго стола, такъ какъ онѣ, хоша и барыни и наше начальство, но съ госпожей губернаторшей, т. е. съ самой генеральшей Софьей Михайловной — видѣли, какія онѣ дамы бонтонныя, упитанныя въ тѣлесахъ?— не удобно сидѣть рядомъ—тоже начальство, вотъ имъ за то подаютъ зараньше.

Я торопился на пароходъ въ полной увѣренности на любезность „грѣшнаго раба Василія“, такъ какъ распространился слухъ, что

губернаторъ не всѣхъ возьметъ съ собой на пароходъ, а мнѣ не хотѣлось пропускать эту бестящую компанію при отъѣздѣ...

Я немедленно собрался въ дорогу.

Послѣ моей записи „трехрублевой лепты“ въ книгу „гостинника“, юные послушники, Ильюша и Федя, быстро снесли мои вещи на пароходную пристань, гдѣ стояло не менѣе тысячи лицъ.

Каждый рвался отбыть съ губернаторскимъ пароходомъ.

Я терялъ всякую надежду попасть за свѣтло въ Осташковъ.

Ба! „грѣшный Василій“...

— Нельзя-ли какъ нибудь доѣхать съ этимъ пароходомъ?

— Стойте и не митуситесь — я подъѣду къ вамъ на лодкѣ.

Пассажиры прибывали съ каждой минутой... Отъ тяжести пристанскіе мостки стали покрываться водой.

Какъ вдругъ раздался крикъ чей то: „тонемъ, спасайтесь“...

Общій ужасъ, свалка, визгъ, и крикъ.

Мой чемоданъ машинально исчезъ и самого меня какая-то невидимая рука быстро потащила за перила въ большую лодку.

Дѣло было одной секунды.

— Ну, слава Богу, теперь вы будете на пароходѣ, сидите смирно, говорилъ сильно взволнованный „грѣшный Василій“, неожиданно явившійся моимъ спасителемъ...

— Какъ же народъ на пристани, спрашиваю его?

— Ничего — все благополучно. Они успѣютъ съ другимъ пароходомъ... Это только ихъ попужали, чтобы значитъ маненько ослобонили мѣсто...“

Конечно пришлось благодарить за оказанную любезность...

Тутъ ужъ не до упрековъ и разъясненій рискованности подобныхъ „пужаній“, гдѣ могло быть и серьезное несчастье отъ испуга, особенно съ дѣтворой...

Пароходъ стоялъ на саженномъ разстояніи отъ пристани.

Слышались умоляющіе голоса: „отецъ Василій, ради Бога возьмите, у меня дѣтки дома ждутъ, или на машину боюсь опоздать, заплатимъ вдвое, сколько угодно, только не откажите“...

— Пока ихъ превосходительство не дозволитъ, до тѣхъ поръ нельзя и т. д...

Издали несется кличъ „идутъ“, „идутъ“!!!

Стражники „съ великодушнымъ остервенѣніемъ“ расталкиваютъ народъ на двѣ стороны...

Вдали блестящая группа спускалась съ горы... Мундиры, кокарды, тужурки... Монашескія рясы...

Впереди шелъ, задомъ напередъ, съ непокрытой головой, безъ шапки, исправникъ, за нимъ, чисто военной поступью, выступалъ въ бѣломъ кителѣ и пенсне губернаторъ и его свита, среди которой эффектно выдѣлялась „супруга его превосходительства“, очень красивая дама, съ роскошнымъ бюстомъ и привѣтливымъ лицомъ...

Компанія шла въ самомъ жизнерадостномъ настроеніи, даже подвижническое лицо игумены знаменскаго осташковскаго монастыря, всечестной матери Еликониды, завтрашней имянинницы (28 мая), дышало мірскимъ блаженствомъ плоти вкупѣ съ духомъ...

Тріумфальное шествіе...

Про красавицу черноглазую „мать Елену“ излишне говорить — въ ея чарующихъ глазахъ искрились звѣзды „мира, любви и блаженства“; она шла рядомъ съ „румяненькимъ“ отцомъ Виталіемъ...

Дивное совпаденіе „божьяго воина съ сестрой о Христѣ“...

Лучезарное солнце еще болѣе выдѣляло необычайно характерную картину торжества Мамоны...

„Угобзились“, кто то произнесъ на мѣстномъ жаргонѣ, по адресу веселой компаніи.

„С!великій угодниче!призри молитвеннымъ окомъ на предстоящыя люди! Се бо мы въ безмѣрныхъ согрѣшеніяхъ осквернившіися и въ тинѣ страстей присно валяющіися, праведный гнѣвъ Божій на себе наведохомъ, и всякія милости недостойны сотворихомся“...

— Здорово, ребята, прозвучалъ серебристый голосъ среди воцарившейся тишины на пристани.

— Здравія желаемъ, ваше превосходительство!

— Спасибо за службу и порядокъ!

— Рады стараться, ваше пр—ство! еще громче гаркнули стражники...

Почетные гости торжественно взошли на пароходъ... Масса ринулась на мостки...Стражникамъ опять работа руками и ногами... „по болетворному внушенію законныхъ понятій о повиновеніи предержащимъ властямъ“. Крики отдѣльныхъ голосовъ „возьмите насъ съ собой“ и дѣтскій плачъ обратили на себя благосклонное вниманіе губернатора, приказавшаго „сколько возможно“ пропустить безъ толкотни преимущественно матерей съ дѣтьми и стариковъ...

Снова возгласы... Отецъ Василій скомандовалъ „отчаливать“.

Наступила тишина.

Съ пристани кричитъ зычнымъ голосомъ князь Илья Сергѣевичъ Путятинъ (сегодняшній именинникъ) полковнику Николаю Яковлевичу Дирину, недавно застрѣлившемуся отъ неосторожнаго обращенія со стеклянной посудой (фамиліи всѣхъ я узналъ на пароходѣ): „пожалуста закажите мнѣ побольше къ ужину на вокзалѣ... я ужасно голоденъ отъ постнятины... я здѣсь пока остаюсь... не забудьте“...

Компанія дружески разсмѣялась надъ княжескимъ голодомъ...

Пароходъ быстро пошелъ по озеру.

Чудный вечеръ. Кругомъ живописная мѣстность, съ лѣсами и полями. Монастырь рѣзко выдѣляется своими башнями и высокой колокольней... Впереди насъ плавно идетъ разукрашенная флагами лодка съ духовенствомъ въ золотыхъ облаченіяхъ, хоругвями и святыми иконами; на берегу осташковцы ждутъ возвращенія своей святыни...

„И въ заунывно-печальное
Пѣніе гимна церковнаго
Звонкая пѣсня вторгалася,
Полная горя житейскаго,
Пѣсня суроваго пахаря!“.

Незабвенныя минуты душевнаго восторга,

изъ за которыхъ слѣдуетъ побывать „на островѣ Селигера езера“!

Со мной бесѣдовалъ всю дорогу отставной діаконъ погоста „Березовскій рядокъ“ о. Михаилъ Рязанцевъ, какъ старожилъ и знатокъ мѣстной жизни; онъ многое сообщилъ интересное изъ быта епархіальнаго начальства, но „сія тайна велика“ для моего слабаго пера...

На кормѣ парохода сидѣла губернаторская компанія, а самъ Николай Георгіевичъ фонъ Бонтингъ запросто разговаривалъ на капитанскомъ трапѣ, близъ рулевого колеса, съ нѣкимъ семинаристомъ, державшимъ себя довольно развязно, если не хуже, дескать, смотрите, какъ я съ генераломъ за панибрата...

Конечно такое бахвальство юнца рѣзко бросалось предъ замѣчательно элегантномъ и корректномъ поведеніи, которое посвящалъ Н. Г. своему собесѣднику.

—Ишь, кутейникъ ломается предъ губернаторомъ, точно фигура какая, а самъ діаконскій Сига, замѣтилъ нѣкто изъ пассажировъ...

Всю дорогу, плечо съ плечомъ, рядушкомъ сидѣли и тихо бесѣдовали о. Виталій и мать Елена... Чисто любовная парочка.

Невольно—„аможе не хощещи“,— нѣкоторые „изъ свободомыслящихъ“, смотря „на

ангельскую парочку", называли это „искушеніемъ", хотя, по моему, въ тихой бесѣдѣ ничего не было зазорнаго, кромѣ христіанскаго сонтія душъ...

А междутѣмъ одинъ изъ пассажировъ произнесъ по адресу о. Виталія такую тираду: „горе міру отъ соблазна! Еще горше, если онъ идетъ отъ тѣхъ, кои по своему „чину" должны быть „свѣточемъ міра" — солію грѣшной земли"...

„Имѣй уши слышати—да слышитъ"!..

Впрочемъ грѣшнику все кажется грѣшнымъ...

Не даромъ говорятъ—у слѣпой курицы все зерно...

Губернаторская компанія съ парохода проѣхала въ экипажахъ "съ визитомъ" къ матушкѣ игуменіи, а вашъ покорнѣйшій слуга на вокзалъ.

Здѣсь на запасномъ пути стоялъ губернаторскій вагонъ, куда вскорѣ прибыли супруги фонъ-Бюнтингъ, въ сопровожденіи чиновника особыхъ порученій, исправника, жандармскаго ротмистра и стражниковъ.

Простившись съ начальствомъ, всѣ эти господа усѣлись за столъ въ буфетѣ перваго класса.

И тотчасъ поданы были всевозможныя за-

куски и напитки не бутербродами, а цѣльными кусками сыра, окорока и другой снѣди à la Лентовскій въ москов. трактирѣ Тѣстова...

Начался формепный ужинъ „послѣ трудовъ праведныхъ“...

Видимо монастырская трапеза не полюбилась гастрономамъ, съ волчьимъ аппетитомъ... Отъ ѣды трещало за ушами...

Я кончаю мои замѣтки, дорогой читатель, съ убѣдительной просьбой простить невольное запозданіе, но mieux tard que jamais...

Теперь „Нилову пустынь“ выпускаю отдѣльнымъ изданіемъ для моихъ друзей, которые пожелали еще разъ перечитать эти замѣтки, безъ перерыва.

Особенно для меня цѣнны строки незабвеннаго архипастыря казанскаго Дмитрія, бывшаго архіепископа въ Твери, въ которыхъ усопшій святитель такъ писалъ изъ Седміозерной пустыни: „сердечное спасибо достопочтенному старцу Нилу за доставленіе номеровъ „Волхов. Листка“ съ статьею „Нилова пустынь“. Призываю на него божіе благословеніе. А. Димитрій“.

Равнымъ образомъ тронутъ и лестнымъ отзывомъ предсѣдателя тверской ученой архивной коммиссіи, д. с. с. Ив. Алекс. Иванова, который отозвался въ собственноручно

писанномъ письмѣ слѣдующими словами: „съ восхищеніемъ перечитываю Ваши впечатлѣнія отъ Осташкова и „Ниловой пустыни“. „Удивляюсь,какъ въ столь короткое время Вы успѣли нетолько собрать массу интереснаго матеріала, но и правильно освѣтить наблюдавшіеся Вами факты“.

„Дѣйствительно ненасытная алчность и мелкое торгашество составляютъ теперь отличительныя черты знаменитой обители“...

Какъ же, послѣ такихъ сочувственныхъ строкъ, не выпустить въ свѣтъ мои скромныя замѣтки?!.

„Буду радъ коли понравится—не понравится смолчу“...

Нилъ Богдановскій.

И. И. Богдановскій.

Московскіе наброски

изъ острозаразнаго барака

Сокольничьей больницы.

Новгородъ. Тип. И. И. Богдановскаго, соб. д.

Московскіе наброски.

I.

И для кого изъ моихъ друзей не секретъ страшная „оспа“, которая сразила меня неожиданно въ Первопрестольной столицѣ, куда я поѣхалъ „отдохнуть“ въ теченіе трехъ послѣднихъ дней масленицы...

Ну и ***отдохнулъ*** всласть въ стѣнахъ московской Сокольничьей больницы двадцать два дня безвыходно, между жизнью и смертью...

Когда и гдѣ я заразился трудно установить, такъ какъ ни дома, ни въ типографіи никто не заболѣлъ изъ моихъ ближнихъ „товарищей“...

— Развѣ это трудно, говорилъ почтенный докторъ въ Москвѣ, при первомъ осмотрѣ меня,—оспу схватить очень легко всюду: въ трамваѣ, въ вагонѣ, прямо на улицѣ... но теперь не до сыска, а надо лечиться, такъ

какъ въ ваши старческіе годы могутъ быть осложненія“ и т. д.

По всѣмъ моимъ воспоминаніямъ, я заразился въ Петербургѣ за двѣ недѣли ранѣе отъѣзда въ Москву...

Ранѣе чувствовалось общее недомоганіе и глухая боль поясницы...

Я рвался къ столичной жизни „гдѣ пребываютъ блаженство и радость, и счастье, и веселье, гдѣ желанія получаютъ исполненія“, чтобы немного „забыться“ отъ сѣренькой жизни и неожиданно попалъ въ Сокольничью больницу, вѣрнѣе, въ московскій „тупикъ“, откуда, по первому впечатлѣнію, нѣтъ возврата на Божій свѣтъ... скорѣе въ могилу,..

Невольно вспоминались изъ дантовскаго „Ада“ слова 3-й пѣсни: „Оставь надежду всякъ сюда идущій“.

Такъ, по крайней мѣрѣ, гласитъ столичная пресса Первопрестольной, на основаніи аттестаціи энергичнаго обличителя „больничныхъ дефектовъ“ гласнаго московской думы г. Шмакова, требующаго чуть не смертной казни для члена городской управы г. Малинина, культивирующаго традиціонный принципъ „все обстоитъ благополучно“...

Не знаю кто изъ нихъ правъ относительно другихъ больницъ въ Москвѣ, но что я видѣлъ въ Сокольничьей, то болѣе лучшее

трудно представить, особенно при сравненіи съ нашими, новгородскими...

Это небо и земля!..

Меня „выписали“ въ день Благовѣщенія, точно птицу изъ клѣтки...

Со слезами благодарности я оставилъ больницу, съ ея хорошими и сердечными людьми...

На вокзалѣ желѣзной дороги, предъ посадкой въ вагонъ, мною послана была депеша такого содержанія:

„Москва. Городскому головѣ. Покидая Москву, считаю святымъ долгомъ принести городскому управленію самую почтительную благодарность за безплатное леченіе въ Сокольничьей больницѣ.

Любвеобильное и равное отношеніе къ больнымъ медицинскаго персонала, въ особенности высокогуманнѣйшаго доктора Михаила Павловича Воробьева и фельдшерицъ Вѣры Поповой, Анны Будимировой, Нины Зайцевой, побуждаютъ каждаго земно поклониться этимъ подвижникамъ, рискующимъ, если не жизнью, то здоровьемъ, среди оспенныхъ страдальцевъ, въ числѣ которыхъ я находился 22 дня, а равно и вамъ, славному первоизбраннику Москвы.

Честь и хвала городской думѣ Первопрестольной за неустанное попеченіе о страждущихъ“.

Телеграфныя строки были слабымъ выраженіемъ благодарныхъ моихъ чувствъ „хорошимъ людямъ“...

Пока, дорогой читатель, болѣе не могу, по слабости силъ, продолжать „ума холодныхъ наблюденій и сердца горестныхъ замѣтъ“...

II.

Первые симптомы сначала непонятной болѣзни я ощутилъ въ роскошной квартирѣ извѣстнаго нашего новгородца, гостепріимнѣйшаго Леонида Леонидовича Ященко, помощ. прис. повѣрен. москов. суд. округа, живущаго на Остоженкѣ и у котораго многіе „ѣли прекрасное мясо и виномъ утѣшались сладчайшимъ“. Русскій хлѣбосолъ...

Ни усиленное питье малины, ни фиššампань и другія средства домашняго свойства не могли поставить меня на ноги...

Я лежалъ „пластомъ“ двое сутокъ — страшный жаръ, и, еще ужаснѣе, ознобъ, отъ послѣдняго приходилось подвязывать платкомъ десна, чтобы не сломались зубы при безконечной трясучки всего тѣла...

Болѣзнь шла, какъ народъ говоритъ, „шире да дальше“...

Пришлось проститься съ любезнымъ хозяиномъ и переѣхать въ квартиру моего затя Вл. Алекс. Кригера, который немедленно послалъ за докторами, но, какъ и всегда, послѣднихъ, вѣроятно по случаю „прощеннаго“ Воскресенья, долго и безуспѣшно искали телефономъ по квартирамъ, аптекамъ...

Точно всѣ они провалились въ Москву рѣку!..

Къ вечеру одинъ изъ моихъ родственниковъ привезъ весьма симпатичнаго врача...

Начался осмотръ пульса и выслушиваніе сердца...

— Позвольте взглянуть на вашу грудь, сказалъ докторъ?..

— Съ удовольствіемъ...

— Э, да у васъ показалась простудная сыпь... теперь вамъ будетъ легче!..

— Докторъ, посмотрите, ради Бога, не оспа-ли?!.

— Христосъ съ вами! Ничего подобнаго... Завтра утромъ я заверну къ вамъ, а теперь вотъ порошки пропишу, принимайте ихъ раза два—три на ночь и спите себѣ спокойно...

— Я боюсь заразить дѣтей...

— Полноте, не смущайтесь! завтра встанете молодцомъ!..

Отъ радости я вручилъ доктору шесть рублей за визитъ...

Ну, думаю, завтра маршъ домой, въ богоспасаемый Новгородъ...

Тутъ ужъ не до столичныхъ удовольствій, когда наступилъ великій постъ... Лишь бы домой...

„Для спокойствія" и „на всякій случай", мои дѣти помѣстили меня въ особую комнату...

Всю ночь пришлось провести безъ сна въ созерцаніи болѣе чѣмъ интересныхъ галлюцинацій изъ прошлаго...

Новгородскіе друзья смѣнялись поочередно предъ глазами...

Чарующая картина!!.

Ночь пролетѣла въ пріятномъ лицезрѣніи и бесѣдѣ съ милой компаніей „старыхъ" друзей...

— Ты, папа, все говорилъ съ кѣмъ то, замѣтила дочь по утру, входя въ мою комнату и затѣмъ вдругъ вскрикнула, взглянувъ мнѣ въ лицо,—надо сейчасъ послать за докторомъ!

Я снова остался одинъ и снова передо мной... „ба! знакомыя все лица"...

Теперь трудно установить остальныя подробности изъ прошлаго калейдоскопа грезъ и впечатлѣній, но хорошо помню, что докторъ мнѣ сказалъ: „вамъ надо полечиться

здѣсь въ Москвѣ и потому я васъ свезу въ больницу... Тамъ живо поправитесь“...

— Развѣ мнѣ нельзя ѣхать въ Новгородъ?

— Христосъ съ вами! Васъ не пустятъ въ вагонъ и жандармы прямо отправятъ въ оспенный баракъ?..

— Неужели у меня оспа?..

— Къ сожалѣнію, да!.. вотъ посмотритесь въ зеркало...

Я взглянулъ и... упалъ безъ чувствъ на кровать...

Мнѣ вспомнилось лицо заживо сгорѣвшаго актера Вас. Мих. Холмскаго (Кроткова), загримированнаго Водянымъ дѣдушкой...

Слабость моихъ нервовъ, по характерному выраженію почтеннѣйшаго доктора М. Ф. Рабиновича, знающаго меня десятки лѣтъ. „чисто бабская“ до потери самообладанія „отъ пустяковъ“...

Блудливъ, какъ кошка, а трусливъ какъ заяцъ...

Каюсь въ своихъ старческихъ прегрѣшеніяхъ... и немощахъ...

Перекрестивъ дѣтей издали, я, поддерживаемый докторомъ, направился въ закрытомъ ландо, въ которомъ черезъ часъ меня привезли въ пріемную Сокольничьей городской больницы... Пришлось ѣхать около де-

сяти верстъ изъ Каретнаго ряда до Сокольниковъ.

Въ Москвѣ нѣтъ отдѣльныхъ комнатъ ни за какія деньги для острозаразныхъ больныхъ... Лечатъ безплатно.

Волей не волей пришлось ложиться въ общей „палатѣ“, гдѣ царствуетъ „свобода, равенство и братство“ предъ неизвѣстной будущностью.

Ни для кого нѣтъ „преферанса“ и каждый „одинаково“ пользуется лечебными средствами и вниманіемъ медицинскаго персонала, безъ уплаты за изцѣленіе, или за смерть...

Здѣсь нѣтъ ни чиновъ, ни протекцій. Всѣ равны...

Каждый зарегистрованъ именемъ и фамиліей, съ латинской надписью на желѣзной доскѣ у постели „Variolois“.

Простите, читатель, сегодня не могу болѣе продолжать свои наброски и потому кончаю...

Насколько я еще слабъ нахожу необходимымъ подѣлиться „для свѣдѣнія“ такимъ документомъ: „Свидѣтельство дано отставн. коллежск. совѣтн. И. И. Б. въ томъ, что съ 3 по 25 марта с. г. онъ находился на излеченіи въ городской Сокольнической больницѣ отъ варіолоида (variolois) въ настоящее время выписывается изъ больницы поправившимся

отъ означенной болѣзни, но для окончательнаго возстановленія силъ, послѣ перенесенной болѣзни, нуждается въ укрѣпляющемъ леченіи въ теченіе не менѣе одного мѣсяца. Москва, 1910 г. марта 25 дня.

Ординаторъ Сокольнической больницы М. П. Воробьевъ".

Какъ видите нельзя много увлекаться ни чтеніемъ, ни писаніемъ, ни... а посему ставлю точки...

III.

Все успѣло подкатить ландо къ парадному крыльцу, какъ изъ входныхъ дверей быстро выскочили съ подобострастной, если не съ сіяющей, улыбкой, швейцаръ и еще какой то „служитель" въ бѣломъ передникѣ...

Меня повели подъ руки въ пріемную... Масса народа...

Всѣ подробности первыхъ минутъ теперь не могу возстановить, но хорошо помню первый осмотръ дежурнаго врача, кажется, по фамиліи г. Малафѣева, который, — что мнѣ бросилось въ глаза,—прощупывалъ мой пульсъ не голой рукой, а сквозь холщевый рукавъ своего бѣлаго балахона, въ который

онъ былъ облаченъ, съ такимъ же колпакомъ на головѣ...

Эта мелочь бросилась въ глаза, какъ яркая иллюстрація оспенной заразы даже для доктора...

Сопровождавшій меня врачъ не былъ впущенъ въ отдѣльную пріемную... и болѣе мы не встрѣтились...

Опросъ длился довольно долго и не совсѣмъ дружелюбно „для статистическаго листка“: „кто я, гдѣ заболѣлъ, когда прибылъ въ Москву, болѣла ли поясница“ и др. подробности чистоинтимнаго характера, наконецъ, „чѣмъ я занимаюсь“...

— Я редакторъ газеты...

— Какой? (Въ собесѣдникѣ, по крайней мѣрѣ такъ мнѣ показалось, голосъ сталъ мягче и послышалось даже какъ будто участіе...).

— Ничего опаснаго нѣтъ, заговорилъ ласково докторъ, у васъ оспа не въ сильной формѣ... Посидите пока придетъ дежурная фельдшерица записать ваши вещи для сдачи въ цейхгаузъ... Не волнуйтесь...

— Вы позволите закурить папироску, спросилъ я...

— Хотя это не дозволяется для всѣхъ, но постороннихъ нѣтъ—курите на здоровье, все таки развлечетесь отъ скуки...

Я остался одинъ...

Не успѣлъ я кончить папироску, какъ вошла довольно суроваго вида дама, въ бѣломъ балахонѣ, и громко произнесла сопровождавшей ея дѣвушкѣ недовольнымъ тономъ: „не забудьте освѣжить воздухъ, а то сильно здѣсь накурено“...

Она величественно бросила на меня свой взглядъ и, казалось, полный удивленія, что я не всталъ во фронтъ при ея входѣ...

Это была дежурная фельдшерица, фамиліи которой никакъ не могъ я узнать во все пребываніе въ больницѣ...

Дама съ характеромъ и типичнымъ лицемъ.

Она усѣлась за столъ и, вооружившись перомъ, начала такъ: кто вы? откуда?

— Я уже двадцать два раза отвѣчалъ доктору ранѣе...

— Это мнѣ все равно... Еще скажите 22 раза послѣ меня... вы обязаны... Необходимо провѣрить...

Снова пришлось повторять отвѣты на вопросные пункты, которые „не разъ“ приходилось мнѣ говорить въ камерѣ судебнаго слѣдователя...

Затѣмъ началась опись моихъ вещей, платья, бѣлья, вплоть до носового платка...

Снова я остался одинъ въ ожиданіи когда

поведутъ во второй корпусъ... Въ глазахъ стало темнѣть...

На сердце было жутко...

Чувствую „московскій тупикъ“, откуда нѣтъ выхода, кромѣ „въ жизнь безконечную“...

Невольно полились слезы...

Лицо начинало мучительно горѣть... Глазныя вѣки съ трудомъ подымались... Полный упадокъ силъ не столько тѣлесныхъ, сколько душевныхъ отъ безпомощнаго одиночества... Тысячу проклятій пронеслось въ головѣ зб поѣздку въ Москву насладиться „тѣстовскими“ блинками, съ свѣженькой икоркой и другими кулинарными прелестями „въ отдѣльномъ кабинетѣ“...

Богъ справедливо наказуетъ грѣшниковъ чревоугодія...

— Баринъ, пойдемте, послышался незнакомый голосъ,—видно вздремнули маненько... Сейчасъ на койку... Ну, да человѣкъ вы старый—тяжело ждать... Пойдемте въ корпусъ?...

Съ трудомъ я передвигалъ ноги по двору, точно телъ къ смертной казни... Совсѣмъ потерялся...

— Охъ, баринъ, больно вы ослабли, насилу идете, совсѣмъ робенокъ, говорили мои спутники,—надо было вамъ раньше сюда, къ намъ...

Теперь буквально не помню какъ и кто меня раздѣвалъ во второмъ корпусѣ...

Все какъ будто во снѣ...

Немного явилось сознанія, когда миловидная нянька Елена предложила мнѣ „остричься подъ первый номеръ, чтобы скорѣе корки сохли и не путались въ волосахъ“...

Я безропотно махнулъ головой въ знакъ согласія...

Машинка довольно чувствительно рвала волосы и нарывы...

— Что вы жметесь,—это ничего, недавно ее точили,—бываетъ хуже... Ну, снимайте бѣлье, говорила энергичная Елена, садитесь въ ванну... легче будетъ...

— Какъ же при васъ? Неужели нѣтъ мужчины?..

Дядька пошелъ въ контору... Садитесь... мы не женщины, а няньки, приставленныя къ дѣтямъ... теперь вы нашъ ребенокъ... давайте-ка я намылю вамъ голову... вотъ такъ“!

Около десяти минутъ, а можетъ быть болѣе, или менѣе, омывали меня въ ваннѣ, изъ которой съ трудомъ поднялся...

Совсѣмъ покинули силы...

Облекшись въ казенное бѣлье, съ холщевыми мѣшками на ногахъ, вмѣсто чулокъ, крѣпко привязанными подъ колѣнки

марлевыми подвязками-шнурками, въ желтомъ суконномъ халатѣ, я вошелъ въ палату поддерживаемый двумя нянъками...

Прямо передъ входною дверью, у стѣны, близъ кафельной печки, я увидѣлъ чернаго, какъ негра, больного, нервно махавшаго правой рукой, съ душу раздирающимъ стономъ...

Это былъ несчастный страдалецъ Тимофей при послѣднемъ издыханіи.

Веселенькая картинка...

IV.

Длинная зала, съ потолкомъ, около семи аршинъ высоты, полная свѣта, при двѣнадцати большихъ окнахъ, „съ фрамугами“, для очистки воздуха, уставлена была тридцатью двумя желѣзными кроватями и широкимъ проходомъ по серединѣ...

Меня подвели къ центру, какъ разъ къ двумъ образамъ на стѣнѣ въ кіотахъ, съ зажженными лампадками...

— Ну, прямо подъ образа, значитъ, близка смерть, мелькнуло въ головѣ.

Прискорбное суевѣріе...

Гляжу на сосѣдей. Оба съ страшно распухшими лицами и рѣзкими синими полосами подъ глазами... Еще ужаснѣе... Одинъ изъ нихъ усиленно, съ какой-то зловѣщей хрипотой въ горлѣ, сталъ кашлять...

— Нѣтъ, нянюшка, здѣсь я не лягу, ради Бога переведите меня туда на крайнюю кровать, близъ печки...

— Надо спросить „барышню“—сами мы не можемъ...

Одна изъ нянекъ пошла къ дежурной фельдшерицѣ, которыхъ здѣсь всѣ называютъ „барышнями“, точно на телефонныхъ станціяхъ...

Видимо моя жалкая фигура, вѣрнѣе всего, лице обратили вниманіе остальныхъ больныхъ...

Слышались отдѣльныя замѣчанія: „новичекъ... бѣлоручка... да и старый какой... не сдобровать ему... „Со духъ и праведный“ скоро пропоютъ и т. д.“.

Пріятная аттестація и перспектива...

Жутко было слушать роковое предсказаніе постороннихъ людей...

Къ намъ подошла молодая особа, хорошо упитанная, съ эффектной наколкой на головѣ и строго оффиціальнымъ лицомъ, еще болѣе, начальническимъ тембромъ голоса...

— Вамъ не нравится здѣсь?.. Можете лечь тамъ, только васъ будетъ безпокоить

печка во время топки, произнесла членораздѣльно „барышня“, впослѣдствіи называвшейся мною „Ниной Дмитріевной“.

Положили меня. Бѣлье снѣжной бѣлизны, но матрацъ жестскій.

Больно спинѣ...

Вдругъ чувствую укусъ въ тѣлѣ. Приподымаю одѣяло и передъ глазами клопъ...

— Нянюшка, спасите, закричалъ я со слезами, чисто по ребячески...

— Что съ вами?..

— Да вотъ полюбуйтесь на звѣря!

— Эка оказія! У насъ никогда это не бывало... Должно быть занесъ въ платьѣ кто изъ посѣтителей... Рази усмотришь. Пойдемте на другую постель, вонъ напротивъ, тамъ никто васъ не съѣстъ... Не сумлѣвайтесь... Клопъ всюду пролезетъ...

Снова ведутъ на новоселье...

— Ишъ, какой привередникъ, слышится голосъ по сосѣдству,—никакъ не уложится, нѣженка, теперь боится клопа, а какъ черви начнутъ глодать, тогда что запоетъ въ гробу...

Послышался дружный хохотъ...

Тутъ не до обиды! Показываю видъ глухого къ людскому говору... Улегся... Послѣ ванны чувствуется ознобъ. Плотнѣе закутываюсь въ сѣрое байковое одѣяло, чтобы согрѣться и какъ будто засыпаю...

Немного забылся съ закрытыми глазами, какъ вдругъ чувствую на груди новый укусъ...

Смотрю—два клопа...

— Нянюшка,—кричу,—помогите!..

— Да, что съ вами, баринъ?..

— Опять эта пакость?.. да это вы съ собой принесли!..

— Вѣроятно во рту, произнесъ я и, признаюсь, истерически заплакалъ...

Немедленно унесли матрацъ, одѣяло, въ замѣнъ которыхъ явилось новое...

Нянюшки не роптали...

Произведенъ былъ генеральный осмотръ столиковъ, ящиковъ и нигдѣ но усмотрѣли кровопійцу...

Въ конецъ измученный я легъ въ постель, точно мертвый... Будь что будетъ...

Слышу разговоръ,..

— Должно старикъ померъ, что совсѣмъ притихъ... Много ли ему надоть? Клопы не къ добру. вѣрь мнѣ... Старинная примѣта... Нянька говорила, что ему подъ 70-ть лѣтъ и вдругъ оспа, развѣ вынесетъ — ни въ жисть!

Вспоминался латинскій афоризмъ: Senectos ipso est mortus (старость сама по себѣ смерть).

Въ „палатѣ“ порой неслись душуразди-раюшіе крики Тимофея и дѣтскій кашель

9-ти лѣтняго мальчика Васи Мягкова... Послѣдній былъ общій любимецъ...

Около часу я забылся въ дремотѣ...

Пришлось открыть глаза отъ солнечныхъ лучей изъ широкаго окна...

Мимо меня шелъ юноша въ пенснэ, по виду интеллигентный, съ типичнымъ лицемъ еврея...

— Не будете-ли вы добры задернуть занавѣску напротивъ, взмолился я, указывая на окно...

— Для этого здѣсь няньки, послышался рѣзкій отвѣтъ,—можете ей приказать...

Опять въ головѣ звучитъ „нѣтъ ничего легче найти друга въ счастьѣ,—ничего труднѣе въ горѣ“...

Пришлось замолчать...

Въ „палатѣ“ вдругъ воцарилась тишина...

Слышу такой діалогъ,

— Давно?

— Сегодня...

— Слабъ?

— Очень нервничаетъ...

Смотрю... Противъ постели стоятъ „барышня“ и въ бѣломъ балахонѣ совсѣмъ еще юноша, съ красивымъ лицемъ и щеголеватыми усиками; незнакомецъ пристально посмотрѣлъ въ мои глаза и молча скрылся...

По словамъ няни Ариши, это былъ дежурный докторъ „Петръ Семенычъ“, чаще

другихъ являвшійся къ больнымъ въ вечернюю визитацію, всегда молчаливый и быстро бѣгущій, хотя, въ частности, онъ со мной иногда перекидывался двумя—тремя вопросами: „ничего особеннаго нѣтъ? все благополучно? очень радъ“... Не успѣвалъ я отвѣтить, какъ нѣтъ его и слѣда...

Скоропалительно!..

Простите, читатель, за подробное изложеніе мелочей больничной жизни, среди которой, въ сущности, „такъ мало прожито—такъ много пережито“, но въ нихъ заключалась борьба жизни съ смертью...

Поневолѣ „пережитое“ особенно памятно и цѣнно...

V.

Около семи час. вечера подали ужинъ... Запахло щами, кашей...

Больные „уписывали“, по ихъ характерному выраженію, во всю, такъ, что за ушами трещало...

На моемъ столикѣ появилась кружка съ горячимъ молокомъ и кускомъ бѣлаго хлѣба...

Я съѣлъ то и другое „съ волчьимъ апетитомъ“...

Цѣлый день „маковой росинки“ не было во рту...

Прекрасное молоко и еще вкуснѣе булка, видимо, своего печенія, но не изъ булочной...

Въ послѣдующіе дни, не смотря на мои просьбы, такой булки я не получалъ.

Вѣроятно эту роскошь приподнесла мнѣ дежурная фельдшерица изъ жалости „къ немощному старцу“...

Каждый больной, мало мальски въ силахъ, самъ несъ себѣ металлическія чашки съ супомъ изъ сосѣдней комнаты, гдѣ нянюшки всегда разливаютъ по порціямъ съѣдобное.

Инымъ, болѣе слабымъ, подавали няньки...

Послѣ ужина, среди стона и криковъ умирающаго Тимофея, а также и другихъ тяжелыхъ больныхъ, послышались пѣсни, остроты и выкрики жизнерадостнаго юноши Николая Лязгина, „вышивальщика“ церковныхъ облаченій и ризъ въ мастерской Поргина, по Старо-Басманной.

— „Ахъ, Дуня, пойдемъ во лѣсокъ, на часокъ, на часокъ“ и т. д.

Другіе порывались затянуть хоровую, но большинство указывало на страданія Тимофея, въ ожиданіи появленія „Нѣкоего въ сѣромъ“...

— „Какъ помретъ, такъ запоемъ вкупѣ— влюбѣ“, говорили весело товарищи.

Зажгли керосиновыя лампы и одна мучительно свѣтила мнѣ въ глаза.

Новое и страшное страданіе...

Я застоналъ громко...

— Что съ вами, баринъ, послышался нѣжный голосъ няни Фени (замѣчательно сердечная женщина!).

— Голубушка, нельзя-ли прикрыть чѣмъ нибудь лампу, хоть газетой... Больно смотрѣть...

— Съ удовольствіемъ... сичасъ... вотъ тутъ прочитанный „Московскій Листокъ“, въ самый разъ...

— Молодецъ, Феня, заговорилъ, Николай Лазгинъ, видимо съ язвительной насмѣшкой, знаетъ какъ угодить барину... Жаренымъ запахло... „Дьяконъ, дьяконъ, куда ты табакерку спряталъ?.. пропѣлъ острякъ на гласъ восьмой...

— Эхъ, ты, озорникъ, все ты съ надсмѣшкой... Смотри, какъ прикрючитъ самого, такъ не такъ занюнешь.

— Ладно, неразговаривай, а то сичасъ скажу „бобику“, она тебѣ живо зажметъ ротъ...

Среди больныхъ взрывъ хохота...

Мнѣ лично, не посвященному еще въ бытовыя подробности больничной жизни, мно-

гое было еще непонятно, да и усиливающаяся боль съ каждой минутой причиняла невыносимыя страданія...

Жесткій матрацъ казался набитымъ камнями... При каждомъ поворотѣ невольно приходилось охать...

Но еще ужаснѣе... Чувствовалась нестерпимая боль въ лицѣ отъ кажущагося выкручиванія чѣмъ-то каждаго волоса на лицѣ, бровяхъ, рѣсницахъ и на головѣ.

Затѣмъ шло какъ будто „вытягиваніе“ волосъ наружу сразу, вмѣстѣ...

Прямо инквизиторская пытка!..

Всякому самообладанію конецъ!

Требовалось „верблюжье долготерпѣнье и баранья безропотность“...

Я заплакалъ по ребячьи, на взрыдъ. И, странно, струившіяся слезы по щекамъ, точно смягчали невыносимую боль...

— О чемъ вы плачите, слышу вопросъ Нины Дмитріевны,—глазъ я не могъ открыть,—вѣдь это хуже вы дѣлаете для себя?..

— Ужасное мученіе,—все лице рветъ... умру... ради Бога, помогите!..

— Ничего! Со всѣми такъ въ первые дни... Подождите я смажу ваше лице масломъ... Постарайтесь уснуть—будетъ легче... Хотя безъ доктора мы ничего не дѣлаемъ...

Завтра попрошу перевести васъ „въ изоляторъ“, благо оттуда выписывается больной...

. . . . . .

Всю ночь я не смыкалъ глазъ...

Каждый вскрикъ Тимофея поднималъ нервы чуть не до потери сознанія...

Смерть явилась бы мнѣ искупленіемъ!..

Къ утру прибыло еще нѣсколько больныхъ; на сосѣднихъ койкахъ слышались тяжкіе стоны...

„Имъ же нѣсть числа“...

Съ пяти часовъ началось движеніе... Залязгали мѣдные чайники... Принесли чай... Сначала пьютъ нянюшки, потомъ больные изъ фарфоровыхъ кружекъ...

Каждому выдается на день по два куска пиленаго сахару...

Опять говоръ и пѣніе юнаго весельчака Николая, котораго я еще не видѣлъ, но по голосу его отличалъ отъ другихъ...

— „А мнѣ, несчастному бродягѣ, желѣзо въ ноги закуютъ“, несется по палатѣ заунывный мотивъ, быстро переходящій въ скабрезную пѣсню:

„Воскресеніе день!..
Соломака и кисель!
Радуйся, рюмка!
Веселись, косушка“!

Однако какъ не старался юнецъ Николай „распотѣшить“ публику, но послѣдняя оставалась сосредоточенной при хриплыхъ вздохахъ Тимофея...

Ожидался покойникъ съ минуты на минуту... Тутъ не до веселья!

Няни въ двѣ щетки, съ суконкой на полу, начали мести отовсюду каждую пылинку.

Предстояла визитація ординатора-доктора Михаила Павловича Воробьева.

Фельдшерица каждому собственноручно ставила термометръ, что ежедневно производилось утромъ и вечеромъ дежурной „барышней“.

Черезъ четверть часа на моей доскѣ, въ головахъ постели, отмѣчено было мѣломъ „38,7“...

Острая боль въ лицѣ не унималась...

— Это подсыхаютъ корки, потерпите и руками не чешите, а то будутъ рябины, говорила новая няня Варя, совсѣмъ еще молодая дѣвица.

Няни мѣнялись по очереди утромъ, въ полдень и вечеромъ.

Ихъ дежурство длилось по 12-ти и по шести часовъ, съ перерывомъ для сна, въ теченіе двухъ сутокъ! затѣмъ каждая изъ нихъ „гуляла“ 24 часа, съ свободнымъ вы-

ходомъ въ Москву, безконтрольно, куда угодно...

Вотъ что и служитъ приманкой больничной службы, чѣмъ въ любомъ семейномъ домѣ, откуда не охотно пускаютъ „гулять“...

Говорю, безъ преувеличенія, что лучшій персоналъ у постели больного трудно представить и ожидать.

Полное самоотверженіе и безропотное выполненіе своихъ обязанностей, по примѣру глубокоуважаемаго доктора Мих. Павл. Воробьева и трогательно-нѣжныхъ „барышень“ фельдшерицъ,—которымъ бы слѣдовало именоваться скорѣе „сестрами милосердія“,—вдохновляющихъ и простыхъ нянекъ работать „не за страхъ, а за совѣсть“...

На такой святой подвигъ способна только русская женщина, съ любящимъ сердцемъ и христіанской душой...

Про добрѣйшаго Мих. Павл. Воробьева я безсиленъ дать полную оцѣнку его нравственнымъ качествамъ...

Въ палатѣ воцарилась тишина...

Все умолкло... Кого то ждали, или дождались...

Передо мной прошелъ въ бѣломъ халатѣ молодой брюнетъ, съ французской бородкой, и громко спросилъ Нину Дмитріевну:

— Новичекъ?..

Остальное я не разслышалъ...

Это былъ нашъ ординаторъ Михаилъ Павловичъ Воробьевъ, начавшій свой осмотръ съ Тимофея, какъ перваго по постели...

Каждый терпеливо ждалъ своей очереди... Мертвая тишина...

VI.

Въ ожиданіи доктора, при наступившей тишинѣ, я не то вздремнулъ, не то заснулъ...

— Ну, здравствуйте, послышалось чисто дружеское привѣтствіе, — какъ себя чувствуете?

Предо мной стоялъ красивый брюнетъ съ знакомымъ обликомъ лица моего незабвеннаго сына...

— Вы не падайте духомъ—опаснаго нѣтъ ничего...

— Да, вѣдь если бы вы знали, докторъ, мои обстоятельства, то вполнѣ... и слезы брызнули каскадомъ...

— Ну, не волнуйтесь... скоро поправитесь. Теперь отвѣчайте на мои вопросы.

Снова повторяется прошлое жизни чуть не со дня рожденія...

Я съ трудомъ могъ говорить.

— Докторъ, разрѣшите мнѣ купить волосяной матрацъ,—страшно больно бокамъ, спинѣ, всю ночь не могъ заснуть...

— Да вѣдь его назадъ не отдадутъ... Напрасно бросите деньги... Послѣ вашего ухода его сожгутъ...

— Ради Бога... Спокойствіе дороже денегъ...

— Пожалуста... Я ничего не имѣю. Послѣ самаго внимательнаго осмотра, выстукиванія и выслушиванія, докторъ произнесъ: „у васъ, къ счастью, оспа въ слабой формѣ, только сами—то вы распустились. Надо взять себя въ руки... Вотъ мы переведемъ васъ въ изоляторъ и сразу окрѣпните... Ну, будьте здоровы... Скоро все пройдетъ“... Докторъ направился въ сосѣднюю дверь въ изоляторы, гдѣ лежалъ знакомый мнѣ „юноша въ пенснэ“ и еще какой-то субъектъ, съ марлевой повязкой на головѣ... Послѣдній предназначался сегодня къ выпискѣ...

За докторомъ всегда слѣдуютъ двѣ фельдшерицы, уходящая и вступающая на дежурство, а впереди нянька несетъ деревянную конторку, съ чернильницей, перомъ, полотенцемъ, трубкой, молоточкомъ и другими необходимыми принадлежностями къ осмотру больныхъ.

Всѣ останавливаются передъ каждой постелью, пока докторъ не запишетъ въ скорбный листъ лекарство и самъ не перейдетъ къ другому больному.

Такая процессія повторяется изо дня въ день...

По обыкновенію, выздоравливающіе уходили изъ палаты послѣ обѣда. Мнѣ кажется такая мѣра практикуется изъ чувства человѣколюбія,— не выпускать голоднаго на улицу,—затѣмъ обязательная ванна, послѣ которой больной не впускался въ общую палату, во избѣжаніе вынести „заразу“.

Носильное платье онъ одѣвалъ въ ванной комнатѣ и затѣмъ маршъ на всѣ четыре стороны въ чемъ пришелъ, или привезенъ былъ въ больницу... Зачастую выходятъ въ тряпьѣ, подбитомъ воздухомъ...

Жутко смотрѣть на „голодранцевъ“ съ Хитраго рынка, часто выходящихъ на улицу въ рваномъ пиджакѣ и опоркахъ, съ рискомъ тотчасъ же простудиться послѣ тяжкой оспы, или тифа...

Иногда, какъ мнѣ разскасывалъ дядька Иванъ Сидоровичъ, при остаткѣ вещей послѣ бездомныхъ покойниковъ, выдаютъ „голопятникамъ“ что-либо по теплѣе изъ верхняго платья, вѣрнѣе, рванья, но, какъ говорятъ, „все оно пропивается въ тотъ же день“,

благо находятся покупатели по дешевой цѣнѣ.

Въ большинствѣ случаевъ непокрытая голытьба бѣжитъ чуть не нагими, весело подпрыгивая съ ноги на ногу, съ такими прибаутками:

— „Ничаго. мы закалены отъ простуды". Храбрецы-золотородцы усиленно подуваютъ въ свои посинѣлыя руки отъ холода съ громкой пѣсней...

„И пить будемъ, и гулять будемъ, а смерть придетъ помирать будемъ"!..

Какъ говорятъ, что нѣсколько разъ подымался вопросъ о выдачѣ „на выходъ" какой либо теплой одежды, но тщетно, такъ какъ большинство голосовъ доказывало безцѣльность и даже поощреніе къ пьянству...

Ежедневно бѣгутъ „возставшіе съ одра" чуть не въ костюмѣ Адама... „Простудишься"! обыкновенно кричатъ несчастному... „Ничаго, слышится отвѣтъ, мы привыкши, что нѣмцу смерть, то русскому здорово" и т. д.

Наконецъ то я „въ изоляторѣ"... Прекрасная, свѣтлая и высокая комната... Совсѣмъ другой воздухъ...

Изъ магазина „Мюръ и Мерелизъ" доставили волосяной матрацъ...

Сразу чувствую облегченіе.,.

По сосѣдству „юноша въ пенснэ", съ франтовски накинутомъ халатомъ на плечи,

не одѣтымъ въ рукава, какъ мы всѣ ходили, скоро познакомился со мной...

Онъ оказался студентъ—юристъ московскаго университета г. Левинъ, весьма милый собесѣдникъ и „своеобразный философъ“, съ которымъ во многомъ нельзя было согласиться, но рѣчь его слушалась пріятно...

„Я еврей (точно теперь не помню принялъ ли онъ православіе, или нѣтъ) и вся наша семья,—у меня жива матушка, братъ докторъ имѣетъ хорошую лечебницу въ Домниковскомъ переулкѣ,—какъ то идетъ въ разбродъ. Мы живемъ по виду дружно, но единства нѣтъ между нами... Каждый идетъ своей дорогой... Мнѣ очень хотѣлось бы поступить въ какой либо глухой монастырь и вѣроятно это такъ и случится, чтобы найти душевное умиротвореніе“...

Къ сожалѣнію теперь, съ послѣдующими впечатлѣніями, я безсиленъ возстановить въ памяти многое изъ оригинальныхъ умозрѣній загадочнаго субъекта, безспорно всуе „мятущагося духомъ“, но вспоминаю г. Левина съ особенной благодарностью за проведенныя минуты въ теченіе первыхъ двухъ сутокъ, когда онъ своими разсказами много помогалъ мнѣ забывать страданія души и тѣла...

Г. Левинъ выписался изъ больницы очень скоро.

На койку его положили другого, еле живаго Ивана...

Несчастный Тимофей умеръ и его унесли „въ моргъ-часовню“, гдѣ покойникъ обыкновенно стоитъ за стеклянной перегородкой трое сутокъ вплоть до погребенія.

Родные могутъ смотрѣть усопшаго, но безъ прощальныхъ поцѣлуевъ...

Послѣ отпѣванія въ часовнѣ тѣло засыпаютъ „разными спеціями“ и гробъ густо смолится передъ отвозомъ на кладбище...

Всѣ эти свѣдѣнія переданы мнѣ нянюшками, дядькой и самими больными...

— „Ну, вотъ вамъ и обновку принесли, сказала мнѣ привѣтливо новая дежурная дельдшерица, по имени Вѣра Федоровна Попова, съ необыкновенно открытымъ лицемъ; въ карихъ ея глазахъ свѣтилась евангельская любовь, тембръ голоса захватывалъ душу чѣмъ то близкимъ, родственнымъ... казалось, что вы слышите горячолюбимую жену, дочь, сестру, а не постороннюю женщину при исполненіи служебнаго долга...

Не даромъ высокодобрѣйшую Вѣру Федоровну всѣ больные зовутъ „ангеломъ хранителемъ“...

— А, дорогая наша спасительница пришла, гремятъ возгласы въ палатѣ, значитъ

всѣ будемъ живы и здоровы... Нашъ ангелъ хранитель.

— „Здравствуйте, родные, мои голубчики, слышится трогательный голосъ Вѣры Федоровны,—ну, что, Миша, какъ ты себя чувствуешь?!. Слава Богу, молодцемъ ты сегодня! А ты золотой, Сережа? Ваничка, надо сдѣлать перевязку, пойдемъ мой голубчикъ, тебѣ будетъ легче... Я сама промою твою руку..“.

И каждому „святая подвижница“,—нѣтъ, вѣрнѣе, снова повторю, этотъ „ангелъ хранитель“,—всегда находила слово ласки, утѣшенія и больные не разъ, въ томъ числѣ и вашъ покорнѣйшій слуга, въ благоговѣйномъ восторгѣ, просили со слезами Вѣру Федоровну позволить „поцѣловать ее добрую ручку въ знакъ благодарности“, на что всегда былъ одинъ стереотипный отвѣтъ: „что вы, что вы, развѣ можно цѣловать грязныя руки,—я только что дѣлала перевязку Орлову,—да и что это вы, родной, все преувеличиваете, мы всѣ одинако обязаны работать и ничего особеннаго для насъ не дѣлаемъ, какъ исключеніе“.

„Намъ всѣ равны и дороги, потому что вы всѣ здѣсь хорошіе, послушные, подневольные“...

Безъ слезъ умиленія и теперь нельзя вспомнить дорогую и сердечнѣйшую Вѣру

Федоровну, которой всегда можно сказать словами поэта:

„Если-жъ устанутъ отъ тяжести плечи,
Если опоры себѣ не найду,
Вспомню твой образъ и очи, и рѣчи,
Съ новымъ смиреніемъ дальше пойду,
Годы пройдутъ безотрадной грядою,
Сгинутъ одна за другою мечты,
Только сіять въ ночи жизни звѣздою
Будетъ мнѣ память твоей красоты...

VII.

Вы не знаете, да и слава Богу, что васъ сегодняшней ночью могли убить, сказалъ мнѣ въ первое утро, когда я перешелъ въ изоляторъ, одинъ изъ больныхъ?

— Вы шутите...

— Нѣтъ, серьезно... Вы, къ счастію, уснули, а то бы набрались страху...

— Да говорите яснѣе...

— Вотъ видите того больного, съ нашей койки его видно, съ оттопыренными усами и блѣднолицаго, это онъ буянилъ... Насилу

дядьки связали его въ смирительную рубашку, а то бы надѣлалъ дѣловъ.., Мы задержали его въ самыхъ дверяхъ къ вамъ, тогда онъ бросился къ студенту Левину... тутъ его и сцапали... насилушку справились... Всю ночь бурлилъ... Отравленный алкоголикъ, ну и силенъ... А тутъ у васъ стояла на столикѣ бутылка отъ Боржома, долго ли до грѣха... Хвать по головѣ и поминай какъ звали... Спасибо замѣтили больные... няньки не было... Долго ли до грѣха?..

Эти „оттопыренные усы“ сряду нѣсколько дней наводили общую панику... Даже жизнерадостному Николаю Лазгину, лежавшему рядомъ съ буйнымъ больнымъ, крѣпко досталось отъ него нѣсколькими ударами полотенцемъ, или чѣмъ то другимъ... Послѣ чего двѣ—три ночи дежурилъ „запасный дядька“ въ предупрежденіе какой либо „катастрофы“...

На столко сильно было возбужденіе этого оспеннаго страдальца-алкоголика отъ безсонницы и галлюцинацій, что большія дозы „хлорала“ не моги его успокоить... Волей—неволей практиковалась смирительная рубашка, длинные рукава которой крѣпко привязывались къ кровати... Когда „спиртный угаръ“ миновалъ, то свирѣпый буянъ оказался „тишайшимъ“ Михаиломъ Ивановичемъ Хотуновымъ, самымъ любезнымъ това-

щемъ и прекраснымъ партнеромъ „въ московскіе дураки и козла“...

Но про наши развлеченія послѣ...

Теперь стараюсь вспомнить мои первые, полные страшной муки, болѣзненные симптомы, не дозволявшіе сдѣлать шагу въ общую палату, гдѣ, со смертью Тимофея и съ переводомъ тяжкобольного Ивана въ сосѣдній со мной изоляторъ, зазвучали хоровыя пѣсни и слышался не разъ дружный хохотъ, при чемъ выдѣлялся чей-то басъ...

„Шублика“, по выраженію больныхъ „обнюхалась“...

Но мнѣ, повторяю, было не до того.

Еще пугалъ роковой вопросъ „быть или не быть“...

Много помогли душевному возрожденію любезныя депеши и письма друзей, въ числѣ первыхъ я удостоился получить запросъ, съ оплаченнымъ отвѣтомъ „о здоровьѣ и пожеланіи выздоровленія“ отъ добрѣйшаго фабриканта Ивана Емельяновича Кузнецова и отъ высокодаровитой дрыматической артистки театра Ф. А. Корша и горячолюбимой „всѣми дѣтьми, внуками и правнуками русской сцены“ Надежды Варѳоломѣевны Бурдиной, драгоцѣнныя строки которой, ничѣмъ мною не заслуженныя, читались со слезами...

Затѣмъ не было дня безъ вѣсточки отъ людей сердца, ума и таланта...

Тутъ уже не до смерти!..

Хотѣлось жить, любить и трудиться...

Я перечитывалъ каждую строчку по нѣсколько разъ съ горячей благодарностью друзьямъ за дорогую память...

„Нѣтъ ничего легче найти друга въ счастіи, ничего труднѣе—въ горѣ“...

— А вы все волнуетесь, упрекнула меня третья фельшерица, милѣйшая Анна Федоровна Будимирова, прозванная больными „родной сестрой Ангела хранителя“, т. е. дорогой Вѣры Федоровны Поповой,—много нельзя читать безъ дозволенія доктора можете ослѣпнуть, дайте-ка я пущу въ ваши глаза синьку“...

Вотъ еще одна изъ египетскихъ казней, трудноперенесимая...

Не только я, слабонервный, громко кричалъ отъ боли, но другіе, прямо Голіафы по тѣлосложенію, съ ужасомъ ожидали эту „проклятую“ синьку, которая жгла глаза точно расплавленнымъ оловомъ...

И такое мученіе длилось около десяти сутокъ!..

Умирающему Ивану чуть не за часъ до смерти „подсинивали“ глаза.

Отъ слезъ лице каждаго больного казалось татуированномъ цвѣтомъ радуги, съ преобладающими на общемъ фонѣ синими полосами...

Совсѣмъ географическая карта съ рѣками, озерами, горами (корки) и другими потрясающими атрибутами наружнаго отвращенія и ужаса для случайнаго, тѣмъ болѣе для близкаго, посѣтителя...

Невольно слышался вопросъ: отчего у васъ такія синія полосы?

Приходилось объяснять чуть не съ рыданіемъ про болевыя ощущенія, длившіеся, хотя не болѣе получаса, прямо таки нестерпимо...

Многіе въ изступленіи кричали, что „лучше ослѣпнуть, чѣмъ каждодневно такъ страдать“, но „подневольные“ должны были покоряться строгому „прижиму“ и ласковой просьбѣ „барышень“, обыкновенно утѣшавшихъ, „что это въ послѣдній разъ и завтра все покончится“...

А между тѣмъ пытка продолжалась до докторскаго veto...

Паралельно слезамъ „синькоглазыхъ“ неслись и пѣсни чуть свѣтъ, спозаранку, когда начинали играть въ карты и шашки...

Тамъ, въ палатѣ, люди смѣются, поютъ, а рядомъ со мной хриплые вздохи умирающаго Ивана, „чернаго какъ уголь“ и покрытаго „на вершокъ“ толстой корой оспы такъ, что нельзя поставить термометръ подъ мышкой... Не было живого мѣста...

Иванъ страшно мучился послѣднюю ночь, хотя не терялъ сознанія, такъ какъ онъ нѣсколько разъ звонилъ въ колокольчикъ для вызова няньки, (я не спалъ всю ночь!) чтобы поднять его съ пола, куда онъ самъ слезалъ, черезъ доску, положенную сбоку постели, немного отдохнуть отъ сильной жары"...

Нянька Елена, видимо обезсиленная, разъ нервно вскрикнула: „ахъ, ты, мой мучитель, измаялъ ты меня своимъ лазаньемъ на полъ... простудишься"!.

Больной прохрипѣлъ: „прости Христа ради, тяжело... ахъ, умираю!.. Дай глоточекъ чайку"!..

Затѣмъ смолкъ и все время вплоть до смерти тяжело дышалъ, безъ стона и крика...

Дыханіе походило на раскачиваніе кузнечнаго мѣха...

Наступала агонія...

Однако къ утру Ивану какъ будто полегчало и юная нянька „Наташа", дѣвушка не болѣе 20 лѣтъ отъ роду, угощала его чаемъ и даже мѣняла бѣлье...

Въ десять часовъ утра слышу страшный голосъ Ивана...

„И кто бы крикъ сей услыхалъ,
Навѣрно-бъ самъ въ себѣ сказалъ,
Что сердце лучшая струна,
Въ минуту эту порвана"!..

Никто не откликнулся на стонъ страдальца...

Самъ я не могъ встать съ постели, да и боялся „черной оспы“...

А въ палатѣ гудѣла хоровая пѣсня: „Любила я, страдала я, а онъ, подлецъ, забылъ меня“?..

Тутъ не до вниманія къ кому то тамъ, въ изоляторѣ, когда полилась душа на распашку, въ удовольствіе, и заговорило ретивое...

Не даромъ сказала Великая Екатерина: „Кто поетъ—тотъ зла не имѣетъ“!..

Въ сосѣднемъ изоляторѣ тишина длилась до случайнаго прихода няни Наташи, которая, какъ она разсказывала послѣ, сначала поправила подушку Ивана, а потомъ стала поднимать закинутую назадъ голову, но вдругъ почувствовала, что она холодна и самъ онъ „какъ палка—головешка“...

Нянька въ ужасѣ пробѣжала черезъ палату съ докладомъ „барышнѣ“.

Пѣсни сразу оборвались-..

Покойника не трогали съ постели ровно два часа...

Больные, какъ школьники, смотрѣли на окоченѣвшій трупъ, пока имъ не запретили „толпиться“ у двери... Мѣсто мертвецу!..

Затѣмъ двое дядекъ (мортусы) въ ящикѣ, похожимъ на гробъ, унесли Ивана, оберну-

таго простыней, въ часовню...

Снова общее уныніе, но не надолго... Опять полились пѣсни!..

„Мертвый мирно въ гробѣ спи—
Жизнью пользуйся живущій“!

VIII.

На ряду съ нѣжнотрогательнымъ уходомъ за больными всѣмъ медицинскимъ персоналомъ и служащими нельзя умолчать и про пищевое довольство, которое болѣе чѣмъ роскошно, преимущественно для неимущаго люда, часто пребывающаго, по ихъ словамъ, „на водяной тюрѣ изъ Москвы рѣки“.

Обѣдъ и ужинъ раздѣленъ на три разряда.

Первая порція обыкновенно предназначается для „сѣрой“ публики.

Въ обѣдъ и ужинъ даютъ два блюда—прекрасные щи, съ большимъ кускомъ мяса (около 14 золотниковъ), гречневая и пшенная каша, жареный картофель, винигредъ въ постные дни, съ значительнымъ кускомъ аржаного хлѣба.

Вторая порція „барская“, болѣе нѣжное меню: мясной супъ, съ разной крупой, лапша, котлеты, картофельное пюре и ситный хлѣбъ, или французская булка.

Третья, которой я довольствовался 20 дней, предназначается для самыхъ слабыхъ.

Мяса и чернаго хлѣба нѣтъ абсолютно. Въ кружкахъ подаютъ очень вкусный молочный супъ и крѣпкій наваръ изъ манной крупы, затѣмъ, по желанію, клюквенный кисель.

Я съ удовольствіемъ пилъ кипяченое молоко по три кружки и, если передъ выходомъ изъ больницы, перешелъ на вторую порцію, благодаря безграничной любезности доктора Мих. Павл. Воробьева, то изъ любопытства попробовать мясной бульонъ.

Вообще никто и никогда не жаловался на пищу...

Случалось, что нѣкоторые „ѣли за двоихъ“, какъ напримѣръ наивный мальчуганъ „Федька“, лѣтъ 15-ти, обладалъ завиднымъ аппетитомъ, такъ ему всегда перепадали непочатыя порціи отъ слабыхъ и онъ пожиралъ ихъ съ наслажденіемъ...

— Федька, не хочешь ли киселька?..

— Пожалуйте, испробую...

— Федька, не хочешь ли гречневой каши?

— Пожалуйте, испробую...

— Федька, не хочешь ли булочки?

— Пожалуйте, отъ скуки займусь...

Интересный мальчуганъ для всѣхъ былъ услужливъ: и кружки относилъ пустыя къ нянюшкамъ, и столовую ложку каждому подавалъ передъ обѣдомъ, и на стражѣ стоялъ во время куренія „носогрѣекъ съ махоркой“ для предупрежденія выхода „барышни“ изъ дежурной комнаты... Видимо мальчуганъ твердо памятовалъ „ласковую телятку, сосущую двухъ матокъ“, за что всѣ его любили и жаловали...

Много смѣялись въ понедѣльникъ, 22-го марта, отвѣту Федьки на замѣчаніе симпатичнѣйшаго весельчака доктора Павла Васильевича Лебедева, во время вечерней визитаціи сказавшаго громко, съ добродушной улыбкой: „какъ ты растолстѣлъ въ больницѣ“, и когда мальчуганъ отвѣтилъ, съ тяжелымъ вздохомъ, что „я здѣся напротивъ отощалъ... дома меня кормили больше и чаще“!..

Какъ не пожалѣть такого юнца лакомымъ кусочкомъ!..

Вообще среди больныхъ царствовало единеніе и взаимная любовь другъ къ другу.

Каждый звалъ сосѣда только по имени, рѣдко по отечеству, безъ малѣйшей справки кто онъ и откуда...

Чисто братское отношеніе...

Всѣ были одинаково одѣты въ жолтые халаты и никто не отличался особымъ вниманіемъ, или наружнымъ преимуществомъ...

Въ послѣднюю недѣлю мнѣ только привелось узнать соціальное положеніе и профессію нѣкоторыхъ лицъ, болѣе выдающихся своей наружностью и оригинальной рѣчью...

Тутъ были студенты университета, потомственные дворяне, желѣзнодорожные таксировщики, истопники, портные, сапожники, дворники, содержатели ломовыхъ лошадей, бетонщики, „золотарики“, такъ зовутся мастера фабрикъ золотыхъ вещей Хлѣбникова. Фаберже, Фульда, слесаря, литейщики, трактирные слуги, оффиціанты, маркеры, наконецъ „играющіе“, послѣдніе въ бытовомъ переводѣ „шуллера“, живущіе исключительно картами и билліардомъ...

Съ каждымъ изъ нихъ пришлось мнѣ бесѣдовать по душѣ и многое почерпнуть изъ омута столичной жизни Первопрестольной...

Каждый говорилъ безъ стѣсненія, точно на исповѣди, какъ бы желая излить свою душевную тяжесть предъ человѣкомъ „изъ провинціи“.

Обыкновенно велась бесѣда въ сумерки, передъ чаемъ, послѣ докторской визитаціи, тѣми, кто завтра долженъ былъ итти на выписку, ради ускоренія которой практиковались самые рискованные пріемы „очи-

ститься“ отъ черныхъ пятенъ, съ помощью булавки... Никакія предупрежденія, чуть не угрозы, доктора не могли прекратить булавочную „операцію“!...

Иные безстрашно „работали“ ножницами...

— А вѣдь я, братцы, миловиднымъ сталъ, кричалъ Николай Лазгинъ, какъ срѣзалъ у себя съ ноги всю подошву, не надобно ли кому подметку къ сапогу...

На другое утро докторъ прямо ужаснулся отъ такой безумной потѣхи жизнерадостнаго юнца, который не въ состояніи былъ опереться на ногу...

Началось леченіе „подметки“ іодомъ, содовыми компрессами...

— Вотъ какъ схватишь рожистое воспаленіе, да Антоновъ огонь, такъ живо отхватятъ ногу, говорили въ утѣшеніе Николаю...

— Я сегодня въ газетѣ вычиталъ, говорилъ, смѣясь, храбрецъ, такое изрѣченіе: „Антоновъ есть огонь, но нѣтъ того закону, чтобы огонь всегда принадлежалъ Антону“...

Въ отвѣтъ жизнерадостному и безшабашному остряку несся дружный хохотъ. Вотъ такъ молодчага!..

Однако напускная веселость Лазгина порой заканчивалась словами: „а все таки, братцы, нельзя ступить на полъ отъ боли“.

Юноша нѣсколько дней ковылялъ на

пяткѣ въ компрессахъ, но вышелъ изъ больницы ранѣе меня тремя днями...

Двумъ смертямъ не бывать, одной не миновать, всегда говорилось на замѣчаніе „не ковырять булавкой“. Сначала и я протестовалъ, а потомъ и самъ воспользовался рискованной операціей, чтобы скорѣе „очиститься“ отъ темныхъ пятенъ и вырваться домой, когда...

„Вчера на завтра такъ похоже,
Сегодня тоже, что вчера“...

IX.

Ежедневно съ 2-хъ и до 3-хъ часовъ пріемъ посѣтителей.

Срокъ для свиданія десять минутъ! Дядька „Иванъ Сидоровичъ“ зорко слѣдитъ за часовой стрѣлкой...

Каждый приноситъ что-либо въ рукахъ: апельсины, булки, книги, съѣдобное изъ закусокъ и всякій торопится возможно скорѣе утѣшить страдальца словомъ участія, любви и надежды... Иныя, преимущественно женщины, сильно плачутъ, не произнося ни одного слова...

Тяжелая картина!

Больному и безъ того грустно, а тутъ рыдающая мать, сестра, подруга сердца...

Посѣтителей облачаютъ въ переднеї, сверхъ носимаго платья, въ бѣлый колпакъ и широкій хитонъ, плотно подпоясанный для устраненія острой заразы, въ особенности строгій надзоръ за дамскими шлеїфами, на которыхъ легко выносятся оспенныя корки...

— Ты, Саша, не царапаї лица, нѣжно говорила симпатичная по лицу мать (отставная артистка Императорскої русскої оперы) сыну — студенту, — не ребенокъ же ты въ самомъ дѣлѣ?

— Ахъ, мама, когда не въ терпежъ... Поневолѣ чешешь...

— Да и зачѣмъ ты куришь махорку, отъ тебя несетъ за три версты.

— Нельзя, мама, она здоровѣй, да и скорѣе накуришься,.. Папиросы совсѣмъ труха...

Другая пара, видимо мужъ и жена, ведетъ бесѣду такую:

— Если тебя скоро не выпишутъ, то прямо намъ погибель... Мастеровые пьянствуютъ... не слушаются... Дѣти ревутъ, да и лѣнятся...

— Ты гони ихъ вонъ!..

— Тебѣ легко говорить, а каково мнѣ, если сгребутъ за загривокъ...

Третья парочка, совсѣмъ еще юная, тихо улыбаясь другъ другу, что-то страстно шепчутся... Въ глазахъ взаимное увлеченіе...

Онъ: (громко) „Перестань, глупости“. Она: (горячо, уходя). „Если ты не согласишься, то больше не увидимся. Сама судьба видно устроила... Помни! Такъ, или не такъ!“.

Красавица блондинка быстро скрывается изъ палаты...

Сосѣдъ по кровати, наблюдавшій воркотню голубковъ,—„что, Александръ Антоновичъ, влетѣло отъ пташки,—замѣчаетъ не то съ завистью, не то ядовито, желая уколоть по больному мѣсту...

— Глупости, отвѣчаетъ юноша, съ жиру бѣсится—завтра опять прибѣжитъ... Это моя родственница...

— Всѣ мы родные по Адаму...

Свиданіе кончилось и снова мы остаемся въ милой компаніи, съ картами, пѣснями, шашками...

Иные радостно ожили, другіе крѣпко призадумались...

Меня навѣстилъ совершенно неожиданно почтеннѣйшій Михаилъ Николаевичъ Онѣгинъ-Голицынъ, рискнувшій на свиданіе безъ прививки оспы... Пріятный сюрпризъ!

Конечно десять минутъ нашей бесѣды пролетѣли одной секундой, (больше его не

допускали!) и визитъ М. Н. внесъ въ мою наболѣвшую душу самое отрадное чувство...

Вспоминались общіе друзья, а болѣе всего насчастная его антреприза въ Новгородѣ...

Бѣдняга, „торговалъ-веселился, сосчиталъ-прослезился“...

Я безсиленъ былъ отблагодарить любезнѣйшаго Михаила Николаевича.

Такъ дорого вниманіе, среди безпомощнаго одиночества, заключенному въ больницѣ, или въ тюрьмѣ, куда, т. е. въ послѣднюю, готовлюсь попасть въ скоромъ времени, такъ какъ, по слухамъ, мое прошеніе „по совокупности“ судомъ оставлено „безъ послѣдствій“...

Случайно привелось мнѣ узнать новость, напомнившую мнѣ, что я „арестантъ“, званіе котораго въ Москвѣ не приходило мнѣ на память...

За недѣлю до выхода изъ больницы въ мой изоляторъ неожиданно вошелъ ординаторъ М. П. Воробьевъ, съ другимъ „коллегой“, очень солидной корпуленціи...

Незнакомецъ высокаго роста, широкоплечій, съ замѣчательно добродушнымъ выраженіемъ лица, въ очкахъ, оказался главнымъ докторомъ Степаномъ Павловичемъ Галицкимъ (извѣстный хирургъ въ Москвѣ),

которому я тотчасъ же высказалъ самую горячую благодарность за необыкновенное вниманіе къ больнымъ вообще и въ частности ко мнѣ.

— А насъ все ругаютъ, произнесъ С. П., за непорядки... Спасибо вамъ... Очень радъ, что вы нами довольны... Въ свою очередь и я скажу вамъ пріятное... Прокурорскій надзоръ изъ Новгорода очень интересуется вами. Сегодня мы получили бумажку съ запросомъ: здѣсь-ли вы, чѣмъ больны, когда поступили и когда отсюда выйдете... Трогательное вниманіе... Что вы тамъ натворили?..

— Разбой, грабежъ, пристанодержательство, совокупность, проговорилъ я, сильно волнуясь...

— Ну, ну... знаемъ, батюшка, что никто такъ теперь не близокъ къ тюрьмѣ, какъ редакторы періодической прессы... Должно продернули кого?.. Будьте осторожны...

— Нѣтъ, похвалилъ, и снова въ моихъ глазахъ потемнѣло...

— Эхъ, какой вы нервный субъектъ, проговорилъ участливо С. П., до свиданія,— я имъ напишу...

Доктора ушли...

Черезъ пять минутъ барышня угостила меня валеріанкой...

Какъ хотите, но „арестатская“ перспектива не особенно заманчива!..

Новый сюрпризъ!.. Это ужъ дома...

Не успѣлъ я написать эти строки, какъ вчера, около одинадцати часовъ, прибыли въ мой домъ городской врачъ Н. Г. Чакалевъ и полиц. приставъ 1-й софійской части Г. П. Сукинъ, съ бумагой отъ г. прокурора новгор. окружн. суда, „освидѣтельствовать“ меня и, такъ сказать, „провѣрить“ медицинское удостовѣреніе доктора Сокольничьей больницы Мих. Павл. Воробьева въ томъ, что „я нуждаюсь не менѣе одного мѣсяца въ укрѣпляющемъ лѣченіи“...

Пришлось подчиниться законному требованію... Еле поднялся съ постели отъ испуга и боли ноги...

Совершенно неожиданно пришлось снова подвергнуться самому тщательному выстукиванію, наружному осмотру „слѣдовъ тяжелой оспы“, выслушиванію сердца и пульса...

Почтенный Ник. Г. Чакалевъ, какъ человѣкъ науки, отнесся со свойственной ему любовью къ дѣлу... кажется не оставилъ благосклоннымъ вниманіемъ не только мое бренное тѣло, да заглянулъ и въ душу...

Судя по выразительному лицу уважаемаго доктора, у меня „не все благополучно“... Требуется ремонтъ и солидный отдыхъ.

— Нѣтъ, вы ступайте-ка лучше въ постель, произнесъ серьезно Николай Григорьевичъ, покачавъ многозначительно головой,—

да хорошенько полечитесь еще не менѣе двухъ мѣсяцевъ, а то... съ вами въ тюремной больницѣ хлопотъ наживешь“...

Отъ такого приговора у меня въ глазахъ потемнѣло...

Предстали два вопроса: тюрьма и смерть...

Что страшнѣе?!

Впрочемъ, по словамъ великаго писателя Ив. Серг. Тургенева:

„Каждый рано или поздно попадетъ на свою лавочку“...

Мы, старцы, всегда памятуемъ:

„Се женихъ грядетъ“...

Больше сегодня я безсиленъ писать...

До завтра, читатель, если „не снесутъ“ на носилкахъ въ тюрьму, или на кладбище...

„Что день грядущій мнѣ готовитъ?!.

X.

В шестомъ часу утра послышался звонкій голосъ Николая Лазгина.

„Онъ безъ молитвы безъ креста
Зарытъ въ чужой землѣ“...

Скоро присоединился мелодичный басъ Ивана Спиридоновича и высокій теноръ

Александра Тихонова, прозваннаго, изъ за оспенныхъ пятенъ на лицѣ, громкимъ титуломъ „микадо“...

Обыкновенно импровизированное тріо привлекало и другихъ любителей пѣнія.

Стройный хоръ звучалъ во всю мощь.

Невольно возбуждался интересъ лично посмотрѣть ближе пѣвцовъ.

Возраждающіяся силы и увѣренность въ жизни подбадривали...

Одиночество стало тяготить...

„На міру и смерть красна“, да, сверхъ того, тяжелые вздохи Сережи въ сосѣднемъ изоляторѣ нервно раздражали. Поневолѣ пришлось показаться „на люди“ въ палату...

Вхожу потихоньку...

Всѣ кровати заняты... Около печекъ лежатъ два по наружному виду геркулеса атлетическаго сложенія, съ закрытыми глазами, и не то спятъ, не то въ забытьи...

Лица ихъ въ страшныхъ коркахъ.

И тутъ же рядомъ „заливается“ на верхнихъ нотахъ „микадо“, выкрикивая, съ особенной экспрессіей:

„Возьми, отецъ, меня съ собой ты на войну,
Съ тобой въ огнѣ съумѣю умереть“...

Трансфальская пѣсня гремѣла побѣднымъ гимномъ...

И здѣсь я впервые замѣтилъ, что главнымъ дирижеромъ, maestro, былъ не „миловидный“ Лазгинъ Николай, а басъ Иванъ Спиридоновичъ, солидый субъектъ, лежавшій посреди палаты, подъ образами, и замѣтно пользовавшійся особымъ авторитетомъ, если не почетомъ, отъ больныхъ.

Близъ его кровати всегда собиралась компанія для игры въ карты, въ шашки и, наконецъ, просто совмѣстно побесѣдовать по душѣ...

Здѣсь, такъ сказать, былъ „центръ“...

Вдругъ смотрю изъ ванной комнаты, съ полотенцемъ въ рукахъ и открытой грудью, въ одномъ бѣльѣ, показался высокій, статный юноша, брюнетъ, съ черными усиками и бородкой... Онъ шелъ высоко поднявъ голову, коротко остриженную, и эффектно раскачиваясь...

Отъ изумленія я чуть не вскрикнулъ... Боже! да неужели сюда попалъ князь Б. А. В—въ?.. Поразительное сходство знакомаго лица трудно представить! Это прямо живой человѣкъ, котораго вы хорошо помните со всѣми его наружными особенностями, манерой, звукомъ голоса, наконецъ, походкой...

Словомъ—не родной братъ, не двойникъ, а самъ „оригиналъ“...

Только сознаніе, что видишь предъ собой цвѣтущаго юношу, не болѣе 20-ти лѣтъ,

въ каковую пору я имѣлъ счастье знать молодого князя В—ва, а не сорокалѣтняго человѣка, нынѣ уже съ серебромъ въ вискахъ, остановило меня сразу подойти и привѣтствовать „его сіятельство“...

Такого “двойника“ мнѣ приходилось встрѣчать на улицахъ С.-Петербурга лѣтъ тридцать тому назадъ, когда владѣльца (фамилію его не помню)! музыкальнаго магазина „Сѣверная Лира“ называли фланеры Невскаго „Петромъ Великимъ“...

Выразительное лицо, большіе черные глаза, длинные волосы, энергичная походка, (только ростъ маловатъ), плащь, мягкая шляпа, съ широкими полями, производили сильное впечатлѣніе...

Почетное сходство лицъ, было достояніемъ уличной толпы...

Съ любопытствомъ наблюдаю за интереснымъ юношей...

„Сіятельный“ прототипъ спокойно усѣлся на своей кровати, рядомъ съ басомъ Иваномъ Спиридоновичемъ, и началъ также подтягивать бархатистымъ баритономъ:

„За кривду Богъ накажетъ,
А насъ за правду наградитъ“...

Однако утреннее пѣніе скоро прекратилось въ ожиданіи доктора...

Новое знакомство пришлось отложить до вечера...

Около 11-ти часовъ утра начался докторскій осмотръ... Все смолкло... Какъ вдругъ среди тишины раздались душу раздирающіе крики...

Я спросилъ няню,—что это тамъ?

— Это разрѣзъ дѣлаютъ мальчику Ивану...

Во всѣ послѣдніе дни передъ моей „выпиской“ ежедневно утромъ слышались отчаянные крики Ивана и другого страдальца на костыляхъ Орлова, наружностью похожаго на провинціальнаго актера...

И, дѣйствительно, Орловъ бывшій телеграфистъ, оказался по профессіи причастнымъ къ Сухаревскому народному дому, гдѣ онъ служитъ на сценѣ по декоративной обстановкѣ драматическихъ спектаклей антрепренерши Полянской за трехрублевую вечеровую плату...

Орловъ (ему 25-й годъ) „крестьянскій сынъ“ съ дѣтства несетъ цѣпь страданій изъ за ноги, которую нѣсколько разъ рѣзали и скоблили московскіе хирурги...

Заживетъ и снова „отрыгнетъ“...

Самъ онъ—живыя мощи—кожа, да кости, но духомъ бодръ...

— „Сегодня выпустили изъ меня два стакана гноя, говорилъ онъ весело,—теперь легче, а то всю ночь не спалъ. Теперь можно

и хоровую спѣть... Я буду начинать, а вы, братія, подпѣвайте... только не смѣяться"!

И вотъ въ одинъ изъ вечеровъ, когда въ палатѣ не было особенно тяжкихъ больныхъ, Яковъ Федоровичъ Орловъ показалъ свой „актерскій" талантъ своеобразнымъ исполненіемъ минорной пѣсни изъ якобы монастырской жизни, съ „тягучимъ распѣвомъ" хора...

Онъ изображалъ „канонарха", возглашающаго протяжно такія изрѣченія:

На горѣ стоялъ монастырь большой,—
Тамъ монаховъ было множество,—
И всѣ они были горькія пьяницы,
Архимандритъ у нихъ строгій былъ,
Хлѣба давалъ имъ по малу,—
Давайте, братцы, забастуемте,
Не пойдемте ни къ заутрени, ни къ обѣдни,
А пойдемте въ погреба глубокіе,
И выкатимъ бочки дубовыя,
Повѣсимъ на нихъ ковши мѣдныя,
Изъ боченковъ выпьемъ—понатянемся,
Винища тамъ море великое и пространное...
И тутъ же спать уляжемся...

Послѣднія два слова каждой строки хоръ гармонично повторялъ двукратно, безъ малѣйшей улыбки...

На лицахъ пѣвцовъ хранилось самое серьезное настроеніе, точно взаправду шло душеспасательное пѣснопѣніе кантовъ „подвижниками плоти"...

Полная иллюзія „столпового“ пѣнія на столько была сильна, что дежурная „барышня“ Вѣра Федоровна Попова, подойдя къ группѣ, высказала свое одобреніе, съ непритворнымъ умиленіемъ:

— Насилу-то вы, голубчики, запѣли хорошее, даже слушать пріятно, точно въ монастырѣ... Гораздо лучше горьковскаго „Солнце всходитъ и заходитъ“...

И когда всѣ расхохотались, познакомивъ нашего „ангела хранителя“ съ содержаніемъ пѣснопѣнія, то послышался прискорбный упрекъ изъ устъ доброй женщины: „Ахъ, вы, безбожники, развѣ можно въ посту кощунствовать... грѣшно“!..

— Эхъ, дорогая Вѣра Федоровна, у васъ тутъ не только по монашески, а завоешь волкомъ... Чѣмъ бы дитя ни тѣшилось, лишь бы не плакало...

XI.

На ряду съ нашими развлеченіями и пѣснями въ палатѣ, большинство оказалось глубоко вѣрующими христіанами. Отрадное явленіе.

Ежедневно по утрамъ и вечерамъ многіе, съ благоговѣйнымъ чувствомъ, колѣнопреклоненно, молились у своей постели, съ горячо устремленнымъ взоромъ на двѣ иконы въ кіотахъ на стѣнѣ, предъ которыми ярко горѣли день и ночь лампадки.

Положимъ, что въ это же самое время татуированный „микадо“ воспѣвалъ „о дѣвкѣ красной“, но богомольцы сосредоточено творили молитву, не обращая вниманія „на дьявольское прельщеніе“...

И странно, если не похвально, особенной ревностью къ святымъ и „возжиганію“ лампадокъ отличались главные „заторщики“ картежной игры и хорового пѣнія...

Симпатичный портной Кульковъ, какъ иниціаторъ сбора денегъ на „божье масло“ (въ больничной смѣтѣ нѣтъ такой расходной статьи) среди больныхъ до своего излеченія неукоснительно заправлялъ лампадки, а по выходѣ эту обязанность передалъ „басу“ Ивану Спиридоновичу, который еще ревнивѣе служилъ Богу... Такъ, замѣтя среди игры „въ московскіе дураки“, что „лампадный фитиль коптитъ“, моментально онъ бросалъ карты, вымывалъ руки и принимался за исправленіе огня...

Обыкновенно Иванъ Спиридоновичъ на замѣчаніе свободомыслящихъ (были и такіе!) „успѣется“, „не прокоптимъ“, „все равно не

не попадешь въ рай и также черти будутъ поджаривать на сковородѣ въ собственномъ бульонѣ“ и т. п., возражалъ, что „безъ Бога не до порога“,—„неровенъ часъ Богъ щелкнетъ по лбу“,—„всегда надо сугубо памятовать воздадите убо Кесарева—Кесареви и Божія—Богови“...

— „Особливо среди (Иванъ Спиридоновичъ любилъ выражаться книжнымъ языкомъ) развращенныхъ сердецъ нашего житейскаго моря, гдѣ преплаваютъ животныя малыя и великія“.

— Угождаешь Христу и сатанѣ, замѣчаетъ кто то изъ картежниковъ.

— Сіе дѣло мое и попова, къ которому я хожу на исповѣдь...

— Значитъ ты въ серьезъ вѣрующій?.. Пѣсни поешь и въ кары дуешься весь день среди поста,—эхъ, ты, фарисей, язвилъ „миловидный“ Николаи,—тоже богомолецъ изъ биллiардной лузы...

— Да, солидно возражалъ Спиридоновъ, я рабъ презрѣннаго металла изъ за семьи, а ты, баловень судьбы, какъ есть голякъ, развѣ ты въ силахъ понять человѣческое нутро?.. А я дерзновенно проникъ въ твои годы всю преисподнюю...

— Точно старикъ?.. Стара попова собака...

— Ты, братецъ, глуповатъ, такъ я тебѣ

скажу, что и я прежде былъ таковымъ не разумнымъ...

Прежде и я съ пьяныхъ глазъ, да и трезвый, посмѣивался надъ религіей, а какъ прикрючило, то и про Бога вспомнилъ... Совсѣмъ погибалъ отъ алкогольнаго зелья, благодаря гнуснымъ учителямъ богоотступничества, яко рабъ непотребный для своей семьи и общества... Жилъ въ утробу...

— Экій слуга обществу съ кіемъ въ рукахъ въ трактирѣ, продолжалъ допекать Николаій, съ желаніемъ высмѣять солиднаго резонера.

Иванъ Спиридоновичъ спокойно продолжалъ свое повѣствованіе...

— Вотъ и научилъ меня одинъ старецъ, съ вѣрой помолиться саровскому чудотворцу Серафиму... кать-то нашло во мнѣ просвѣтлѣніе... Я и произнесъ, дескать, спаси, поддержи... укрѣпи... Ну и какъ видите...

— Что же вы теперь не пьете, спросилъ одинъ изъ слушателей...

— Ни капли!.. Съ тѣхъ поръ глубоко вѣрую въ силу этого великаго трезвенника... И если бы каждый алкоголикъ съ вѣрой просилъ чудотворца, то сколько бы казеннаго яду осталось въ опечатанной и неопечатанной посудѣ въ нашей несчастной Россіи... Иной бы міръ сталъ!

— Если слушать всѣ твои рѣчи, то надобно одѣть осла на плечи, не унимался Николай язвить...

— Отъ скверныхъ устенъ, отъ мерзкаго сердца, отъ нечистаго и блуднаго языка не слышать ничего умнаго, закончилъ глубоковздохнувшій Иванъ Спиридоновичъ, — простите за многоглаголаніе,—это все лампадки такъ настроили меня,—сдавайте-ка въ дураки...

— Никита, давай колпакъ!..

Изъ подъ кровати вытаскиваются два бумажныхъ колпака, свернутыхъ изъ цѣльныхъ листовъ газеты „Русское слово“ (ежедневно покупаемой въ больницѣ большинствомъ читателей!) съ надписью на одномъ крупными буквами: „На комъ колпакъ—тотъ московскій дуракъ“, а на другомъ: „Не унывай, товарищъ, еще разъ дуракомъ будешь“...

Я въ первый разъ видѣлъ эту игру, гдѣ участвуютъ пятеро и требуется внимательный расчетъ картъ и хорошая память „съ чего ходить къ партнеру подъ рукой“, иначе, при невозможности покрыть карту, игрокъ долженъ брать на руки „пятокъ“...

Зачастую бываетъ, при отсутствіи козырей, что „у дурака“ остается чуть не вся колода на рукахъ...

Картежники углубились въ свое умственное занятіе, а весельчакъ Николай, поднявъ

больную ногу „безъ подошвы“ къ потолку, запѣлъ полнымъ голосомъ:

„Капуста моя, широкіе листы...
Я люблю сто поповъ, а дьяконовъ тристa“.

Вокругъ игроковъ образовался кружокъ зрителей, въ числѣ которыхъ съ удовольствіемъ не разъ сидѣлъ и вашъ покорнѣйшій слуга, наблюдая характерныя лица участвующихъ...

Каждый игралъ съ увлеченіемъ, въ особенности студентъ-математикъ, Александръ Александровичъ М—чъ; Павелъ Поліеновичъ К—въ, цвѣтущій юноша, прототипъ красавца — князя, оказавшимся калужскимъ дворяниномъ и сыномъ высокочтимаго старца члена окружнаго суда; затѣмъ необычайно добродушнѣйшій Никита, дворникъ по профессіи; самъ Иванъ Спиридоновичъ, трактирный оффиціантъ и таксировщикъ московско-брестской желѣзной дороги Адександръ Антоновичъ Р—нъ...

Первымъ “дуракомъ остался красавецъ Павелъ Поліеновичъ...

— Ну, давайте мнѣ колпакъ, звучитъ знакомовластный голосъ...

— Да не надобно, довольно съ насъ этого почетнаго титула нашей Первопрестольной, замѣчаетъ авторитетно Иванъ Спиридоновичъ...

— Нѣтъ, братецъ, люби кататься—люби и саночки возить—въ этомъ интересъ игры... Теперь вы посмѣетесь надо мной, а затѣмъ авось и я...

Красивая голова Павла Поліеновича украсилась очень эффектно колпакомъ...

Многіе смѣются надъ бариномъ...

Снова начали сдавать карты...

Николаї Лазгинъ и тутъ не обошелся безъ замѣчанія:

— Эхъ, баринъ, патретъ съ васъ тяперь снять—настоящій былъ бы пильтипажъ, хоть на передвижную выставку...

XII.

Многихъ интересовало мое свиданіе съ старшей дочерью Н. Н. Кригеръ черезъ оконное стекло изолятора.

Докторъ не разрѣшалъ входа всѣмъ вообще лицамъ, у которыхъ давно прививалась оспа, или, если послѣ прививки, она не принялась...

Къ числу послѣднихъ принадлежала и моя горячолюбимая дочь...

Наша бесѣда заключалась въ перепискѣ, смотря другъ на друга сквозь стекла двухъ рамъ, зимней и лѣтней.

Ко взаимному удовольствію, счастливое времяпровожденіе иногда длилось болѣе десяти минутъ, что еще радостнѣе было на душѣ...

На всѣ вопросы получались отвѣты тотчасъ же...

Почтовая корреспонденція въ больницу всегда доставлялась не аккуратно и поздно, черезъ посредство дядьки Ивана Спиридоновича, стало быть понятно насколько нетерпѣливо я поджидалъ всегда дочь между двумя и тремя часами къ окошечку въ солнечную погоду...

— Какой вы счастливецъ, говорили сотоварищи, казалось даже съ завистью, глядя на мою дочь,—неужели она замужемъ, да вѣдь она совсѣмъ еще дѣвочка, такая жизнерадостная, красивая и т. д.

Никто не вѣрилъ, что „Нядюша“ мать пятьнадцатилѣтней дочери, безцѣнной моей внучки Виктоси...

„Ну, тутъ пошли дѣла семейныя“, пожалуй упрекнетъ строгій зоилъ, но простите, читатель, за эти чисто „родственныя“ строки, хотя въ нихъ также имѣется характерная черточка общественнаго значенія для другихъ страдальцевъ — указаніе способа пользоваться домашними свѣдѣніями, при невозможности личной бесѣды.—Конечно теперь это будетъ „съ дозволенія начальства“...

Пожалуй запретятъ черезстекольную переписку...

Если проектируется зеркальная передача лица говорящаго, или даже молчаливаго, изъ за тысячнаго разстоянія, то понятно на сколько цѣнно видѣть живого человѣка, съ его глазами, жестами въ минуту безвыходной тоски и горя...

Не слышишь голоса, за то читаешь отвѣтъ глазами съ полнымъ счастьемъ и восторгомъ на безотложный вопросъ...

„Надюша“, уходя, всегда осѣняла меня крестнымъ знаменіемъ, и всѣ „товарищи“ стоявшіе у другихъ оконъ, въ свою очередь, вполнѣ искренно ее крестили, пока ея фигурка не скрывалась за угломъ барака...

— Да, счастливецъ, баринъ, снова продолжалъ „миловидный“ Николай,—„дай Богъ всякому имѣть такую дочку... Вотъ смотрите —смотрите транспортъ—это папашѣ несутъ угощенія цѣлый возъ, ну, значитъ, и намъ перепадетъ“...

И, дѣйствительно, мои дѣти черезъ чуръ баловали меня московскими лакомствами, которыхъ хватало и для другихъ болѣе слабыхъ...

Особенно памятно мнѣ, когда я положилъ въ открытый ротъ страшно мучившагося въ жару Григорія Уткина леденчикъ „колибри“ и когда онъ прохрипѣлъ: „спасибо... это вѣрно принесла ваша дочь“?!.

На глазахъ больного показались слезы, отъ которыхъ я самъ едва не зарыдалъ на всю палату...

Только въ горѣ познается людская ласка и любовь, еще разъ повторю.

Были и такіе „субъекты“, вродѣ „Федьки“, что прямо подходили съ просьбой „дать сахарцу, ацельсинчика, булочку“, видя избытокъ „провизіи“. Какъ не подѣлиться съ товарищемъ“, когда почти каждый отдавалъ другому чуть не послѣдній кусокъ хлѣба и ужъ обязательно иные курили одну папироску...

— Братцы, кто хочетъ курнуть, выкрикиваетъ „миловидный Николай,—пойдемте...

И компанія дружно направлялась въ уборную...

Такъ практиковалось днемъ, а послѣ обѣда, когда уносились термометры и „барышня“ сидѣла въ своей комнатѣ, а „Федька“ стоялъ караульнымъ, то у большинства дымились „посогрѣйки съ махоркой“ и переходили изъ устъ въ уста, безъ малѣйшей брезгливости другъ къ другу. Всѣ въ одинаковой болѣзни, стало-быть никто не рисковалъ заразой, а „съ товарищемъ и Богъ велитъ дѣлиться“...

Ну, и курятъ всласть!.. только дымъ столбомъ...

Федька издали вдругъ даетъ сигналъ выхода барышни...

Носогрѣйки подъ кровать...

— Опять, господа, вы накурили, строго говоритъ Нина Дмитріевна Зайцева (ее больше другихъ боялись!) развѣ можно такъ отравлять воздухъ. Вѣдь Михаилъ Павловичъ строго запретилъ...Я прикажу сейчасъ отобрать отъ васъ табакъ и папиросы... Стыдно не слушаться, точно ребятишки—школьники"...

— Да, нѣтъ, барышня, мы не куримъ, возражаетъ „миловидный" Николай, — это сейчасъ прошелъ дядька, такъ отъ него такъ пропахло...

Словомъ каждый „пустякъ", или „шутка" служили общимъ развлеченіемъ среди однообразной жизни, гдѣ каждый чувствовалъ себя „мальчуганомъ", за которымъ смотрятъ „старшіе", съ угрозой поставить „носомъ въ уголъ"...

Какъ тутъ не изощряться въ чисторебяческомъ оправданіи своихъ наивныхъ школярствъ...

— Леночка, а Леночка, кричитъ тотъ же Николай мимо проходящей весьма красивой нянюшкѣ,—полюби меня молодчика...

— Я тебя шваброй, озорникъ ты этакій...

— А я сейчасъ скажу Вѣрѣ Федоровнѣ, что ты со мной заигрываешь...

— Въ палатѣ, конечно, дружный смѣхъ... Няня сердито идетъ дальше... Николай кричитъ, какъ бы про себя, съ притворнымъ

отчаяніемъ: „Ахъ, моя рожа, моя рогожа, исковерканная Маланья“!..

— Братцы, продолжаетъ тотъ же весельчакъ,—завтра меня выпишутъ, сегодня выковырну послѣднія корки, а теперь давайте играть въ козла, да затянемъ хоровую:

„Хорошо, хорошо, это очень хорошо“.

И снова гремитъ лихая пѣсня, съ высокимъ теноромъ „микадо“, при акомпаниментѣ Ивана Спиридоновича „голосящимъ басомъ и запускающимъ въ небеса ананасомъ“, по злой аттестаціи Николая...

Игроки, съ Иваномъ Спиридоновичемъ во главѣ, хранителемъ, если не собственникомъ, засаленныхъ картъ, изъ которыхъ можно было выварить десять пудовъ „жирной оспы“, по замѣчанію партнеровъ, быстро усаживались въ двѣ пары, словно въ преферансъ, и начинали сдавать въ „козла“.

Я никогда не видалъ эту игру, но вспоминаю, что она любимая и всегда практикуемая новгородскими коммерсантами въ излюбленномъ нашемъ трактирѣ „Дюссо“, съ номерами для пріѣзжающихъ, и гдѣ злополучный конторщикъ Бронницкой фабрики Ив. Ем. Кузнецова, извѣстный Александръ Овечкинъ, въ пріятельскомъ кружкѣ „товарищей“ и знаменитаго подпольнаго адвоката „дѣдки“ игралъ въ „козла“ за нѣсколько

часовъ до покражи у него корзинки съ хозяйскими 5.500 руб., данными ему для уплаты жалованья служащимъ... Вспоминаю, съ горькой душой, что вся „козлиная“ компанія и нынѣ подвизается во благовременіи, а обвиняемый Овечкинъ ждетъ суда и содержится въ тюрьмѣ.

Я со вниманіемъ сталъ слѣдить за “козлиной“ игрой...

— Васъ интересуетъ, замѣтилъ мнѣ Иванъ Спиридоновичъ,—козелъ?.. занятная обираловка и самая любимая среди купечества и московскихъ шуллеровъ...

— А развѣ возможно плутовать?..

— За милую душу можно обобрать кого угодно...

— Познакомьте, пожалуста...

— Если сойдутся два шуллера съ заранѣе обусловленными знаками, то снимутъ съ васъ рубашку на этой самой картежной платформѣ...

— Какіе же знаки при другихъ?..

— Очень простые... пики я показываю, когда возьмусь за конецъ носа въ раздумьѣ; трефы двумя пальцами стану потирать лобъ, съ досадой, дескать, размышляю какую назначить масть; если бубны, то надую щеки пузыремъ, точно хочу отдуваться отъ спертаго воздуха, а при червяхъ покажу кончикъ языка...

— Это зачѣмъ же?

— Значитъ красные, какъ языкъ... На все механика!..

— Ну, а если въ морду за такую науку, вскрикнулъ Николай?

— Бываетъ, что и попадаетъ, если четыре шуллера сядутъ за одинъ столъ, незнакомые другъ съ другомъ, но въ большинствѣ случаевъ „двойки“ ищутъ новичковъ „для стрижки“ козла... Это самая аспидная и выгодная игра,—закончилъ Иванъ Спиридоновичъ свою исповѣдь,—ну, ходи, Никита!..

— Мы совсѣмъ нашимъ полнымъ удовольствіемъ, вскрикнулъ весело Никита, и облизнувъ пальцы, шлепнулъ картой по столу...

Съ постели Николая понеслось протяжное чтеніе, какъ бы апостола въ церкви: „и яко рабъ непотребный твоему благоутробію“...

„Микадо“ выкрикивалъ, лежа: „Ахъ, ты доля, моя доля, доля бѣдняка“...

Начался вечерній дивертиссементъ.

XIII.

Прощальный вечеръ Ивана Спиридоновича и Николая Лазгина прошелъ среди пѣсенъ и картъ почти до 10-ти часовъ вечера; всѣ точно сознавали, что болѣе онъ не повторится съ уходомъ глав-

ныхъ вдохновителей веселой компаніи... Раннимъ утромъ Николай „отполировалъ“ себя булавкой на чистоту; у него на тѣлѣ не осталось ни одного чернаго пятнушка...

Иванъ Спиридоновичъ сосредоточенно размышлялъ *кому* передать зажиганіе лампады передъ образами и *кто* будетъ хранить засаленныя карты для развлеченія больныхъ...

Скоро нашелся добровольцъ на то и другое... Николай порывался нѣсколько разъ пѣть, но голосъ срывался и слышалось многими какъ онъ спрашивалъ съ тоской не только самого себя, не то кого другого, „возьметъ ли меня хозяинъ?... Пожалуй останусь безъ мѣста... Придется бѣжать къ брату передъ праздниками“?!.

Видимо юнецъ сознавалъ предстоящую голодовку отъ безработицы.

— „Много насъ въ Москвѣ, говорилъ онъ сумрачно, —только уйди, на твое мѣсто двадцать“...

Иванъ Спиридоновичъ тоже покрякивалъ предъ перспективой идти опять къ старому хозяину въ ресторанъ „Амстердамъ“, на Нѣмецкій рынокъ, Лефортовской части...

Борьба за существованіе сжимало сердце обоихъ нашихъ героевъ...

— Ну, братцы, сегодня я маршъ на работу, или на голодовку, кричитъ Николай,— не поминайте лихомъ... Никита, давай сыграемъ въ носки... на прощаньѣ...

— Я на свой носъ не сержусь, отвѣтилъ тотъ, съ досадой, а это еще что такое у меня на головѣ?!.

Никита оказывается спалъ въ дурацкомъ колпакѣ...

Послышался смѣхъ, но все не то что вчера...

Не клеится жизнерадостное настроеніе... Всѣми чувствуется разлука...

Составилась компанія „въ козла“...

Къ столику подошелъ Иванъ Спиридоновичъ, съ такимъ замѣчаніемъ: „вотъ нѣтъ тутъ Семякина—онъ бы подошлъ съ васъ козла...

— А кто это, спрашиваю я?

— Помните того смиреннаго на видъ парня, который лежалъ рядомъ съ Васей мальчикомъ и которому вы давали по утрамъ свои булки изъ жалости...

— Ну и что же?

— Вѣдь онъ „играющій“...

— Это что значитъ?..

— Шуллеръ ни болѣе, ни менѣе... Живетъ только картами... Иной разъ гложетъ сухую корку отъ голода, или когда фонари на глазахъ, съ которыми нельзя показаться на свѣтъ Божій, а то франтомъ раскатываетъ на лихачахъ... Мастеръ обдирать втунѣ лежащіе капиталы... Форменный шуллеръ и жуликъ московскій!...

— А ты развѣ не шуллеръ, вдругъ злобно

вскрикнулъ Николай,—ахъ, ты ехида! Самъ здѣсь дружилъ съ нимъ, а теперь ругаешь его шуллеромъ.

Всѣ остолбенѣли отъ неожиданной вспышки между друзьями...

Даже хладнокровный Спиридонычъ опѣшилъ отъ сногсшибательнаго сюрприза...

Какъ бы не подрались!..

— Помилуйте, продолжалъ запальчиво Николай,—ругаетъ своего товарища, когда кругомъ самъ замаранъ въ мошенничествѣ. Ну, признайся, вотъ ты хвастался вѣрой въ Серафима Саровскаго!—что ты шуллеръ и также мошенничалъ когда былъ маркеромъ... Посмотрю я какъ ты соврешь при всѣхъ... Развѣ ты не шуллеръ?..

Иванъ Спиридоновичъ сразу, какъ говорится, былъ припертъ къ стѣнѣ: не податься...

— Конечно я долженъ къ твоимъ словамъ поддерживать нейтралитетъ, началъ онъ, заминаясь...

— Ты не больно закидывай учеными словами, какъ попугай, а напрямки отвѣчай, глядя на свои лампадки,—шуллеръ ты, или нѣтъ...

— Ну, шуллеромъ былъ ради семьи, а теперь тружусь оффиціантомъ, почему и пренебрегъ маркерствомъ... Одинъ только грѣхъ...

Публичное сознаніе Ивана Спиридоновича

въ шуллерствѣ на многихъ произвело удручающее впечатлѣніе...

Произошла обидная пауза...

Я проклиналъ себя за любопытство касаться щекотливыхъ вопросовъ... Николай торжествовалъ своей побѣдой... дескать, сбилъ спѣсь!

Казалось, что между бывшими друзьями все покончено, но каково же было общее удивленіе, когда наши герои, послѣ ванны, пошли вмѣстѣ изъ больницы и оба весело махали шапками, прощаясь, въ наши окна, безъ взаимной непріязни...

Съ уходомъ этой типичной „двойки“ въ палатѣ сразу наступила гнетущая тоска,.. Опустѣло!..

„Микадо“ надрывался затягивать „коробейники“ и во все горло выкрикалъ какъ Стенька Разинъ бросилъ персидскую царевну въ Волгу.

Пѣвцу подтягивали другіе, но безъ баса нашъ хоръ терялъ свою прелесть; затѣмъ уходъ „озарника“ Николая унесъ „душу“ веселья..!

Каждый начиналъ подумывать скорѣе очиститься къ Благовѣщенью...

Михаилъ Ивановичъ Хотуновъ, „съ оттопыренными усами“ энергично ковырялъ булавкой въ ногахъ. „Барышни“ радовались наступившей тишинѣ, не менѣе нянекъ, го-

ворившихъ, что теперь, послѣ Николая, „благодать“, такъ какъ „паршивая овца все стадо портила“...

Наканунѣ моего выхода рано утромъ слышу громкое и быстрое чтеніе, среди мертвой тишины „Вѣрую, Господи, яко ты еси воистину Христосъ“.

Мои нервы напряглись и едва не крикнулъ: „перестаньте, господа, кощунствовать въ великій праздникъ“.

Однако продолженіе предпричастной молитвы звучитъ отчетливѣе.

Направляюсь въ общую палату...

Передъ двумя послѣдними койками стоитъ въ эпитрахили священникъ, съ довольно коротко остриженными волосами, по „модному“ (столичное духовенство, преимущественно молодежь, невозбранно урѣзываютъ свои косы и бороды); въ рукахъ служителя алтаря маленькая чаша со Св. Дарами; одинъ больной привсталъ и готовился къ св. причастію, также и другой, по имени Алексѣй Антоновичъ Головешкинъ, осѣняя широкую грудь широкимъ крестомъ, ждалъ, сидя въ кровати, своей очереди...

Нѣкоторые больные слѣдили съ благоговѣніемъ, а иные съ нескрываемымъ равнодушіемъ и даже насмѣшкой, въ особенности зло смотрѣлъ Михаилъ Ивановичъ...

Больные причастились... Священникъ бла-

гословилъ ихъ крестомъ, со словами: „ну, поправляйтесь... будьте здоровы“ и... на минуту остановился въ ожиданіи чего-то...

Первый больной, значительно слабый, тотчасъ же легъ, а Головеткинъ протянулъ руку къ батюшкѣ: „потрудитесь взять“...

— Да къ чему это? произнесъ священникъ, протягивая свою бѣлую руку, можетъ быть вы сами нуждаетесь? (Беретъ деньги).

— Нѣтъ, батюшка, не взыщите на маломъ, а я такъ пріученъ родителями съ дѣтства...

Батюшка быстро вышелъ изъ палаты.

Михаилъ Ивановичъ громко расхохотался, при моемъ вопросѣ:

— Сколько вы ему дали?...

— Пятьнадцать копѣекъ...

— Ему годится, продолжалъ совсѣмъ озлобленно Михаилъ Ивановичъ,—всякое даяніе благо... Слушайте... Этотъ священникъ четыре года тому назадъ, когда я отсюда хоронилъ свою шестимѣсячную Сашу, послѣ скарлатины, (дочка здѣсь умерла), то онъ самый (я помню его лице!) потребовалъ съ меня добавить еще 30 коп. къ полтиннику, который я далъ ему за отпѣваніе... Пришлось вынуть 80 коп. Мало ему показалось за труды... Непомѣрная алчность! Съ тѣхъ поръ я не встрѣчался съ нимъ до сегодня. И сознаюсь, господа, онъ отвратилъ меня этими тридцатью копѣйками, іудинымъ числомъ,

на столько, что я пересталъ ходить въ церковь и къ причастію... „Каюсь всенародно въ своемъ прегрѣше ніи. Поповская жадность меня сгубила. Молюсь дома по своему“!..

Дальнѣйшія разсужденія обиженнаго мастерового нахожу излишнимъ передавать, хотя они во многомъ заслуживаютъ вниманія...

Хотуновъ закончилъ такъ: „вѣрьте, баринъ, говорю по чести настоящую правду и готовъ хоть сейчасъ подтвердить свои слова присягой, съ цѣлымъ рядомъ свидѣтелей... Въ нашихъ приходскихъ церквахъ Москвы нигдѣ духовенство не требуетъ прибавки къ тому, что каждый дастъ по усердію, а больничные попы торгуются и получаютъ хорошее жалованье. Обидно за ихъ священный санъ“!.. Хотуновъ глубоко вздохнулъ.

— Ну, поздравляю васъ, дружески сказалъ уважаемый докторъ Михаилъ Павловичъ Воробьевъ, при самомъ тщательномъ осмотрѣ меня въ послѣдній разъ,—теперь вы можете ѣхать домой... Сегодня послѣ ванны съ Богомъ... Нѣтъ оспы! Отдыхайте хорошенько, а главное не волнуйтесь, иначе могутъ быть осложненія...

— Въ тюрьмѣ отдохну, сказалъ я уныло...

— Христосъ съ вами, развѣ больныхъ сажаютъ за рѣшетку,—на всякій случай я приготовилъ вамъ свидѣтельство, которое

гарантируетъ ваше мирное отдохновеніе, по крайней мѣрѣ, на мѣсяцъ. Еще разъ повторяю необходимо возстановить ваше душевное равновѣсіе... Желаю здоровья! прощайте...

Я мого встрѣчалъ сердечныхъ докторовъ, но такого милаго и обязательнаго „человѣка друга у постели страждущаго“ мнѣ привелось видѣть первый разъ среди 64-хъ лѣтней сознательной жизни...

И немудрено, что и всѣ его подчиненные вполнѣ олицетворяютъ собою старинную пословицу, каковъ попъ, таковъ и приходъ“...

Сознаюсь, что больницу я оставилъ съ сожалѣніемъ. Врядъ ли придется мнѣ встрѣтить такихъ людей... Спасибо имъ!

Въ заключеніе скажу по совѣсти, что безкорыстное и самое трогательное исполненіе служебнаго долга руководило каждымъ во второмъ корпусѣ Сокольничьей больницы, за что еще разъ земно кланяюсь и прошу великодушнаго прощенія, если мои отрывочные наброски кого-либо могли обидѣть...

Я всегда твердо памятую слова великаго поэта:

„Кто крестъ однажды хочетъ несть,
Тотъ распинаемъ будетъ вѣчно,
И если счастье въ жертвѣ есть,
Онъ будетъ счастливъ безконечно“...

Изъ тюремной камеры № 21.

I.

„Благословляйте гонителей вашихъ, благословляйте, а не проклинайте“.

(Посл. къ Римл. ап. Павла, гл. 12, ст. 14).

Вчера я отбылъ двухнедѣльный арестъ при „губернской тюрьмѣ“, за отсутствіемъ гауптвахты, и, по обыкновенію, спѣшу подѣлиться своими впечатлѣніями съ моими дорогими читателями, личное посѣщеніе которыхъ заставляло „подъ замкомъ и желѣзной рѣшеткой“ плакать самыми восторженными слезами горячей благодарности, въ особенности

когда я прочелъ въ тюрьмѣ евангельскія слова Спасителя: „алкалъ Я, и вы дали Мнѣ ѣсть; жаждалъ, и вы напоили Меня; былъ странникомъ, и вы приняли Меня; былъ нагъ, и вы посѣтили Меня; въ темницѣ былъ, и вы пришли ко Мнѣ". (Матѳ. гл. 25, ст. 35—36). Наконецъ и сейчасъ, по возвращеніи домой, прочитанныя мною „у рабочаго станка" письма, съ телеграммами, снова тронули меня до слезъ. Не оскудѣла новгородская земля добрыми сердцами!..

Считаю священнымъ долгомъ горячо благодарить маститаго протоіерея о. Петра Рождественскаго, начальника тюрьмы С. І. Михайловскаго, его помощника П. А. Гилецкаго и всѣхъ надзирателей за высокогуманное отношеніе не только ко мнѣ, но и ко всѣмъ заключеннымъ, вообще, въ смыслѣ христіанской любви къ ближнему, въ минуты горя...

Затѣмъ не могу не поклониться добрымъ людямъ, посѣтившимъ меня „въ домѣ печали и слезъ"; равно почтившимъ меня письмами и депешами, а именно: о. архимандриту Анатолію, священникамъ: о. Алексѣю Успенскому, о Сергію Соболеву, о. Ф. Знаменскому, всечестной игуменіи Десятин. монастыря матушкѣ Людмилѣ, игуменьѣ Аггіи, настоятельницѣ Звав. монастыря, А. П. Со-

нальскому, Павл. Пв. Садовникову, С. П. Рыбакову, г. м. М. П. Бархаткину, П. П. Бархаткиной, Егору Макс. Кручинину, Н. А. Фомину, Пв. П. Коптѣлову, Д. В. Пирожникову, С. П. Петрову, П. Д. Воронову, К. Н. Кормилеву, П. Д. Боголюбову, П. М. Боголюбовой, А. Е. Вороновой, М. Д. Чарновской, А. П. Мельгуновой, Пв. Ем. Кузнецову, съ семействомъ, и всѣмъ друзьямъ, усладившимъ своимъ братскимъ вниманіемъ горечь дней моего заточенія въ темницѣ ..

Земно кланяюсь за память, цвѣты, хлѣбъ-соль и всепрощеніе моихъ вольныхъ и невольныхъ прегрѣшеній...

Только, съ потерей свободы, человѣкъ можетъ познавать себя...

Только въ минуты самоуглубленія, подъ звонъ цѣпей и „скрипъ тюремной двери", каждый является себѣ самымъ строгимъ судьей, учитывающимъ все содѣянное и впосящимъ безапелляціонное рѣшеніе нелицепріятной справедливости...

Свой приговоръ немедленно приводится въ исполненіе, какъ расплата и возмездіе... И, говоря по совѣсти, какъ недавно я каялся „на духу" высокочтимому пастырю, а нынѣ моему „духовному отцу", маститому протоіерею о. Петру Ефимовичу Рождественскому,

что „человѣческая“ любовь восторжествовала надъ „юридической“ карой...

Я не только не чувствовалъ „начальственнаго“ угнетенія, въ смыслѣ отягощенія присужденнаго наказанія, но съ каждымъ днемъ убѣждался, что „стопы сердца моего“, въ сравненіи съ другими „товарищами“ по заключенію, могли быть старчески наивны и даже преступны... Гуманнѣе и сердечнѣе отношенія, можетъ быть лично ко мнѣ, я никогда не ожидалъ, тѣмъ болѣе послѣ предупрежденій и даже настойчивыхъ требованій моихъ друзей обязательно отбывать наказаніе въ столицѣ, гдѣ болѣе „мягче“ режимъ и содержаніе, чѣмъ въ новгородской тюрьмѣ, приспособленной, въ смыслѣ гигіены и караульной службы, только на 250 человѣкъ и нынѣ содержащей въ себѣ до 700 заключенныхъ...

Меня пугали строгостью начальника и его подчиненныхъ, передавая легендарные ужасы, чуть не звѣрства... Тѣмъ не менѣе, всѣ эти страшныя свѣдѣнія еще болѣе подкрѣпили меня „испить чашу“ именно тамъ, гдѣ люди, „какъ въ подземной тюрьмѣ безъ свѣчи...

„терпятъ любя, терпятъ прощая,
и лучшей участи не ждутъ“...

Въ подкрѣпленіе своего рѣшенія, я гово-

рилъ, что въ Новгородѣ прошли 35-ть лѣтъ лучшей моей треволненной жизни, съ надеждой быть и погребеннымъ въ славной землѣ нашихъ предковъ, а посему никуда въ другой городъ не перекочую и буду сидѣть въ „вошючей и сырой“ тюрьмѣ...

При первой вѣсти объ арестѣ, я обращался лично къ г. прокурору новгородскаго окружнаго суда, К. П. Драницыну, съ просьбой „дать отсрочку на два—три дня для урегулированія текущихъ и денежныхъ дѣлъ“, но, при самомъ любезномъ вниманіи К. П. Драницына и его товарища г. Шнейдера, оказалось, что „я долженъ былъ уже сидѣть съ 2 сентября“, такъ какъ еще наканунѣ получилось распоряженіе Спб. Судебн. Палаты о приведеніи приговора въ исполненіе.

Слѣдовательно дальнѣйшіе переговоры оказались излишними...

Свершилось!!!

Благословивъ дѣтей, я заѣхалъ въ Софійскую часть, и въ сопровожденіи г. полиц. пристава Г. П. Сукина, быстро покатилъ на своемъ „Васькѣ—казакѣ“ къ воротамъ тюрьмы.

Знакомый привратникъ Степанъ Кириловъ, часто бывавшій въ моемъ домѣ съ рабочими, встрѣтилъ меня, лихо взявъ подъ козырекъ, такимъ возгласомъ: „здравія желаемъ, Илъ

Ивановичъ, кого прикажете позвать?

— Попрошу васъ пропустить меня, какъ арестанта въ тюрьму...

— Никакъ нѣтъ съ, позвольте шутить; не могу безъ дозволенія г-на начальника, отпарировалъ, улыбаясь, ретивый служака.

— Вы видите, что я не одинъ, а подъ конвоемъ.

Г. приставъ махнулъ рукой и... желѣзная дверь быстро распахнулась предо мной...

Мы вошли во дворъ...

Вслѣдъ послышалось громкое восклицаніе: „вотъ такъ оказія"!..

Въ конторѣ насъ встрѣтили болѣе чѣмъ привѣтливо два молодыхъ человѣка и отецъ діаконъ тюремной церкви, Мих. Мих. Свѣтловъ, въ подрясникѣ, также занимавшійся за письменнымъ столомъ „приватно" въ канцеляріи...

Всѣ смотрѣли дружелюбно, безъ тѣни злобы, или заносчивости..

На душѣ моей просвѣтлѣло ..

Отецъ діаконъ. видимо изъ желанія сказать что либо привѣтственное, произнесъ, улыбаясь: „Господь Богъ и не то претерпѣлъ —не сумпѣвайтесь,—отъ сумы да отъ тюрьмы никто не спасешь... Живо пролетитъ время— у насъ хорошо, тихо, отоспитесь и отдохне-

те. Мы вотъ тоже сидимъ здѣсь чуть не круглые сутки и, какъ изволите видѣть, тоже за рѣшетками... Не ропщемъ, а благодаримъ Создателя за неизреченныя щедроты и милости.

— Пожалуйте, Илъ Ивановичъ, прервалъ дьяконскую рѣчь позади меня довольно внушительный голосъ.

Я обернулся...

Бравая фигура въ мундирѣ съ золотымъ галуномъ, и связкой ключей въ рукахъ...

Типичное лицо, характерные усы, стальные глаза, невольно смутили мое хладнокровіе.

Это былъ старшій надзиратель (его имя, какъ мнѣ сообщили на другое утро, Николай Федоровичъ Бѣлорусовъ).

— Куда прикажите идти?..

— За мной—сюда—не оступитесь—маленько темновато—тутъ изъ дверей двѣ ступеньки...

Мы направились черезъ дворъ въ другое зданіе...

Наши шаги гулко раздавались по коридору... Мертвый домъ...

Вотъ гдѣ плачъ и скрежетъ зубовный... Вотъ гдѣ чистилище Данте..

Миновали коридоръ; по бокамъ на дверяхъ чередуются надписи: „темный карцеръ, свѣтлый карцеръ“...

Одна лѣстница, другая...

Видѣются желѣзныя рѣшетки во всю длину и ширину корридоровъ...

Тамъ стоятъ надзиратели и почему то „козыряютъ“...

Я почтительно снимаю шапку..

— Дежурный, крикнулъ старшій — отворить 21-ую камеру...

Зазвенѣли ключи и еще громче щелкнулъ желѣзный засовъ толстой двери...

Невольно я вздрогнулъ...

— Что, испугались, спросилъ участливо старшій,—ничего-съ, это спервоначалу, а скоро обвыкнете—тутъ покойно...Пожалуйста, вотъ-съ вамъ и постелька. Если что потребуется утромъ, то стукните въ дверь — звонка нѣтъ... Ранѣе тутъ онъ былъ, да г. начальникъ сняли,—арестованные много баловали и задаромъ вызывали надзирателя. Спокойной ночи“!

Дверь грузно захлопнулась...

Засовъ еще рѣзче звякнулъ, подъ аккомпанименть замка и ключей...

Шаги затихли...

Наступила могильная тишина!..

Я остался одинъ въ каменномъ склепѣ..

Чу!..

„ Печальный звонъ—кандальный звонъ!“.

II.

Когда въ душу, змѣей подколодной,
Заползаетъ томящій, холодный,
Пустоты безотрадный недугъ,
Иль бушуютъ въ ней темныя власти—
Однѣ дикія, звѣрскія страсти,—
Объ одномъ намъ осталось молить:
Помоги намъ, о, Боже, любить!..

А. Орловъ.

Одинъ—совсѣмъ одинъ!..

„Друзи мои отдалече мене сташа“!

Я стоялъ по среди камеры, не шелохнувшись, около часа, если не болѣе...

На деревянномъ столѣ моргала семилинейная лампочка не то желтымъ, не то кроваво-красненькимъ огонькомъ.

Высокая камера, на половину окрашенная сѣрой краской, казалась еще выше и сумрачнѣе, не смотря на то, что верхняя ея половина и потолокъ были выбѣлены мѣломъ, или известкой...

Въ переднемъ углу еле виднѣлась икона Спасителя; противъ печки, близъ окна, съ лѣвой стороны двери, на деревянныхъ козлахъ „горой“ лежалъ туго набитый чѣмъ то жестким, колючимъ, мѣшокъ „изъ поскони“, называемой арестантами „дерюгой“, съ такой

же подушкой въ незашитой пестрядиновой наволочкѣ, откуда торчали колосья соломы; вмѣсто одѣяла—кусокъ сѣраго арестантскаго сукна, длиной въ три аршина, а за простыню служили два куска новой парусины сѣрой и синей набивной.

По стѣнамъ двѣ деревянныхъ вѣшалки,—(вотъ бы покопчить съ собой, почему то пришло мнѣ въ голову!); деревянная скамейка, съ ведромъ, околоченнымъ тремя желѣзными обручами и покрытая вырѣзкой изъ подъ сидѣнья вѣнскаго стула; въ углу ящикъ „съ парашкой“, сильно отдававшей „карболкой“; напротивъ жестяной рукомойникъ, съ деревянной шайкой; три табуретки и большое окно, съ десятью стеклами и желѣзными прутьями, вдоль и поперекъ съ остроконечными крючьями...

Неужели тутъ проживу 14 дней?.. Какъ я лягу на этотъ мѣшокъ?

„Се ми гробъ предлежитъ, се ми смерть предстоитъ“?!

Тяжелые вопросы быстро чередовались въ моемъ воспаленномъ мозгу, словно живыя галлюнаціи...

Вдругъ лязгъ ключей и рѣзкое отдергиваніе на петляхъ желѣзнаго засова...

Отъ неожиданнаго шума я едва устоялъ на ногахъ...

Дверь съ шумомъ отворилась...

— Вотъ-съ прислали постельное бѣлье изъ дома, съ тюфякомъ, громко сказалъ старшій надзиратель Николай Федоровичъ, — теперь мягко вамъ будетъ спать...

Одинъ изъ надзирателей (не помню его имени) вѣжливо предложилъ услуги послать кровать...

— Нѣтъ, благодарю, замѣтилъ я, — самъ устроюсь, все таки развлеченіе на досугѣ...

— Точно такъ съ! пріятнаго сна, теперь мы васъ запремъ до утра... Спите съ Богомъ!

— Скажите пожалуста въ ведрѣ сырая вода?

— Никакъ нѣтъ-съ — кипяченая, только, значитъ, остуженная... Всѣмъ арестантамъ такую даютъ, чтобы не захворали отъ сырой... Знаете какое время?.. Тоже опасаемся заразы.

Снова затрещали двери, засовъ, ключи и удалявшіеся шаги нѣсколькихъ лицъ внизъ по лѣстницѣ...

Я прошелся по камерѣ и сосчиталъ восемь шаговъ отъ двери до окна и пять въ ширину.

Хорошій моціонъ...

Посреди двери въ кругломъ отверстіи отсвѣчивалъ на стеклѣ „глазокъ“, изъ котораго дежурный надзиратель наблюдаетъ за пове-

деніемъ заключенныхъ,—стало быть каждый шагъ подъ контролемъ тюремнаго „ока“. Отрадно!!.

Долго пришлось укладывать мой волосяной тюфякъ на сѣнникъ, съ котораго онъ соскальзывалъ при малѣйшемъ толчкѣ и взобраться на него можно было только при помощи табуретки...

Послышались со двора свистки караульныхъ. Я боялся подойти къ окну изъ опасенія ружейнаго выстрѣла, такъ какъ говорили ранѣе до заключенія, что часовой имѣетъ право убить каждаго, смотрящаго на улицу изъ камеры... Невеселая перспектива!..

Какъ вдругъ новый, сильнѣе прежняго, стукъ и стонъ двери...

Около восьми часовъ вечера въ камеру вошелъ начальникъ тюрьмы, С. А. Михайловскій, и своею привѣтливостію воскресилъ меня.

Ни тѣни начальства, точно свидѣлись старые знакомые, хотя ранѣе мы, какъ говорится, не бывали другъ у друга, но имѣли дѣловыя сношенія по заказамъ въ тюремной мастерской и работамъ въ моемъ домѣ заключенными, которыхъ я всегда съ удовольствіемъ приглашаю, какъ необыкновенно усердныхъ и добросовѣстныхъ плотниковъ, землекоповъ и печниковъ...

Душевное мое настроеніе сразу просвѣтлѣло, въ особенности, когда любезный Сергѣй Александровичъ сказалъ, что завтра я могу быть въ церкви за обѣдней и стоять „съ нимъ особо“, близъ свѣчной выручки.

Кромѣ того, онъ обѣщалъ прислать на другой день кабинетную лампу и вообще любезно убѣждалъ не стѣсняться „въ законныхъ“ удобствахъ и требованіяхъ.

Мы разстались съ крѣпкими рукопожатіями другъ другу...

— Ну, спите спокойно, сказалъ, прощаясь, Сергѣй Александровичъ...

Дверь захлопнулась...

Ради предосторожности „на всякій случай“ я загасилъ лампу и тотчасъ на улицѣ раздались еще сильнѣе тревожные свистки одинъ за другимъ...

Изъ окна я замѣтилъ, при свѣтѣ уличнаго фонаря, что вскорѣ къ часовому подошло нѣсколько надзирателей и они указывали, какъ будто, по крайней мѣрѣ мнѣ такъ показалось, нѣсколько разъ на мое окно...

Однако они разошлись мирно и свистки стали чередоваться рѣже...

Я рѣшилъ бодрствовать всю ночь на табуреткѣ, близъ постели, не рискуя туда „взобраться“...

Въ воскресенье, 5 сентября, около семи часовъ утра, послышался внизу тревожный звонокъ и, спустя десять минутъ, второй...

По корридору пронесся крикъ Бѣлорусова на „повѣрку“.

Шаги приближались къ моей камерѣ...

Загремѣлъ засовъ и вошелъ съ карандашемъ въ рукахъ Николай Федоровичъ съ четырьмя надзирателями...

— Съ добрымъ утромъ. Какъ спали!.. О, да у васъ и постель не смята?.. Видно съ непривычки вамъ не спалось?.. Ничего... Богъ дастъ пріобвыкнете!.. Только прошу васъ напредки не тушить лампы ночью... Это запрещено... Часовой вчера поднялъ тревогу... Докладывали г. начальнику... Впередъ не надо нарушать нашихъ правилъ... Ну, да я забылъ васъ предупредить—ничаго-съ, все обошлось благополучно. Теперь прикажите корридорному подать кипяточку! Гаврило, живо сходи на кухню и завари чай!..

Въ камеру вошелъ въ арестантской курткѣ, съ симпатичнымъ лицемъ, одинъ изъ заключенныхъ и, взявъ „на заварку“ чай, быстро возвратился съ кипяткомъ въ чайникѣ, присланномъ мнѣ изъ дома съ постельнымъ бѣльемъ и двумя книгами—евангеліемъ и стихотвореніями Н. А. Некрасова.

Мой корридорный оказался Гаврилой Андреевичемъ Хромовымъ, бывшимъ служащимъ въ живописной Волховской фабрики почтеннѣйшаго Ивана Емельяновича Кузнецова и нынѣ отбывающій тяжкое наказаніе за убійство, вѣрнѣе, случайную смерть своей жены, во время супружеской ссоры „по пьяному дѣлу“... Три его малолѣтнія дочери „сиротки“ живутъ на иждивеніи неизмѣнно отзывчиваго къ людскому горю Ив. Ем. Кузнецова.

III.

Тщетно отголосковъ жизни ловитъ ухо,
Нѣтъ живого звука, все мертво и глухо...
Вѣетъ отовсюду холодомъ могилы...

М. Розенгеймъ.

Къ восьми часамъ утра я выпилъ два стакана чаю и почувствовалъ облегченіе, въ ожиданіи свиданія съ дѣтьми.

Моя камера оказалась высокой, свѣтлой, безъ малѣйшей соринки, либо паутинки; полъ,

какъ говорятъ въ тюрьмѣ, „вылизанъ языкомъ на совѣсть“,—лучшую комнату трудно себѣ представить среди всего тюремнаго замка, гдѣ самая контора и кабинетъ начальника много хуже и темнѣе.

Видъ въ окно черезъ мостъ до самаго Волхова; ежедневно утромъ и въ полдень аккуратно шли Забѣлинскіе пароходы около 45-ти секундъ; по правой сторонѣ Свято-Духовъ монастырь, съ своей двухъэтажной гостинницей, окна которой, съ бѣлыми занавѣсочками, въ теченіе 14-ти сутокъ моего наблюденія, частенько днемъ быстро задергивались и снова открывались, а по вечерамъ мелькали въ нихъ привѣтливо огоньки иногда далеко за полночь.

„Доходятъ до дверей темницы
Любви и воли голоса“...*)

Къ офицерскому собранію, въ полковыхъ казармахъ, постоянное движеніе славныхъ выборгцевъ и артиллерійской бригады..

Обыватели Петербургской слободки снѣшили къ обѣдиѣ въ городъ разноцвѣтными группами и каждый отдѣльно, съ корзиночкой на базаръ.

---

*) Н. А. Некрасовъ.

Вотъ сапожныхъ дѣлъ мастеръ, извѣстный „театралъ-критикъ“ Ефимъ Яковлевичъ, проѣхалъ на двухколескѣ. Быстрый топотъ маленькой его лошадки гулко несется въ мое окно и если я... „вздумалъ бы плакать, наплакалъ бы море“...

Всѣ гуляютъ на свободѣ, а я подъ замкомъ...

Тяжело и, охъ, какъ больно щемило сердце!..

Къ счастью загудѣлъ соборный, либо юрьевскій, колоколъ своимъ „малиновымъ“ звономъ.. Немедленно послышался и нашъ тюремный благовѣстъ, точно пожарный набатъ, торопливо-заунывный...

Я осѣнилъ грудь крестнымъ знаменіемъ и сталъ шептать про себя „Милосердіе двери отверзи“, съ полной надеждой, что меня освободятъ тотчасъ изъ подъ замка...

По корридору неслись звуки кандальныхъ цѣпей. Это шли заключенные къ обѣдни... По дорогѣ къ тюрьмѣ женщины „съ воли“ несли грудныхъ ребятъ, вѣроятно, къ св. причастію.

Вотъ и отрезвонили, но я въ заперти—должно быть нельзя, или забыли?! Громко постучать стѣсняюсь: вдругъ скажутъ „не дозволено“.

Значитъ—терпи и молчи...

Прозвонили „къ достойному“...

Я не стерпѣлъ и постучался въ дверь!

— Что вамъ угодно, раздался голосъ надзирателя изъ корридора,—чего надоть?

— Доложите пожалуйста г-ну начальнику можно ли мнѣ быть въ церкви?..

— Сичасъ...

Прошло около 15 минутъ довольно томительнаго ожиданія...

Дверь шумно отворилась и быстро вошелъ С. А. Михайловскій, съ такими словами: „виноватъ не было времени,—но мы застанемъ еще... пойдемте...

Дверь моей камеры какъ разъ приходилась противъ входа въ церковь, куда я вошелъ съ давно небывалымъ благоговѣніемъ. Свѣтлый храмъ въ два яруса... Посреди стояли „вольные люди“, а по бокамъ, за баллюстрадой, справа, заключенные мужчины, а слѣва, позади свѣчной выручки, женщины—арестантки.

Маститый настоятель церкви, горячолюбимый протоіерей о. Петръ Ефим. Рождественскій, стоя на колѣняхъ, глубоковыразительно читалъ молитву передъ образомъ Царицы Небесной всѣхъ скорбящихъ.

Богомольцы колѣнопреклоненно, многіе со слезами, повторяли каждое слово...

Невольно и мнѣ вспоминалось давпочитанное стихотвореніе:

„Мать Скорбящая Сына распятаго,
Всѣмъ угнетеннымъ внемли“!..

Въ эту минуту чувствовалось, что дѣйствительно совершалось моленіе „едиными устами и единымъ сердцемъ“..

Каждый искалъ утѣшенія и просилъ „великія и богатыя милости“...

Вообще богослуженія отца Петра производятъ самое умилительное впечатлѣніе...

Передо мной сейчасъ благоговѣйное лицо каторжника Матвѣя Борисова, съ неподвижно устремленными глазами на св. образъ Скорбящей Богородицы, да и многіе стояли точно загипнотизированные...

Невольно воскликнешь, „кто на морѣ, въ тюрьмѣ и на сценѣ не бывалъ, тотъ Богу не молился“.

Говорю по опыту, безъ малѣйшаго преувеличенія...

Арестанскій хоръ замѣчательно стройно исполнялъ всѣ пѣснопѣнія; среди пѣвчихъ находились, бывшій нашъ воспитанникъ, реалистъ Сережа Тимофеевъ и каторжникъ въ кандалахъ изъ камеры № 12 Павелъ Никифоровъ Бронзовъ, оба прекрасно читаютъ и поютъ: первый теноръ, второй басъ.

Мнѣ пришлось познакомиться съ ними на

клиросѣ, когда я рисковалъ читать шестопсалмы и подтягивать въ тонъ Бронзову...

По окончаніи литургіи о. Петръ, при моемъ поцѣлуѣ св. креста, отечески облобызалъ меня публично, среди храма, и благословилъ просфорой, съ поучительными словами: „Мужайтесь, Царица небесная поможетъ вамъ перенести ниспосланное наказаніе“!..

Въ благодарность я горячо поцѣловалъ руку добраго пастыря...

Изъ церкви я воротился въ камеру съ начальникомъ тюрьмы, который любезно сообщилъ, что „вся отдѣлка и въ особенности наружное украшеніе Креста Господня и чудотворной иконы обязано щедрому пожертвованію члена город. управы Дм. Васильевича Пирожникова, въ томъ числѣ и установка новыхъ хоругвей, лампадъ и другихъ церковныхъ предметовъ сдѣланы на его личныя средства“.

Почтеннѣйшій Дмитрій Васильевичъ 4-го сентября не былъ въ церкви.

Свѣчами торговалъ больничный надзиратель Яковъ Федоровъ, старый служака и ревнивый молитвенникъ.

При постановкѣ каждой свѣчи предъ образомъ, Яковъ Федоровъ усердно клалъ земные

поклоны, крѣпко стуча лбомъ въ половыя доски... Ему поручена уборка церкви.

С. А. Михайловскій, разставаясь со мной, просилъ не стѣсняться прогулкой на дворѣ, за исключеніемъ только времени, когда выпускаютъ изъ камеры „политиковъ“ на 40 минутъ въ день для свѣжаго воздуха.

Конечно я благодарилъ за благосклонное дозволеніе, съ обѣщаніемъ не злоупотреблять довѣріемъ.

Не успѣлъ я разстаться съ С. А. Михайловскимъ, какъ вошелъ въ камеру о. Петръ Рождественскій, крѣпко укутанный теплымъ платкомъ вокругъ шеи... Онъ тяжело дышалъ.

— Ахъ, пожалуйста, закройте окно, сквозитъ, можно простудиться...

— Съ удовольствіемъ.

—Я еще разъ зашелъ утѣшить васъ, началъ батюшка ласковымъ голосомъ,—не сокрушайтесь за ниспосланное испытаніе свыше... отъ сумы да отъ тюрьмы никто не можетъ упастись... всѣ ходимъ во грѣсѣхъ .. не отчаявайтесь, а несите крестъ съ благодарностью ко Всевышнему... Ваше дѣло непозорное, каждому оно извѣстно“ и т. д.

Среди „отеческой“ рѣчи мнѣ пришло на мысль давнишнее желаніе „пріобщиться“ тѣмъ

болѣе, что за послѣдніе два года я не выполнялъ св. таинства...

— „Съ особымъ удовольствіемъ одобряю ваше благое намѣреніе и да сподобитъ Господь принять Его Святое Тѣло и Кровь... Богъ васъ да укрѣпитъ, покайтесь и вамъ будетъ легче на сердцѣ“...

Мы разстались послѣ нѣсколькихъ взаимныхъ поцѣлуевъ и объятій.

Щелкнулъ замокъ и я снова одинъ...

По мосту вижу быстро промчавшуюся коляску на сѣромъ рысакѣ...

„Она“ въ роскошной шляпкѣ сидѣла лицемъ къ тюрьмѣ...

Сіяющая, полногрудая, цвѣтущая здоровьемъ...

Это былъ мигъ бѣсовскаго искушенія...

Близъ монастырской стѣны, смотрю первно ходившую „барышню“ взадъ и впередъ, какъ будто въ ожиданіи кого-то... И подозрѣніе оправдалось...

Вдали показался офицеръ въ пакидкѣ... Молодой, красивый...

Барышня пошла на встрѣчу „къ нему“ быстрыми шагами.

Сошлись... Что-то усиленно жестикулируютъ другъ противъ друга... Наконецъ офицеръ предложилъ руку и „парочка“ направилась въ слободку... Заворковали...

Лица показались мнѣ знакомыми...

Стукъ въ двери...

— Пожалуйте на свиданіе въ контору.

— Кто зоветъ?

— Кажется ваши дѣти... Я направился въ сопровожденіи „подчастка“, значитъ подъ конвоемъ... Не доставало только ружья со штыкомъ.

Довольно тяжелая прогулка...

Въ корридорахъ встрѣчаются кандальники съ ушатами горячей пищи и кипятка...

На дворѣ „гуляютъ“ женщины арестантки въ бѣлыхъ платочкахъ на головѣ и синихъ юбкахъ...

— „Это наши институтки, сказалъ мнѣ, смѣясь, подчастокъ Семеновъ,—ишь выступаютъ другъ за дружкой точно павы, а все воровки, да убійцы... Жаль ихъ дѣтей, вотъ посмотрите на рукахъ двѣ Катюшки, одна будетъ здѣсь жить 12 ть лѣтъ, другая 15-ть... вотъ нашъ Федя, онъ тутъ и родился... теперь ему три года... Нашъ сынокъ“...

Мы вошли въ контору...

Дочери бросились мнѣ въ объятія, ну...

„Это дѣла семейныя“...

Не интересно для постороняго...

Невольно въ тѣ минуты вспоминалось некрасовское четверостишіе:

Что враги? Пусть клевещутъ язвительнѣй,
Я пощады у нихъ не прошу:
Не придумать имъ казни мучительнѣй,
Той, которую въ сердцѣ ношу!

IV.

. . . . . Хочу я сказать,
Спасибо вамъ, русскіе люди!
. . . . .
Ты любишь несчастнаго, русскій народъ!
. . . . . .
Примите мой низкій поклонъ, бѣдняки!
Спасибо вамъ всѣмъ посылаю!

Н. А. Некрасовъ.

Послѣ свиданія съ дочерьми, отъѣздъ которыхъ я смотрѣлъ сквозь тюремную рѣшетку въ окнѣ, сильнѣе и больнѣе почувствовалось лишеніе свободы...

„Марія Ниловна“, моя младшая „хозяйка дома“, усиленно махала платкомъ изъ коляски...

Я незамѣтно осѣнялъ дочь крестнымъ знаменіемъ и... экипажъ скрылся по Петербургской улицѣ...

Я зарыдалъ настолько сильно, что дежурный, услышавшій, или же подсмотрѣвшій въ дверной „глазокъ“ мое „непормальное“ поведеніе быстро отворилъ дверь,—(въ ту минуту даже лязгъ ключей, съ желѣзнымъ засовомъ, мною былъ не замѣченъ!) и участливо произнесъ: „Рази можно такъ плакать—пожалѣйте себя, вашскородіе, вѣдь не на каторгу васъ ссылаютъ, али къ смерти“!..

Сразу утѣшилъ вѣрный и зоркій стражъ... „Плакса старикашка“...

Я извинился за нарушеніе порядка, съ просьбой никому „не докладывать“ про мое безобразіе...

— „Вы бы покушали что нибудь—все полегчаетъ, да и засните, а то ступайте на прогулку... вѣтеркомъ васъ обдуетъ, продолжалъ надзиратель,—э, да вотъ вамъ несутъ обѣдъ-слава Богу—таперича развлечетесь“.

Гаврила, въ сопровожденіи „подчастка“, внесъ въ камеру судки съ кушаньемъ...

— Это изъ дома, спросилъ я?..

— Никакъ нѣтъ-съ—это съ желѣзной дороги отъ Александра Яковлевича Малоховича... онъ просилъ сказать, что каждный день будетъ

вамъ присылать чего угодно „изъ жалости“...

Значитъ „подаяніе“ арестанту...

— Поблагодарите его!..

Я хлѣбнулъ застывшій бульонъ, съ замерзшей коркой сала, и все остальное отдалъ Гаврилѣ...

— Можно разогрѣть на больничной плитѣ —Василій у насъ хорошій поваръ...

— Благодарю васъ—кушайте на здоровье... Я сытъ...

Во всѣ послѣдующіе дни много присылалось мнѣ „подаяній“ отъ „сердечныхъ людей“ лично и черезъ посыльныхъ: просфоры, булки, пироги, цвѣты, фрукты, гастрономическія закуски, деликатесы, табакъ, сигары, папиросы и все мною дѣлилось среди заключенныхъ, преимущественно съ каторжанами...

Безъ преувеличенія говорю, на одного человѣка провизіи хватило бы на круглый годъ...

Низко кланяюсь „друзьямъ“ отъ имени одной части заключенныхъ; „всѣмъ 600-мъ“ конечно не доставалось,—но одна четверть изъ нихъ не разъ говорила искреннее спасибо „благодѣтелямъ“...

— Только въ Пасху мы такъ разговляемся, всегда слышалось изъ закрывавшейся двери, когда подавалась деревянная чашка съ разрѣзанными кусочками ветчины, колбасы,

ситника, пироговъ и др. продуктовъ...

Въ цѣломъ видѣ ничего не подается арестантамъ... „крошево“.

Также и тюремнымъ голубямъ я, съ удовольствіемъ, каждое утро ломалъ въ крошки зачерствѣлый хлѣбный „мякишъ“ и подгорѣлыя корки, обыкновенно бросаемыя „корридорными“ въ ящикъ, близъ цементной помойной ямы, по приказу арестантовъ покормить „божьихъ птичекъ“.

Прежде, до начальствованія С. А. Михайловскаго, хлѣбными кусками выкармливали къ Рождеству и Пасхѣ „борововъ пудовъ на десять вѣсу“, а теперь почему то нашли эту роскошь излишней, о чемъ сожалѣютъ многіе изъ каторжанъ...

— „Все бывало своей свинки поѣшь и вспомнишь домъ въ свѣтлый праздничекъ, а понѣ забыли ее „скусъ“...

Эти свѣдѣнія, равно и другія, добыты мною въ бесѣдѣ на дворѣ среди совмѣстныхъ работъ, когда невольно слушалъ „промежь себя“ откровенную бесѣду заключенныхъ...

Многое передать нельзя въ интересахъ пенитенціарной системы, но кое-что слышанное сохранится неизгладимо до поры до времени, если Господь продолжитъ мою жизнь и покончится приведеніе въ исполненіе суровыхъ

приговоровъ надъ моей старческой головой...

Предстоитъ еще *четырехмѣсячное* заключеніе *въ тюрьмѣ*...

Это легко написать, но какъ перенести?!... Татарину не пожелаю...

Около пяти часовъ пополудни мнѣ дозволили „прогулку“ на дворѣ...

Здѣсь приходится ходить кругообразно мимо кухни, кладовой, канцеляріи и пріемной...

Подъ навѣсомъ, гдѣ дрова пилятъ и гдѣ „дядя Арсеній“ собираетъ заново ушаты и чинитъ „парашки“, стоялъ арестантъ въ поискахъ чего-то, не то инструмента, не того стружекъ для растопки, не то ожидалъ меня..

— Баринъ, нѣтъ-ли папироски у васъ? Смерть хотца курнуть...

— Пожалуста, да и я закурю съ вами,— не угодно-ли?

Арестантъ взялъ сразу двѣ папироски, съ робкимъ вопросомъ,—вамъ не жаль дать еще лишнюю?..

— Возьмите хоть всѣ...

Я высыпалъ изъ портсигара остальные... Лицо „товарища“ просіяло.

— Дай Богъ здоровья... Спасибо... Давно не баловался, а хотца...

Собесѣдникъ жадно и глубоко проглатывалъ дымъ, долго его не выпуская наружу...

Видимо онъ смаковалъ...

— Ну, и табачекъ!.. Давно такого не доводилось намъ нюхать. Мы больше махорку —полукрупку... А вы, баринъ, не боитесь спать въ вашей камерѣ, тихо спросилъ онъ.

— Чего мнѣ опасаться, вѣдь я подъ замкомъ?

— Рази не знаете, что на вашей печкѣ удавился арестантъ?... Прямо на душникѣ... Страсть!..

Въ это время Шаховъ надзиратель крикнулъ моему собесѣднику „маршъ въ камеру“ и онъ быстро скрылся въ нижнемъ корридорѣ...

Отъ пріятной новости, сознаюсь чистосердечно, по спинѣ забѣгали мурашки... къ ночи сюрпризъ...

Совѣстно узнать подробности самоубійства... „Трусишка“ скажутъ...

Моя постель стояла какъ разъ противъ роковой печки и открытый душникъ зловѣще кидался въ глаза...

Туть ужъ не до сна!..

Всю ночь я сидѣлъ за столомъ, читая св. евангеліе, и не поворачиваясь къ печкѣ, какъ будто боясь оберпуться... Не веселыя минуты...

Съ четырехъ часовъ утра послышались въ корридорѣ шаги и звукъ цѣпей...

Тюрьма просыпалась ..

На моемъ подокопникѣ заворковали голубки...

Въ ожиданіи „повѣрки“ я сталъ крошить хлѣбъ и бросать крошки за рѣшетку открытаго окна...

Моментально прилетѣла масса разноцвѣтныхъ голубей и, съ жадностью, давя другъ друга, клевали кусочки хлѣба...

Птичье кормленіе ежедневно доставляло самое пріятное развлеченіе, хотя часовой, будка котораго стояла противъ моей камеры, зорко слѣдилъ и казалось, что ему это было „не по путру“, такъ какъ сердитые самцы немилосердно бились въ стекла и оставляли помѣтъ.

Я израсходовалъ всѣ булки...

Голуби съ шумомъ разлетѣлись...

Снова одинъ... Тоска смертная...

Я постучался въ дверь...

Къ счастью почтенный надзиратель Ѳоминъ, недавно бывшій городскимъ извощикомъ, услышалъ мой тревожный сигналъ...

— Что вамъ угодно?

— Нельзя ли мнѣ до повѣрки погулять на дворѣ?..

— Съ удовольствіемъ—вамъ можно, только нѣтъ подчастка, замѣтилъ стражъ, васъ сопровождать. Не желаете ли въ ватеръ? Теперь слободно, пока всѣ камеры на замкѣ—никто вамъ не помѣшаетъ. Э, да вы не спали? Ну, ступайте съ Богомъ гулять. Г-нъ начальникъ

не разсердится. Вы у насъ на особомъ положеніи и т. д.

Я быстро вышелъ изъ камеры...

По лѣстницамъ встрѣчались „корридорщики“ съ мокрыми швабрами...

Изъ темнаго карцера кто-то усиленно стучался и стоналъ...

На дворѣ спуютъ арестанты отъ хлѣбной кладовой въ кухню и обратно... Носятся мѣшки съ мукой, картофель... Близъ помойной ямы, въ корзинкѣ моютъ весьма тщательно коровьи головы и внутренности. Болѣе другихъ хлопочетъ стройный брюнетъ, съ французской эспаньолкой, въ арестантской курткѣ, на правахъ полновластнаго хозяина...

Знакомлюсь. Оказывается бывшій „прикащикъ“ чудовского завода П. Е. Кузнецова по имени Николай Ивановичъ Чечинъ, назначенный „старостой“ за расторопность.

Онъ завѣдуетъ кухней, назначаетъ „дневальныхъ“ въ помощь поварамъ и для наблюденія доброкачественности и вѣса съѣстныхъ продуктовъ „по табели“.

Каждый кусочекъ у него на учетѣ.

Все хозяйство ведется артельно, каждый знаетъ и видитъ ***что*** и ***сколько*** кладется въ котелъ, безъ малѣйшей „утайки“ чего либо по положенію, сверхъ нормы.

Вообще за всѣ дни моего заключенія никто не жаловался на обѣдъ...

Въ ужинѣ частенько подаются щи „пожиже“ изъ за разбавки, или не дохватки „хлѣбова“ на всѣхъ..·

Кладовая находится въ вѣдѣніи старшаго надзирателя Ефима Лукича Тюева, весьма симпатичнаго и скромнаго по лицу надзирателя, служащаго безвыходно изъ тюрьмы болѣе 20 лѣтъ, съ ежемѣсячнымъ жалованьемъ 45 руб., при готовой квартирѣ, отопленіи и освѣщеніи.

Больше всѣхъ получаетъ Николай Федоровичъ Бѣлорусовъ, какъ тюремный „полиціймейстеръ“, его такъ величаютъ заключенные, хотя по количеству лѣтъ службы онъ младше Тюева, но „ему хлопотливѣе“.

Эти два „служаки“, въ сущности, несутъ всю тяжесть тюремной жизни, пользуясь „выходомъ на свѣтъ Божій“ одинъ день черезъ двѣ недѣли и неся отвѣтственность за внутренній и наружный порядокъ...

Не разъ приходилось слышать изъ устъ этихъ надзирателей, что только „кровная нужда“ заставляетъ не бросать эту „каторжную“ службу день и ночь, безъ передышки, хотя оба потеряли здоровье отъ страшнаго ревматизма и сквозняковъ въ тюрьмѣ.

До повѣрки мнѣ пришлось потрудиться, съ молотомъ въ рукахъ, разбивкой кирпича для мостовой...

— Э, смотри-ка и редактора заставили работать, крикнулъ проходившій арестантъ ..

— А вы думаете, говорю я, что насъ даромъ здѣсь будутъ кормять хлѣбомъ?..

— Вы свой ѣдите, а не казенный...

— Все равно—лучше что либо дѣлать, чѣмъ сидѣть сложа руки...

— Справедливо... Мы и сами рвемся на работу изъ камеры съ охоткой, особливо пилить дрова... Безъ дѣла можно задохнуться...

И, дѣйствительно, всѣмъ корридорщикамъ, поварамъ, хлѣбопекамъ, вообще мастеровымъ остальные завидуютъ... „Дышать воздухомъ“... Въ особенности жутко каторжанамъ.

Къ сожалѣнію въ тюрьмѣ не хватаетъ для всѣхъ работы, отъ чего большинство „отъ скуки“ готовы на самоубійство и на побѣгъ...

Послѣднее признаніе часто приходилось мнѣ слышать среди совмѣстной работы на дворѣ.

— Эхъ, баринъ, лучше умереть въ петлѣ сразу, говорили каторжане въ кандалахъ, чѣмъ гнить заживо.

„Смерть куда легче!..“

Первый навѣстилъ меня въ заключеніи настоятель церкви св. Власія священникъ о.

Алексій Михайловичъ Успенскій, въ понедѣльникъ, 6-го сентября, съ большой просфорой „о здравіи“.

Среди нашей бесѣды въ конторѣ, при обязательномъ присутствіи добрѣйшаго и любезнѣйшаго помощн. начальника Петра Антоновича Гилецкаго (въ самую камеру никто не входитъ, кромѣ тюремныхъ директоровъ, священника и надзирателей, съ корридорнымъ, даже чинов. особ. порученій при новг. губернаторѣ Кон. Ник. Кормилевъ не былъ допущенъ туда самимъ начальникомъ).

П. А. Гилицкій, какъ вполнѣ деликатный человѣкъ, видимо чувствовалъ всю тяжесть „подневольнаго“ слушателя чисто дружескаго разговора двухъ близкихъ людей, въ особенности когда наболѣвшая душа искала облегченія изъ устъ духовнаго отца, видимо старавшагося утѣшить страждущаго...

Вообще всѣ свиданія съ добрыми людьми и моими дочерьми обязательно происходили подъ обязательнымъ предсѣдательствомъ либо самаго начальника, или его помощника, обыкновенно занимавшихся какъ бы чтеніемъ служебныхъ бумагъ и рѣдко принимавшихъ участіе въ общей бесѣдѣ...

Никто изъ нихъ не показалъ командованія, или запрещенія болѣе продолжительнаго свиданія...

Горячее спасибо имъ за высокогуманное отношеніе, еще разъ повторяю!..

Лишь только я простился съ горячолюбимымъ батюшкой, какъ пріѣхалъ Александръ Яковлевичъ Молоховичъ съ цѣлымъ транспортомъ закусокъ фруктовъ и другой „снѣди".

— Это обѣщанный калачикъ, спрашиваю добраго пріятеля?

— По св. писанію—въ темницѣ навѣсти, жаждущаго ухлѣби, смѣясь говорилъ милѣйшій „Саша", котораго я помню еще ребенкомъ по Благородному собранію,—если сами не скушаете, то подѣлитесь съ товарищами... И имъ то будетъ въ охотку. Пожалуста вы не откажите, хотя для другихъ... Тутъ все свѣженькое, вкусненькое—кушайте во здравіе"...

Мнѣ пришлось только обнять добраго „кормильца", съ горячей благодарностью "за арестантское подаяніе"...

Съ легкой руки Александра Яковлевича ежедневно я получалъ плетеныя корзины, съ самой лакомой провизіей, которая, „съ дозволенія начальства", раздавалась мною „товарищамъ" по камерамъ.

Въ особенности поразилъ меня своей любезностью и щедростью милѣйшій Егоръ Максимовичъ Кручининъ, привезшій мнѣ, въ сопровожденіи Ивана Ивановича Коптѣлова, око-

ло двадцати фунтовъ роскошнаго окорока, столько же разныхъ колбасъ, сыра, булокъ...

— Помилуйте, да вѣдь это не съѣсть въ теченіе года, воскликнулъ я, съ изумленіемъ...

— Ничего-съ, послышался отвѣтъ, вы тутъ не одни—подѣлитесь...

—„Здѣсь и мой несчастный сынокъ, добавилъ добрѣйшій Егоръ Максимовичъ... Всѣмъ дадите несчастненькимъ по кусочку, авось они и помолятся за насъ грѣшныхъ...Не обижайте“...

Отъ всей души я крѣпко разцѣловалъ истиннаго христіанина.

Подъ пріятнымъ чувствомъ, что „еще помнятъ люди“ незамѣтно промелькнулъ день... Я пошелъ на прогулку въ шестомъ часу вечера...

Изъ входныхъ воротъ прибывали рабочіе „съ воли“...

Всѣ они становились „гуськомъ“ другъ за другомъ, пока каждаго изъ нихъ Ник. Фед. Бѣлорусовъ любовно не ощупывалъ по всѣмъ швамъ; у иныхъ даже снимались шапки съ головы...

— Это что же всегда такъ здѣсь дѣлается, спрашиваю я часового Иванова?

— Обязательно, а то могутъ принести съ собой пилку, ножикъ, подпилокъ... мало ли тутъ чего требуется? Вотъ поглядите на нашего Федю, сказалъ, смѣясь, Ивановъ, —какъ онъ старается!..

Смотрю и буквально поражаюсь...

Ребенокъ быстро обнаруживаетъ арестантовъ и даже своими крохотными ручонками залѣзаетъ подъ штанины до самыхъ колѣнъ, при чемъ громко хохочетъ..

Сначала я думалъ, что ребенокъ цѣлуетъ, ласкается съ арестантами, какъ съ близкими родственниками, но скоро горько въ этомъ разочаровался.. Онъ изображаетъ „пищейку“..

Вдругъ мальчуганъ вытащилъ сложенную бумажку изъ „кепьги“ и, еще быстрѣе, передалъ ее П. Ф. Бѣлорусову.

Изъ устъ „господина стараго надзирателя“, слышится такая фраза:

— Молодецъ, Федя, сразу нашелъ, только ее отдай назадъ ему на напроски... Ничего —это можно... Ты поищи что-нибудь другое, да хорошенько.

Двухлѣтній малютка пуще старается въ поискахъ...

Кругомъ его хохотъ надзирателей и заключенныхъ...

— Ну, что не нашелъ, Федя, опять, со смѣхомъ, спрашиваетъ Николай Федоровичъ,— твое несчастіе—завтра смотри хорошенько, а теперь довольно.. Маршъ!..

Обыскиваемый арестантъ подымаетъ на руки Федю, крѣпко его цѣлуетъ и уноситъ съ

собой въ камеру... Трогательная сцена!

Снова общій смѣхъ, а у меня горло сдавило отъ подступившихъ слезъ при видѣ этой дѣтской забавы.

Старческіе нервы не выдержали...

Черезъ минутъ пять Федя весело выбѣжалъ на дворъ и въ рученкахъ держалъ сладкій кренделекъ...

— Это кто тебѣ далъ, спрашиваютъ ребенка?..

— Дядя!..

Онъ быстро скрылся въ углу, гдѣ женское отдѣленіе и гдѣ онъ родился и гдѣ живетъ съ юной матерью, по фамиліи Черинковой, присужденной къ 15-ти лѣтней каторгѣ за отравленіе...

Въ слѣдующіе дни Федя часто посѣщалъ мою камеру и ежедневно мнѣ приходилось носить его на рукахъ по двору и по лѣстницамъ...

Замѣчательно рѣзвый ребенокъ и любимый „сынокъ“ тюрьмы...

Въ особенности его „балуютъ“ добрѣйшія надзирательницы...

Что предстоитъ Феди въ будущемъ, вотъ вопросъ?!

А теперь ему можно пропѣть старый куплетъ: „шутки милаго дитяти строго нечего судить“...

V.

„Отъ юности моея мнози борютъ мя страсти“.
(Антиф. 4-го гл.)

По случаю сегодняшняго праздника въ тюремной церкви „Скорбящей Божіей Матери“ невольно вспоминается, съ особымъ благоговѣніемъ, богослуженіе маститаго протоіерея о. Петра Ефимовича Рождественскаго.

Этотъ высокочтимый пастырь, въ теченіе нѣсколькихъ дѣсятковъ лѣтъ, несетъ съ любовью свой крестъ и, по моему, болѣе другихъ страдаетъ душой „за несчастненькихъ“, раскрывающихъ предъ нимъ болѣзнь души и сердца, съ чаяніемъ всепрощенія Того Судьи, Который когда то сказалъ покаявшемуся разбойнику „вмѣстѣ со Мной будеши въ раю“...

И, говорю безъ лицепріятія, послѣ самаго отраднаго опыта, что такой служитель алтаря, какъ высокочтимый о. Петръ, въ стѣнахъ тюрьмы служитъ свѣточемъ евангельской любви и апостольскаго подвига.

Послѣ первой бесѣды съ о. Петромъ, я рѣшилъ, прежде всего, не пропускать ни одной церковной службы и готовиться къ св. причастію.

Во всю прошедшую долгую жизнь мнѣ не приводилось быть на исповѣди въ такой необычайной обстановкѣ среди храма, предъ св.

алтаремъ, наединѣ съ чисто доблестнымъ пастыремъ, въ полномъ облаченіи, невольно вдохновляющимъ воскликнуть „Отче, согрѣшихъ на небо и предъ Тобою“!..

Я слышалъ изъ устъ любвеобильнаго пастыря не порицаніе, не упрекъ, хотя по моимъ тяжкимъ безаконіямъ я вполнѣ ихъ заслуживаю, но тихую скорбь и соболѣзнованіе за человѣческую немощь, съ утѣшеніемъ и горячей молитвой о всепрощеніи вольныхъ и невольныхъ старческихъ прегрѣшеній...

Возможно ли было тутъ скрыть содѣянное зло предъ сердцевѣдующимъ судіей, стоявшимъ предо мной не грознымъ обвинителемъ, съ цѣлью покарать за содѣянное, а милостиво выполнить слова Христа: „пріидите ко Мнѣ всѣ трудящіеся и обремененные и Я успокою васъ“!..

Въ такія только минуты самый невѣрующій пойметъ смыслъ евангельскаго завѣта „кто ударитъ тебя въ правую щеку твою, обрати къ нему и другую“...

Дальше добавлять считаю излишнимъ къ пережитымъ мною чувствамъ послѣ св. исповѣди предъ великимъ подвижникомъ слова Божьяго.

Среди всенощнаго я рискнулъ читать шестопсалмы въ первый разъ въ жизни и, въ

награду, но выходѣ изъ церкви, удостоился слышать такое выраженіе отъ кандальниковъ-каторжанъ: „спасибо, баринъ... Эхъ, кабы наши дьячки такъ читали—много бы запало въ человѣческую душу“ и т. д.

Подобный отзывъ въ стѣнахъ тюрьмы отъ „закоренѣлыхъ злодѣевъ“, какъ величаютъ каторжанъ-кандальниковъ многіе „съ косматымъ сердцемъ“, для меня было въ тысячу разъ цѣннѣе и пріятнѣе пережитыхъ рукоплесканій за сорокалѣтнее мое служеніе на сценахъ провинціальныхъ театровъ (гдѣ весьма трудно „срывать лавры“) и обѣихъ нашихъ столицъ.

Еще отмѣчу весьма трогательную черточку. Только послѣ св. причастія я началъ спать спокойно, безъ галлюцинацій удавленника-самоубійцы на дупликѣ, чего ранѣе не испытывалъ за всю недѣлю...

Такъ велико было успокоеніе моихъ взволнованныхъ нервовъ!

„Наша“ тюремная церковь содержится необыкновенно чисто, благодаря неусыпному попеченію члена городской управы, боголюбивѣйшаго Дмитрія Васильевича Пирожникова, удѣляющаго изъ своихъ личныхъ средствъ значительныя суммы на украшеніе св. храма.

По нездоровью и недостатку времени я безсиленъ продолжать свои тюремные наброски.

Сейчасъ пришла новая повѣстка изъ С.-Петербурга, куда требуютъ въ четвергъ, 28 го октября, предстать на скамью подсудимыхъ Судебной палаты по старому дѣлу съ бывш. земск. начальн. Аркадіемъ Николаевичемъ Семичевымъ, принесшимъ апелляціонную жалобу „на мое оправданіе“ въ Новгородскомъ окружномъ судѣ...

Тутъ ужъ не до литературной работы, а потому не сѣтуйте, дорогой читатель, за невольное опозданіе, сердца тягостныхъ замѣтъ“..

VI.

„Изъ всего, что есть на свѣтѣ для человѣка, самый интересный предметъ есть человѣкъ“.

Сам. Смайльсъ.

Ежедневно по утрамъ мнѣ приходилось видѣть пріемъ муки, крупы и другихъ припасовъ изъ кладовой, гдѣ, подъ наблюденіемъ старш. надзирателя Ефима Лукича Тюева, всѣ продукты сдавались по вѣсу арестантскому старостѣ Николаю Ивановичу Чечину.

— Отъ кого вы покупаете?

— Изъ общественной лавки „Взаимная польза“, отвѣтилъ Тюевъ.

— Развѣ тамъ лучше товаръ и дешевле, любопытствовалъ я?

— Право не знаю въ точности относительно цѣнъ, но качество порой бываетъ незавидно, да и не всегда полностью доставляютъ товаръ, болѣе все частями, видно у нихъ недостача и самимъ приходится покупать отъ Матвѣева, Воронова, Лебедева и другихъ крупныхъ торговцевъ...

— Такъ отчего же не берутъ прямо отъ нихъ?..

— Это дѣло не наше... Такъ, значитъ угодно начальству...

Тюевъ умышленно прервалъ бесѣду приходъ другого надзирателя. Въ тонѣ и словахъ моего собесѣдника чувствовалась боязнь „не сболтнуть лишнее“.

Пришлось закончить нашу бесѣду.

Однако, въ интересахъ тюремнаго бюджета, не могу скрыть своихъ соображеній чисто личнаго характера.

Я состою членомъ потребительской лавки „Взаимная польза“ и покупаю въ теченіе года на довольно солидную сумму и долженъ сказать, что цѣны на отпускаемый товаръ зна

чительно выше другихъ торговцевъ. Для иллюстраціи привожу цифровыя данныя: такъ овесъ продавался мнѣ по 75 коп. и по 90 к. за пудъ, когда въ тоже время я покупалъ отъ Конст. Мих. Матвѣева по 60 к. и не свыше 70 к. (на что имѣются счета), лимонъ по 6 к., когда въ мелочныхъ лавкахъ по 5 к., мѣшокъ отрубей по 2 р., когда другіе продаютъ по 1 р. 75 к. и болѣе лучшаго качества, пшеничная мука крупчатка по 7 к. за фунтъ, при одновременной цѣнѣ въ $6^1/_2$ и т. д.

Словомъ, фактически весьма существенная разница, которая en masse болѣе чѣмъ значительна для мизернаго бюджета заключенныхъ, гдѣ каждый грошикъ „вопіетъ къ небу“.

Про эту „операцію“ мнѣ пришлось говорить съ почтеннѣйшимъ хлѣботорговцемъ Андреемъ Степановичемъ Лебедевымъ во время его свиданія со мной въ тюремной канцеляріи, куда онъ, какъ хорошій знакомый пріѣзжалъ „утѣшить меня“ и я выслушалъ „безотрадную правду“ про покупку вагона муки правленіемъ „Взаимная польза“ и съ какимъ трудомъ ему пришлось получать слѣдуемые деньги за отпущенный товаръ...

— Чѣмъ же объяснить непокупку тюрьмой отъ васъ, солидныхъ коммерсантовъ, снова я переспросилъ?

— Это дѣло не наше, добродушно смѣясь, возразилъ А. С.,—у всякаго свой расчетъ и т. д.

Не менѣе, если не важнѣе, слѣдуетъ обратить вниманіе на рабочую силу заключенныхъ, проклинающихъ свое „бездѣлье“ и „рвущихся“ буквально изъ душной камеры на „свѣжій воздухъ“.

Послѣднее обстоятельство крайне необходимо для здоровья и сна...

И больно видѣть съ какою завистью смотрятъ „кандальники“ на выходъ арестантовъ „въ городъ“ для очистки площадей, панелей, тѣмъ болѣе, въ частные дома, гдѣ „ихъ берегутъ“...

Тяжко слышать ихъ сѣтованія и смотрѣть въ глаза, полные слезъ, еще мучительнѣе понять ихъ душевную скорбь отъ вдыханія ежечасно зловонной атмосферы въ камерѣ, предназначенной по кубическому содержанію воздуха на десять человѣкъ, (а заключено вдвое и втрое), гдѣ „въ воздухѣ можно повѣсить топоръ“...

Тюрьма построена для 250-ти заключенныхъ, а содержится теперь свыше 600 человѣкъ.

Не только поварамъ и другимъ мастеровымъ, но даже очистителямъ ретирадовъ, ежедневно копающимся въ вонючихъ ямахъ, заключенные кричатъ, что они „счастливцы“...

И вотъ при такой „даровой" силѣ тюремная администрація могла бы многое сдѣлать въ смыслѣ благосостоянія, а, главное, еще разъ повторяю, въ предотвращеніе скоротечной чахотки, обыкновенно пріобрѣтаемой въ стѣнахъ тюрьмы...!

Прежде всего крайне необходимо устройство электрической станціи для эксплоатаціи наружнаго и внутренняго освѣщенія тюрьмы и особенно отъ зараженія воздуха камеръ вонючими „коптильщиками", на которые расходуется въ годъ болѣе тысячи рублей.

Сверхъ того, электрическая энергія сослужитъ громадную пользу мастерскимъ и можетъ быть примѣняема для полковыхъ казармъ, монастыря и домовладѣльцевъ Нетербургской улицы, съ громаднымъ дивидендомъ, при наличности безплатныхъ рабочихъ.

Если наша губернская типографія даетъ значительный доходъ отъ электрической станціи, то тюремная превыситъ ее вдвойнѣ.

Всѣ первоначальныя затраты по оборудованію окупятся съ лихвой, если только станутъ во главѣ такіе же энергичные люди, какъ С. А. Михайловскій, Н. А. Гиленкій, Е. Л. Тюсевъ и бюджетъ тюрьмы не только будетъ въ тягость министерской смѣтѣ, но дастъ средства къ улучшенію самого зданія и пи-

щеваго довольствія заключенныхъ.

Среди мастеровыхъ особенно мнѣ запечатлѣлся своимъ необычайнымъ добродушіемъ и, добавлю, чисто дѣтской наивностью, съ безотвѣтной покорностью къ переносимому наказанію (восемь мѣсяцевъ тюрьмы) крестьянинъ черновской волости, новг. уѣзда, деревни Кусонь, Яковъ Васильевъ *Крендель*, отецъ шестерыхъ дѣтей „малъ мала меньше"...

— За что вы содержитесь?

— А за то что я *Крендель*, послышался отвѣтъ.

— Какъ такъ? объясните...

— Очинно просто... Родился кренделемъ, такимъ и умру... Кто только не захочетъ, тотъ и согнетъ меня кренделемъ... Кабы другое было прозвище, то все не такъ бы кренделили...

— Чѣмъ же вы провинились?..

— А я бунтовщикъ, еще добродушнѣе продолжалъ Крендель, — сусѣди хлопотали съ стражниками за то, что они пырнули въ шею штыкомъ мою двоюродную тетку, а меня становой Соколовскій забралъ „за сопротивленіе властямъ"... вотъ и засадили, таперя надать платить 7 р. 50 к. судебныхъ издержекъ, а гдѣ ихъ взять, когда тутотко больше двухъ копеекъ въ день не заработаешь... Спасибо.

что пущаютъ на работу „безъ дозору“—все легче на душѣ, да и харчъ скуснѣе. Ира слово.

Вотъ товарищей жаль, которымъ еще сидѣть до того... Меня то выпустятъ перваго ноября...

— Неужели вамъ не дали досрочнаго освобожденія за вашу работу и поведеніе?..

— Куда тутъ? Рази бунтовщикамъ даютъ? . Спасибо, что еще не прибавили... А ужъ поработалъ я здѣся на славу „и въ колья и въ мялья“... до гроба не забуду...

И, дѣйствительно, по словамъ старш. надзирателя Ник. Фед. Бѣлорусова, „Крендель отъ скуки на всѣ руки“, онъ плотникъ, печникъ, маляръ, штукатуръ, словомъ tausent-künzler ..

VII.

Люди, люди развращенные,—
То рабы, то палачи—
Бросьте, злобой изощренные,
Ваши копья и мечи.

А. С. Хомяковъ.

Не претендуйте, дорогой читатель, за медленные „антракты“ выпуска моихъ скорбныхъ воспоминаній одиночнаго заключенія...

Не легко ихъ писать, въ особенности когда надъ сѣдой моей головой виситъ приговоръ: *„четыре мѣсяца въ тюрьму, запишите, не ареста* при тюрьмѣ, гдѣ режимъ еще слаще...

Тутъ навѣрно никто, даже пылкій В. А. Молочниковъ, какъ солидный знатокъ пенитенціарной системы наказаній, не скажетъ, что мнѣ придется „благодушествовать“, а пожалуй, и онъ содрогнется за немощнаго узника нести безропотно столь тяжкое наказаніе за вольныя и невольныя прегрѣшенія перомъ...

Поневолѣ старческіе нервы опаздываютъ болѣе скорѣйшей передачей пережитыхъ впечатлѣній „отъ висячаго замка и желѣзныхъ рѣшетокъ“.

Не засовы и цѣпи страшны, но мучительнѣе всего *лишеніе свободы* и ежедневной обыденной пищи ума,—(только не желудка—въ тюрьмѣ кусокъ въ горло не идетъ!)—привыкшаго реагировать на текущія событія общественной жизни. Я говорю про чтеніе газетъ, безъ которыхъ нашему брату „жизнь, не въ жизнь“.

Дозволяется принимать „жратво“ всякой снѣди, но газеты читать строжайше воспрещено, тѣмъ болѣе продолжать свою редакторскую работу, или корректуру..

Послѣдняя пытка „горше“ первой.

Сознаніе, что ты „рыба на пескѣ“ не разъ вызывало слезы... Да, читатель, не дай Богъ вамъ когда либо перечувствовать то, что выпало мнѣ въ тюрьмѣ... Подобнымъ „благодушіемъ“, можетъ восхищаться развѣ только В. А. Молочниковъ.

Даже предоставленныя мнѣ удобства изъ за любезности, а можетъ быть, скажу правдивѣе, по добротѣ сердца тюремной администраціи, не въ силахъ были пріучить меня къ хладнокровному слушанію лязга цѣпей въ коридорахъ и къ стону заключенныхъ...

Такъ тяжка тюрьма!..

До сихъ поръ не могу совладать съ собой, чтобы докончить свои скромныя замѣтки...

Считаю долгомъ подѣлиться съ вами, дорогой читатель, задушевными строками моего глубокоуважаемаго сотрудника по „Волх. Л“., его сіятельства князя Николая Николаевича Еникѣева, который мнѣ писалъ такъ: „Ваши злоключенія, ваши страданія, меня растрогали до глубины души! Какъ не кажется легко отсидѣть въ тюрьмѣ двѣ недѣли, но главное ***не срокъ***, а ***само заключеніе*** тяжело дѣйствуетъ на душу, умъ и сердце человѣка и отзывается вообще тяжко, какъ будто ***заживо погребеннаго****.

„Давнымъ давно, въ лѣта моей молодости, читалъ я Сильвіо Пеллико, гдѣ онъ страстно, задушевно и правдиво описалъ свои долголѣтнія заключенія и страданія въ прекрасномъ своемъ твореніи „Мои темницы“...

„Не высѣдка страшна,—ужасна и мучительна *нравственная* подавленность, отъ которой чувствуется глубокое и тяжкое оскорбленіе *въ лишеніи свободы*... вотъ изъ одного только лишенія свободы больно и тяжко душѣ человѣка развитаго и мыслящаго, ибо лишеніе свободы *страшная* и *тягчайшая пытка*!

„Лишеніе свободы дѣйствуетъ удручающимъ и подавляющимъ состояніемъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, наноситъ *сильное оскорбленіе человѣческой души, сердцу и уму*“.

„Поэтому то не только испытать на себѣ, но и слышать—что другой человѣкъ страдаетъ—тяжко вызываетъ въ душѣ самыя жгучія и горькія воспоминанія. Дай Богъ вамъ силы и терпѣнія перенести испытанныя страданія“ и т. д.

Остальное продолженіе горячихъ строкъ князя Николая Николаевича слишкомъ лестно и не заслужено мною, а потому болѣе ихъ не передаю....

Еще разъ скажу, что если бы добрые лю-

ди не забыли меня своимъ посѣщеніемъ, то врядъ ли я вышелъ бы изъ тюрьмы въ здравомъ умѣ и ясной памяти...

День проходилъ быстро. Утромъ прогулка на дворѣ и кормленіе голубей, затѣмъ битье кирпича, или, еще интереснѣе, распиловка дровъ „съ каторжанами" въ цѣпяхъ и свиданіе съ друзьями, любвеобильныя бесѣды которыхъ возобновляли силы души и вдохновляли къ жизни. Особенно поразилъ меня своимъ неожиданнымъ приходомъ въ тюрьму уважаемый настоятель мѣстнаго римскокатолическаго костела военный капеланъ о. Казиміръ Игнатьевичъ Батуро, обыкновенно рѣдко посѣщающій дома своихъ прихожанъ „для пріятнаго времяпровожденія"...

— Васъ просятъ на свиданіе въ контору, отворяя камеру, сказалъ мнѣ надзиратель кентій Ивановичъ.

— Кто такой?..

— Польскій нашъ батюшка..

Надзиратель оказался католикомъ.

Признаюсь, что отъ такого пріятнаго сюрприза я бѣжалъ по лѣстницѣ и черезъ дворъ, словно мальчуганъ, на интересное зрѣлище...

Со слезами благодарности я обнялъ наисердечнѣйшаго служителя алтаря.

Наша тихая бесѣда продолжалась болѣе

часа наканунѣ моей исповѣди предъ прича стіемъ, и „батюшка“ своимъ высокохристіан ским ъ утѣшеніемъ еще болѣе укрѣпилъ мои ослабѣвшія силы къ предстоящему св. таинству.

Земно ему кланяюсь...

Насколько я счастливъ былъ посѣщеніемъ уважаемаго батюшки, настолько, если не бо лѣе, болѣзненно сжалось сердце при „оффи ціальномъ“ визитѣ Николая Алексѣевича Ѳо мина, главноуправляющаго пивнымъ заводомъ „Богемія“. Этотъ господинъ вошелъ „персо ной“ въ камеру, въ сопровожденіи начальни ка тюрьмы С. А. Михайловскаго, около трехъ часовъ пополудни, и невольно вызвалъ мое изумленіе при объясненіи С. А. Михайлов ским ъ что „они тюремный директоръ и по желали посмотрѣть на меня“...

Н. А. Ѳоминъ благосклонно протянулъ мнѣ свою руку:

— Ну, что вы довольны, спросилъ онъ, съ покровительственной улыбкой?..

— Очень... очень... благодаренъ, лепеталъ я, какъ ребенокъ, только что высѣченный розгами.

Невольно вспомнился „пынъ величавогор деливый“ Н. А. Ѳоминъ, съ патріаршей боро дой, когда онъ сидѣлъ на скамьѣ подсуди мыхъ новг. окружнаго суда, жалкій, убитый,

за спиной незабвеннаго защитника В. И. Соловова, и когда никто изъ насъ не сдѣлалъ ему вопроса „доволенъ ли онъ расплатой за грѣхи банкоглотовъ“?

Мы нѣкоторое время всѣ трое молча осматривали другъ друга; наконецъ я заговорилъ:

— Нельзя ли вамъ, почтеннѣйшій Николай Алексѣевичъ, попросить у вашего хозяина Леонида Іоакимовича Стальпова пять рублей, или хоть что либо, на похороны старика „раба Божьяго Іоанна“, по фамиліи Пантюхина, служившаго бондыремъ на водочномъ заводѣ его отца болѣе двадцати лѣтъ, вмѣстѣ съ вами, когда вы были тамъ конторщикомъ“?

Николай Алексѣевичъ, при моемъ напоминаніи прошлаго, видимо сконфузился и, обѣщавъ исполнить мое порученіе, быстро скрылся изъ камеры.

Я былъ удовлетворенъ, что тюремный покойникъ будетъ имѣть крестъ на могилѣ за счетъ добраго хозяина.

Однако „лепта“ не была прислана...

Либо не доложили,

Либо пожалѣли...

„Счастливые глухи къ добру“...

VIII.

Живя, умѣй все пережить—
Печаль и радость и тревогу...
Чего желать? о чемъ тужить?
День пережитъ—и слава Богу!

Ф. И. Тютчевъ.

На сколько возможно ближе присмотрѣвшись за двѣ недѣли, и въ особенности, въ личной бесѣдѣ съ лицами тюремной администраціи, я вынесъ такое убѣжденіе, что всѣ обитатели, какъ вольные по названію, такъ и невольные за желѣзными рѣшетками, имѣютъ безспорное право именоваться „несчастненькими“.

Каждому живется и дышется здѣсь не сладко, съ проклятьемъ другъ на друга... Это фактъ.

Всѣ они говорятъ, что одна только „кровная“ нужда, „ради дѣтей“, заставляетъ быть „въ этой каторгѣ“.

Такія слова слышались мною изъ устъ самаго начальника и другихъ его подчиненныхъ вплоть до сверхштатнаго подчастка Семенова, пребывающаго „на ногахъ“ пятьнадцать ч. въ сутки. Самая легкая работа выпадаетъ на стражниковъ, являющихся, въ сущности, для одночасоваго дежурства во время прогулки на дворѣ каторжанъ камеры № 15 и „по-

литическихъ", а затѣмъ они, по выраженію старшаго надзирателя Ник. Фед. Бѣлорусова, снять какъ „удавленные" круглые сутки безпробудно въ надзирательской комнатѣ...

Остальныя лица „страдаютъ" въ полномъ смыслѣ слова „отъ безвыходнаго положенія". Некуда уйти...

Самъ „начальникъ" пользуется относительно большей свободой дышать чистымъ воздухомъ, при разъѣздахъ на трясучей двухколескѣ „душегубкѣ" по дѣламъ службы съ рапортами и для закупокъ товара, но его помощникъ, симпатичнѣйшій Петръ Антоновичъ Гилецкій „корпитъ" въ конторѣ по цѣлымъ мѣсяцамъ безъ возможности посѣтить свой домъ, близъ церкви св. Глѣба и Бориса.

Наравнѣ, если не болѣе, несутъ свой страдальческій крестъ и надзирательницы женскаго отдѣленія, обитательницы котораго куда свирѣпѣе мужчинъ.. Тигрицы!..

При малѣйшей вспышкѣ злобы, „бабы" таскаютъ одну другую за косы „какъ бѣлье полощатъ"...

Извольте съ такими особами прекраснаго пола проводить дни и ночи.

Можно дойти до умопомѣшательства.

Служба тюремныхъ надзирательницъ въ нѣсколько разъ тяжелѣе сестеръ милосердія..

И, представьте, въ такой каторгѣ пребываетъ 23 года почтеннѣйшая и заслуженно уважаемая, сердечнѣйшая Анна Дмитріевна Ивановская, похоронившая свою молодость въ стѣнахъ тюрьмы, безропотно, какъ истинная христіанка.

Я не разъ видѣлъ на рукахъ этой доброй женщины „Федю и Катюшку“, которыхъ она убаюкивала, какъ любящая мать, ласково приговаривая: “это наши тюремныя дѣтки здѣсь родились, какъ ихъ не любить“?!...

По примѣру старшей подруги, также усердно исполняетъ свою нелегкую обязанность и другая надзирательница Анастасія Павловна Иванова, молодая вдова, живущая въ тюремной каморкѣ съ своей дочерью, безъ выхода на свѣтъ Божій въ теченіе двухъ недѣль.

Съ самаго ранняго утра надзирательницы вездѣ съ своими „дамами“: въ прачешной, въ банѣ, на плацу, при развѣшиваніи бѣлья передъ тюрьмой, но изгороди изъ жердей, за отсутствіемъ сушильни, которая болѣе чѣмъ необходима для тюрьмы, особенно зимою; также во время прогулки на дворѣ, гдѣ „эти дамы“ разхаживаютъ гуськомъ, весьма кокетливо поглядывая въ окна заключенныхъ, откуда нерѣдко видѣются воздушные поцѣлуи „ручкой“ и другіе жесты...

— Наши „институтки“, говариваетъ мнѣ бондырь-каторжанинъ Арсеній Павловъ. „одно искушеніе для голодныхъ“...

У каждаго своя „болячка“ въ сердцѣ...

Среди всѣхъ служащихъ тюрьмы проживаетъ „барономъ, съ кокардой на форменной шапкѣ“, тюремный фельдшеръ Павелъ Васильевичъ Полетаевъ, полновластно завѣдующій, „при закрытыхъ дверяхъ“. больницей.

„Градскій“ докторъ П. Е. Чакалевъ бываетъ весьма рѣдко, вполнѣ довѣряясь практической мудрости и знанію своего фельдшера къ слову сказать, недопустившаго меня осмотрѣть больницу на томъ основаніи, что необходимо для этого разрѣшеніе высшихъ чиновъ и т. д.

А между тѣмъ про больницу мнѣ говорили многіе не съ симпатичной стороны и хотѣлось лично посмотрѣть на ее содержаніе подъ замкомъ...

Кокардоносца Полетаева я видѣлъ въ конторѣ всегда въ фуражкѣ. что мнѣ объясняли нежеланіемъ его показывать свою лысую голову.

Вообще этотъ господинъ черезъ чуръ „важенъ“ предъ здоровыми субъектами, а какой же онъ съ больными при закрытыхъ „дверяхъ?“

Не даромъ заключенные говорятъ, что „въ больницу лечь и въ могилу одинаково сладко,

даже лучше сразу умереть, чѣмъ издыхать медленной смертью".

Къ счастью, я не испыталъ больничную прелесть въ тюрьмѣ, но передаю только слышанное и видѣнное, безъ сгущенія красокъ, если ошибочно, то прошу извинить за мое довѣріе „къ несчастненькимъ".

Каждый изъ тюремныхъ заключенныхъ въ бесѣдѣ со мной, при чисткѣ картофеля, распиловкѣ дровъ, или когда мы курили папироски во время отдыха, указывалъ исходной причиной „несчастья" роковую „сороковку", какъ главную виновницу его пребыванія подъ замкомъ..

Обыкновенно „исповѣдь" слышалась въ стереотипныхъ выраженіяхъ такого содержанія:

„Были на праздницкой... сначала за обѣдней помолились, апосля выпили сороковочку, а потомъ захлопотали... взяло за сердце... подъ руку подвернулся колышекъ... трахъ!.. и духъ выпустилъ... значитъ убивство... сичасъ въ тюрьму... судъ... защитнику 50 руб. Ты, говоритъ, молчи, я за тебя скажу... Вотъ и отбываемъ 8 лѣтъ каторги"...

Въ общемъ итогѣ вся кандальная уголовщина „по пьяному дѣлу": весьма рѣдко „изъ за проклятой „бабы—потаскухи"...

Никто изъ моихъ собесѣдниковъ не созна-

валъ себя виновнымъ, напротивъ все свалилось на судей, прокуроровъ, слѣдователей и болѣе всего на урядниковъ, которые де не допросили „нашихъ“ свидѣтелей, а повѣрили „чужимъ“, показавшимъ по родству, свойству, а то и по злобѣ, за деньги, противъ „насъ“...

Одинъ только „дѣдка“ Иванъ Пантюхинъ, бывшій бондарь Стальновскаго водочнаго завода, открыто сожалѣлъ, что у пастуха „не было двухъ головъ, а только одна“, которую онъ отрубилъ съ одного маха изъ за своей „Любушки“...

Дѣдка на 75-мъ году жизни полюбилъ, въ сущности, дѣвчонку 20-ти лѣтъ и думалъ ей оставить всѣ свои „капиталы“, зарытые въ землѣ, но подвернулся Ванька пастухъ и сразу Любушка охладѣла къ старику...

„Сусѣди“ начали зубоскалить, дескать, и колдовство „дѣдки“ не помогло (Иванъ Пантюхинъ считался знахаремъ въ своей деревнѣ) отъ ворожбы пастуха, приворожившаго дѣвку на столько, что она стала бѣгать открыто къ нему въ поле не только по ночамъ, но и днемъ...

„Дѣдка“ давалъ „отступного“ парню, лишь бы „сгинулъ съ глазъ“, да дѣвку оставилъ ему въ покоѣ; но пастухъ еще пуще сталъ смѣяться, говоря, что онъ женится и не разстанется съ ней до гроба жизни...

— Ну, такъ ладно, крикнулъ „дѣдка“, въ присутствіи нѣсколькихъ лицъ, будешъ ты меня поминать на томъ свѣтѣ... Не отдамъ тебѣ мою Любку...

И „дѣдко“ затихъ въ своемъ домѣ.

По деревнѣ пошелъ говоръ, что „онъ помираетъ отъ зазнобушки“.

Такъ прошло съ недѣли двѣ...

Вдругъ мужики „загалдѣли“, что пастухъ пропалъ. Всюду его искали, нѣтъ нигдѣ, точно ключь ко дну...

— „Пойдемъ къ дѣдкѣ онъ погадаетъ, авось и найдется парень?

Старикъ, глядя на „бобы“, покачалъ головой и пробамкалъ, что „ищите пастуха въ лѣсу, близъ большой сосны, въ оврагѣ, подъ кучей хвороста, авось и найдется!“...

„Мужики“ бросились къ указанному мѣсту и нашли Ваньку пастуха безъ головы...

Туда приплелся и самъ Пантюхинъ... Прибѣжала Любушка и „заревѣла коровой, а „дѣдка“, глядючи, на нее сталъ приговаривать: „жаль, что у него не было второй головы, а то бы и ее отсѣкъ сразу“...

— Неужто ты, дѣдушка, порѣшилъ?

— Вѣстимо я—не замай чужой дѣвки.. Туда ему и дорога...

— Да какъ же это?

— Очинно просто . Я давно его стерегъ, ну и обролъ когда онъ спалъ... Тутъ его топоромъ тяпъ, сразу отлетѣла голова, только заморгали глазищи, „я и говорю, моргай, моргай, а дѣвку то проморгалъ“... Несъ съ нимъ! Вяжите меня... Тащите въ тюряху“!

„Дѣдку“ присудили на 9 лѣтъ въ каторгу. на основаніи только его чистосердечнаго признанія „какъ на духу“. Свидѣтелей преступленія не было. Затѣмъ, по преклонности лѣтъ наказаніе „облегчено“ было тюремнымъ заключеніемъ на 17-ть лѣтъ.

И вотъ старикъ въ тюрьмѣ почувствовалъ себя „хозяиномъ“! ежедневно онъ находился на дворѣ при всевозможныхъ работахъ. одобряя усердныхъ мастеровъ и „ругательски ругая“ лодырей—дармоѣдовъ „царскаго хлѣба“...

Тюремная администрація относилась къ нему болѣе чѣмъ снисходительно до конца его жизни...

Передъ смертью „дѣдка“ заплетающимся языкомъ просилъ досточтимаго батюшку о. Петра Рождественскаго „поискать больнія деньги въ саду его дома, на родинѣ, чтобы поставить въ тюремной церкви образъ св. Николая, а остальныя на украшеніе храма“...

На всѣ вопросы къ умиравшему дѣдкѣ точнѣе опредѣлить мѣсто, гдѣ зарыты деньги

и сколько ихъ, слышался глухой отвѣтъ: „много... тамъ всѣ... въ котелкѣ... возьмите ихъ Богу... на поминъ моей грѣшной души“...

„Дѣдка“ скончался въ тюремной больницѣ на 83-мъ году отъ рожденія, послѣ исповѣди и принятія св. причастія.

Мнѣ пришлось быть въ церкви при отпѣваніи „раба Божьяго Іоанна“ и нести бѣлый гробъ, вмѣстѣ съ начальникомъ тюрьмы С. А. Михайловскимъ, по лѣстницамъ до телѣги во дворѣ, въ сопровожденіи о. Рождественскаго, о. діакона и тюремнаго хора пѣвчихъ.

Среди благоговѣйнаго богослуженія въ церкви, каторжане, при пѣніи вѣчной памяти, всѣ пали на колѣна съ рѣзкимъ лязгомъ цѣпей, звуки которыхъ до сихъ поръ въ моихъ ушахъ, словно кандальный „салютъ“ усопшему дѣдкѣ..

Когда гробъ уставили на телѣгу, гдѣ лежалъ крашеный деревянный крестъ, и послышалось пѣніе „Святый Боже“, предъ открытіемъ воротъ, то всѣ каторжане „самой безбожной камеры № 15“, бывшіе въ это время „на прогулкѣ“, какъ одинъ человѣкъ, обнажили головы и осѣнили себя во всю грудь крестнымъ знаменіемъ...

Такъ популяренъ и любимъ былъ „дѣдка“ Иванъ Пантюхинъ...

„Кто дознаетъ какою кручиной
Надрывалося сердце его“?!

VIII.

„Горе мое внутри: наружу можно видѣть... лишь только тѣнь невидимой печали, терзающей измученную грудь".

(Ричардъ II. Шекспиръ).

На ряду „съ несчастненькими" иные, по выраженію В. А. Молочникова, „благодушествуютъ" въ заключеніи подъ замкомъ, приговаривая съ восторгомъ „кому тюрьма, а намъ родной домъ", куда они стремятся попасть къ зимѣ „на готовые харчи", но для остальныхъ это страшное „узилище", гдѣ льются за желѣзными замками фонтаномъ незримыя слезы...

„Счастливчики", „премьеромъ" каковыхъ считается сапожникъ Федоръ Поликарповъ-Борецкій, съ популярной кличкой „шинять", весьма неохотно идутъ на свободу по окончаніи срока и всегда сопутствуются дружескимъ наставленіемъ старшаго надзирателя Ник. Фед. Бѣлорусова, если „шинять" выходитъ во вторникъ, такими словами:

— „Смотри, Федя. не опоздай къ гороху" (который всегда варится въ среду).

Если же выпускъ въ четвергъ, то остроумный Бѣлорусовъ, приговариваетъ иначе:

„Смотри, Федя, не опоздай къ баню въ пятницу"!..

Тотъ смѣется, съ клятвой, что больше никогда не попадетъ „въ уху" и... на другіе сутки „шипитъ" усиленно хлѣбаетъ тюремный горохъ, или еще сердитѣе парится въ банѣ, вспоминая на полкѣ, что „лучше „тюрьмы" ничего нѣтъ на свѣтѣ".

И, дѣйствительно, для уличной голытьбы, такъ называемыхъ, „стрѣлковъ", отдыхъ въ тюрьмѣ отъ холода, голода и побоевъ—земной рай.. Прекрасный хлѣбъ выдаютъ по $2^1/_2$ фунта на человѣка, а кто работаетъ тому еще прибавка въ полфунта; вкусные щи изъ свѣжей капусты за обѣдомъ, „съ головизной", рѣдко доступны „по скусу" въ крестьянской семьѣ; кипятку для чая сколько угодно; бѣлье мѣняютъ еженедѣльно, с овомъ, золоторотецъ, привыкшій больше нить, „закусывая языкомъ", чѣмъ ѣсть горячую пищу, за два—три мѣсяца „отъѣдается" на столько, что „рыло хочетъ лопать" и по неволѣ его арапникомъ гнать надо изъ тюрьмы. Въ особенности одолѣваютъ „безпаспортные и за прошеніе милостыни", которые при мнѣ наполняли „пріемную" еженедѣльно въ количествѣ 50—70 человѣкъ...

Эта босоногая „орава", по справедливости, имѣетъ назваться человѣческимъ „отребьемъ", какъ по внѣшнему виду, такъ, еще болѣе, по

циничному поведенію и безстыдству

Въ этой кучкѣ, кишащей на подобіе паразитовъ, слышится звѣриный вой гулъ, визгъ и пискъ не то бродячихъ собакъ, схваченныхъ въ ящикъ, не то бѣшеныхъ кошекъ... Ничего нѣтъ человѣческаго, тѣмъ болѣе, божьяго подобія... Иныхъ приводятъ чуть не голыми, а другіе облечены въ такіе пестрые лоскутья, что появись актеръ на сценѣ въ подобномъ костюмѣ, то прямо обвинили бы его въ пошломъ фарсѣ и неестественной каррикатурѣ... Безумный гамонъ прекращался послѣ вечерней повѣрки, когда вся эта братія распластывалась на голомъ полу, безъ подушки, матраца и покрышки..

„Кулакъ въ голову, кулакъ подъ бокъ". Отъ холода другъ отъ друга „выжимаютъ масло"..

Ночью изъ разбитаго стекла „пріемной" неслось громовое храпѣніе удавленниковъ... безъ ужаса до сихъ поръ нельзя вспомнить этихъ героевъ горьковскаго „Дна"!.. Здѣсь были старцы, парни и совсѣмъ мальчуганы, съ зелеными лицами, багровыми носами и оловянными глазами... Иные ждали этапа, иные отбывали высидку больше за прошеніе милостыни, иные по ихъ словамъ, „не знаю за что"...

Особенно рѣзка своей яркостью картина

пробужденія голопятной публики утромъ. Какъ только отворялась дверь, то сразу, чисто стихійно, бѣжала черезъ дворъ въ мужскую уборную, рядомъ съ мастерской, масса босяковъ въ припрыжку, кто къ водоливному крану, а кто вдыхать сырой воздухъ полной грудью.

Изъ пріемной распространялась по двору вонючая „зараза“...

— Неужели нѣтъ другого помѣщенія, спрашивалъ я надзирателя?

— Имѣется вотъ тамъ вверху, только его ремонтируютъ—тогда будетъ слободнѣе безъ этапныхъ, а таперича отъ одного духа помереть.

Босяки стоятъ толпой близъ уборной и ждутъ очереди ругая другъ друга самыми отборными словечками.

Вотъ тащится, перекачиваясь съ ноги на ногу, изогнутая фигура Ивана Ивановича, профессіонала нищаго изъ Чудова..

Изъ пріемной выбѣгаютъ „на встрѣчу“ человѣкъ двадцать и становятся въ двѣ шеренги.

Бравый „драгунъ“, въ кавалерійскихъ рейтузахъ, пересылаемый въ медвѣдскій дисциплинарный баталіонъ, громко командуетъ: „смирно“!

Золоторотцы становятся въ струнку и руки по швамъ... Иванъ Ивановичъ ковыляетъ, не обращая вниманія на предстоящую церемонію..

Вдругъ къ нему подходитъ „съ рапортомъ“ драгунъ и, держа у уху ножъ козырекъ, выкрикиваетъ — „честь имѣю доложить вашему благоутробію, что во вѣренной мнѣ винной командѣ все обстоитъ благополучно“. (Общій хохотъ).

Иванъ Ивановичъ машетъ рукой и посылаетъ ихъ къ..., замахиваясь палкой.

Хохотъ еще пуще..

Его подхватываютъ на руки и тащатъ внутрь пріемной...

Оттуда слышатся нечестовые вопли, не то рыданія, не то отчаяннаго крика „карауль“...

— Какъ бы тамъ старика не убили, спрашиваю я?!..

— Ничаго, это они промежъ себя балуютъ каждинное утро, флегматично отвѣчаетъ убійца—каторжанинъ Арсеній Ивановъ, плотникъ валдайскаго уѣзда,—маненько помнутъ бока старику, за то часомъ его напоятъ—до свадьбы заживетъ...

И подобныя сцены повторялись утромъ и вечеромъ, какъ пріятное развлеченіе „отъ скуки“...

Типичная фигура Ивана Ивановича сейчасъ предъ моими глазами...

— Дайте, баринъ, папиросочку, или цыгарочку, смерть хотца затянуться, всегда онъ говаривалъ такъ, при встрѣчѣ со мной на дворѣ...

— Вамъ долго сидѣть?

— Двѣ недѣли... Вмѣстѣ выйдемъ отсюда. Маленько отдохнемъ, а на зиму опять сюда придемъ — здѣсь теплѣе. Чѣмъ мерзнуть по ночлежкамъ... Жаль, что на малый срокъ...

— За что васъ бьютъ?

— „Люди“, отвѣтилъ Иванъ Иванычъ, съ какой то загадочной улыбкой, „за мѣсто больничнаго массажа“.

— „Я обвыкъ — ничего... маленько кровь разобьютъ, а то застоялась въ жилахъ отъ сидячей жизни...

Извольте тутъ сказать что либо въ утѣшеніе!..

Какъ рецидивисты привыкаютъ къ тюрьмѣ, такъ не менѣе ихъ и сами надзиратели, которые, по ихъ выраженію, „втягиваются“ въ эту каторжную жизнь, словно актеры на сценѣ.. Первые говорятъ что „разъ кто попалъ сюда, тому больше выхода нѣтъ изъ за пятилѣтнихъ прибавокъ къ жалованью и неспособности къ другому труду, да и не всякаго возьмутъ изъ тюрьмы, какъ и изъ состава полиціи, дескать, если отсюда „прогнали“, такъ, значитъ, „дрянь человѣкъ“ и т. д.

Послѣдніе, т. е. актеры, всегда повторяютъ стереотипную фразу: „разъ снесешь одну подошву на подмосткахъ театра, то и жизнь свою тамъ оставишь“!..

„Выхода нѣтъ“!..

Люди втягиваются въ чаяніи чего-то таинственнаго nescio quid...

И надзиратели, вродѣ Брылова, служатъ въ тюрьмѣ сразу 33 года, „безъ пересмѣны“...

Но мы, случайные „гастролеры“ арестанты, отмѣчали свои дни особымъ „крестикомъ“ на оконныхъ рамахъ... каждая секунда подъ замкомъ тянулась вѣчностью...

Мнѣ говорили, что тяжело заключеніе будетъ только въ первые два—три дня, „а тамъ и привыкнешь“.

Неправда! Чѣмъ дальше, тѣмъ хуже, мучительнѣе, больнѣе...

И послѣднее мнѣ предсказалъ въ тюрьмѣ великій сердцевѣдецъ заключенныхъ, нашъ г. полицеймейстеръ, почтеннѣйшій А. Ф. Сердюковъ, любезно закончившій бесѣду со мной на тюремномъ дворѣ, такой пророческой фразой: „вамъ особенно будетъ тяжело послѣдніе три дня предъ выходомъ изъ тюрьмы“...

Роковое предсказаніе сбылось въ самой ужасающей обстановкѣ...

Я не могъ спать ни минуты въ послѣднія ночи, отчего страшно обезсилѣлъ и плакалъ истерически, какъ глупая баба „о не родившемся еще Ванюшѣ, котораго заберутъ въ некрута“.

Эти страшные часы не забудутся мною до гробовой доски, какъ самая лютая пытка души и тѣла..

И теперь безъ содроганія не могу вспомнить пережитыя страданія за грѣхи языкоблуда, торжествовавшаго въ моемъ наказаніи по суду свое оправданіе за подлую клевету на честнаго и безупречнаго человѣка..

— „Отче, отпусти"!..

. . . . .

Наконецъ послышался лязгъ ключей и старшаго надзирателя голосъ: „пжалте паспортъ—вы сейчасъ будете свободны.. ваша коляска ждетъ васъ... Будьте здоровы... честь имѣю проздравить"!

„Свѣтъ! свобода!.. Боже!"..

Въ глазахъ помутилось отъ слезъ радости и восторга...

— Паспортъ пжалте!..

Быстро со стола я подалъ арестанскій „билетъ" за № 777, съ неразборчивой подписью товарища прокурора и начальника тюрьмы...

— Пжалте!.. Вещи принесутъ, еще разъ добавилъ надзиратель Викентій Ивановичъ,— не волнуйтесь.. ничаго!.. теперыча—привыкли... въ другой разъ не такъ будетъ трудно... обжились за двѣ недѣльки"...

Я бѣжалъ по лѣстницѣ, перепрыгивая черезъ двѣ ступеньки...

„Какъ и я подъ тучи грозовой,
Какъ бы мучителей объятъ
Неволю связана съ собой"..

Встрѣчные „товарищи" давали дорогу, съ изумленіемъ, глядя на меня.

— „Точно съ цѣпи сорвался". кто то крикнулъ мнѣ въ слѣдъ. но я стоялъ уже въ конторѣ предъ послѣднимъ напутствіемъ начальника тюрьмы..

— Потрудитесь получить деньги!..

— Какія?..

— Ваши продовольственныя по 30 коп въ сутки, всего 4 р. 20 к.

— Богъ съ вами! они не нужны мнѣ — отдайте ихъ заключеннымъ... на улучшеніе пищи...

— Напишите заявленіе... Я долженъ представить деньги въ видѣ депозита въ губернское казначейство.. такъ нельзя .. на словахъ принимать пожертвованій не разрѣшено .. Запрещено начальствомъ...

— Писать мнѣ нѣтъ времени.

— Ну, такъ получите и распишитесь въ книгѣ ..

— А могу я, вмѣсто денегъ, принесть изъ магазина сейчасъ на нужную крупу для каши безъ всякой бумаги?..

— Это сколько угодно, любезно отвѣтилъ г. начальникъ тюрьмы.

Я расписался въ полученіи 4 р. 20 к. и, обнявъ крѣпко всѣхъ присутствующихъ въ конторѣ, выскочилъ на дворъ...

Толпа каторжанъ остановилась и машетъ мнѣ колпачками...

Я низко кланяюсь...

Ворота открыты... „Васька казакъ“, заслышавъ мой голосъ, весело ржетъ, въ ожиданіи куска сахару, приподносимаго мною каждое утро... Слышу изъ устъ каторжанъ:

— „Пріѣзжайте, баринъ, обратно къ намъ поскорѣе, будемъ ждать“...

— Спасибо, товарищи, будьте здоровы.. Скоро увидимся!..

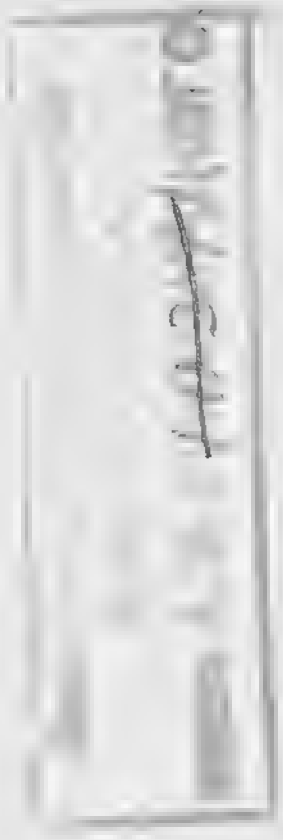
Мой казакъ лихо понесъ меня по Петербургской улицѣ...

Тюрьма осталась позади...

„Богъ вѣсть придется ль мнѣ опять
„Прости“ на „здравствуй“ обмѣнять“?!..

Старецъ Илія.

58838



28-379